

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 6

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 6

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

К 350-летию со дня рождения Петра Великого

От редакции	7	<i>Щепкин В. В.</i>
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Иванова Т. Г.</i>		
Историческое пространство в песне о Русско-шведской войне 1788–1790 годов	8	
<i>Гурьева А. А.</i>		
Первые публикации о Петре Великом в Корее в контексте корейской литературной традиции	16	
<i>Маяцкий Д. И.</i>		
Особенности восприятия Петра Великого в Китае: перевод и интерпретация романа «Петр Первый» А. Н. Толстого	21	
<i>Петров А. М.</i>		
Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы	29	
<i>Урванцева Н. Г.</i>		
Предания о Петре I в газете «Олонецкие губернские ведомости»	41	
<i>Пелгонен И. В.</i>		
Сказки об исторических личностях, записанные в Финляндии	53	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Пушкирова Н. В.</i>		
Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года	57	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Самойлов Н. А.</i>		
Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии	65	
<i>Щепкин В. В.</i>		
Россия и Петр I в исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро	77	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Кожевникова Ю. Н.</i>		
Освидетельствование гробниц местночтимых святых Олонецкого уезда в Петровскую эпоху	84	
<i>Мельнов А. В.</i>		
Установка памятника Петру I в Выборге: по материалам периодической печати	93	
<i>Пчелов Е. В.</i>		
Северо-восточные земли Русского царства в титульной территориальной геральдике XVI–XVII веков	101	
<i>Тетеревлева Т. П., Шурупова Е. Е.</i>		
Петр I в Архангельске: особенности монументальной коммеморации	107	
Дискуссии		
<i>Вагеманс Э.</i>		
Царь против царевича, или Первый корабль на Неве	115	
Рецензии		
<i>Ланькова Е. В.</i>		
Рец. на кн.: У Хэ. Реформы Петра Великого	122	
Юбилей		
К 70-летию со дня рождения В. И. Голдина	126	
Научная информация		
<i>Contents</i>		128

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.09.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 133

18+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор
A. M. Пашков

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В 2022 году будет отмечаться 350-летие со дня рождения Петра Великого, личность и деятельность которого до сих пор вызывают ожесточенные споры. Но эти споры касаются не столько результатов Петровских реформ, сколько вопроса об их цене. Все это заставляет еще более углубленно изучать Петровскую эпоху и историческую память о ней. Для нашего журнала петровская тема является одной из постоянных. В разное время здесь печатались статьи о Петре и петровском времени. Их авторами были как российские (Е. В. Анисимов, П. А. Кротов, А. В. Пигин и др.), так и зарубежные ученые (И. Шварц). Данный номер целиком посвящен петровской проблематике и отличается широтой охвата: публикуются статьи по отечественной истории и востоковедению, литературоведению, фольклористике, языкоznанию.

Предания о Петре I исследуются в статьях Н. Г. Урванцевой, И. В. Пелгонен, А. М. Петрова. Особо отметим статью известного фольклориста Т. Г. Ивановой «Историческое пространство в песне о Русско-шведской войне 1788–1790 годов».

Петр I и его реформы вызывали большой интерес не только в России и Западной Европе, но, быть может даже в большей степени, в странах Востока. В XIX–XX веках перед народами, живущими на азиатском континенте, стояли те же проблемы преодоления многовековой отсталости, что и перед Россией в XVII веке. Поэтому пример деятельности Петра вызывал большой интерес управленческой и интеллектуальной элиты и вдохновлял ее на проведение своих реформ. Проблеме восприятия Петра и его реформ в Китае, Японии и Корее посвящены статьи петербургских востоковедов Н. А. Самойлова, Д. И. Маяцкого, В. В. Щепкина, А. А. Гурьевой и рецензия Е. В. Ланьковой. Статья бельгийского слависта Э. Вагеманса знакомит с романом Ж. Ласта «Первый корабль на Неве» о голландском шкипере Ауке Вибесе, который первым привел свой корабль в петербургский порт и получил от Петра I большую награду.

О памятниках Петру I в Архангельске и Выборге идет речь в статьях Т. П. Тетеревлевой, Е. Е. Шуруповой и А. В. Мельнова.

Остальные публикации также посвящены истории Петровской эпохи либо связаны с ней. Надеемся, что данный номер журнала будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕСНЕ О РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ 1788–1790 ГОДОВ

Аннотация. Рассматривается историческая песня «Шведский король требует возвращения городов», посвященная Русско-шведской войне 1788–1790 годов. Это произведение никогда не было в центре внимания фольклористов. Предметом анализа является пространство, отраженное в песне. Исследуются топосы «требования городов со стороны шведского короля», «угрозы противника захватить Петербург и Москву» и «“пирогов” (боеприпасов), приготовленных русскими для врага», построенные на топонимах. Устанавливаются два вектора использования топонимов в песенном тексте: 1) отражение географической реальности и реализация функции превращения «чужого» пространства в «свое»; 2) построение фольклорных метафор.

Ключевые слова: Русско-шведская война 1788–1790 годов, русские исторические песни, пространство, топонимы

Для цитирования: Иванова Т. Г. Историческое пространство в песне о Русско-шведской войне 1788–1790 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.651

ВВЕДЕНИЕ

21 июня 1788 года, при Екатерине II, шведская армия во главе с королем Густавом III вторглась в Россию. Это была третья русско-шведская война, развернувшаяся в XVIII веке (первая – Северная война (1700–1721), вторая – война в 1741–1743 годах). Шведы претендовали на возвращение территорий, которые отошли России по итогам Северной войны. Противник начал бомбардировку крепости Нейшлот (восточная Финляндия; русский гарнизон в 230 человек), но взять ее не смог и вынужден был уйти. На сущее (в Финляндии) русская армия, не готовая к войне, потерпела поражения при Керникоски, Пардакоски, Валкиала. Командовали русскими войсками О. А. Игельстрём и принц Ангальт-Бернбургский, который в ходе войны скончался от ран.

Война 1788–1790 годов разворачивалась в основном на море. Командующим флотом вначале был адмирал Самуил Карлович Грейг (1735–1788), шотландец на русской службе с 1764 года, отличившийся в морской атаке на Чесменскую крепость в Русско-турецкой войне (1772), начальник Кронштадтского порта (1775). Под его командованием русский флот одержал победу у острова Гогланд (6 июля 1788 года). Однако

заразившийся брюшным тифом адмирал скончался 15 октября 1788 года в Ревеле. После смерти С. К. Грейга командующим Балтийским флотом был назначен адмирал Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809), при котором были одержаны победы в ряде других сражений: у Красной Горки (23–24 мая 1790 года), под Выборгом (22 июня 1790 года), при Роченсальме (28 июня 1790 года). Война для России оказалась победной. Верельский мирный договор (г. Верель, ныне Финляндия) 3 августа 1790 года аннулировал все территориальные претензии Швеции.

Войне 1788–1790 года посвящен единственный песенный сюжет – «Шведский король требует возвращения городов» (№ 410–436)¹. Это произведение никогда не было в центре внимания фольклористов. Исторический комментарий к нему в монографии «Русские исторические песни XVI–XVIII вв.» дает В. К. Соколова [2]. Упоминается песня и в статье А. И. Кузьмина [1: 19].

Подчеркнем, что ни одно из сражений этой войны и ни одно из названных имен военачальников в песне не отразились. Указанные победные битвы, генералы и адмиралы фольклорную традицию, как это ни странно, не за-

интересовали. Пространство же, нашедшее отражение в песне (еще раз заметим – единственном сюжете), оказалось, напротив, весьма выразительным.

Песня демонстрирует удивительно точное понимание солдатами, создателями песен, причин войны. Начальные строки произведения формулируют цели шведов – «Отдай судержавны города»:

Пишет, пишет король шведский
Государыне в Москву:
«Милосердна государыня,
Замиреньца прошу!
Замиреньца пожалуй,
Отдай судержавны города...»
(№ 412, ст. 1–6; см. также № 410, ст. 1–5; № 411, ст. 1–4 и др.).

Песня свидетельствует, что русские солдаты прекрасно осознавали, что Швеция требует возвращения городов, которые некогда ей принадлежали:

«отдай мои города» (№ 414, ст. 2); «отдай шведски города» (№ 415, ст. 3); «отдай прежни города» (№ 416); «стары шведски города» (№ 417, ст. 9); «мои славны города» (№ 431, ст. 13) и др.

Стержнем песни, как мы уже сказали, является военное противостояние двух держав, что на глубинном мифологическом и фольклорном уровнях выражается в категориях «свой» / «чужой»: «чужой» шведский король угрожает «своей» милосердной государыне. Эта тема заложена в первых строках почти всех вариантов песни. На уровне топонимов эта оппозиция отражена в одном из вариантов, где противопоставляются *Стокгольм* (Стекольный) и *Москва*:

Из-под славного было города из-под Стекольного,
Еще пишет король шведский к государыне в Москву
(№ 428, ст. 1–2).

Обратим внимание, что песня конца XVIII века сердцем России, в которой уже почти столетие столицей был Санкт-Петербург, считает Москву. Фольклорное сознание (начиная с XVI века Москва в песнях мыслится центром государства) довлеет над историческими реалиями.

Интересную картину дает персонажное поле, запечатленное в сюжете. Имя шведского короля (Густава III) в песне отсутствует. Этот песенный герой именуется просто «король шведский». Русская императрица (Екатерина II) называется «государыней», «милосердной государыней», «матушкой царицей», «российской государыней», «всероссийской государыней». Лишь в двух текстах Екатерина II названа по имени: Катерина (№ 412, ст. 25), Катерина Алексеевна (№ 436,

ст. 2). Имена правителей, возглавлявших противоборствующие государства, таким образом, для песни оказываются безразличными.

Сюжет «Шведский король требует возвращения городов» упоминает целый ряд русских военачальников, однако все они – подчеркнем, абсолютно все – в действительности не были причастны к событиям Русско-шведской войны 1788–1790 годов. Так, в варианте № 410 появляются П. А. Румянцев и Г. А. Потемкин, которые, согласно сюжету, успокаивают встревоженную шведскими требованиями государыню:

Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцев-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал (№ 410, ст. 24–27).

См. также упоминание Румянцева – № 412, ст. 33; № 413, ст. 29, 32; № 414, ст. 11; № 420, ст. 9; упоминание Потемкина – № 415, ст. 12; № 416, ст. 7.

Песня в данном случае называет имена самых знаменитых государственных деятелей и военачальников царствования Екатерины II. Петр Александрович Румянцев (1725–1796), в молодости участник Русско-шведской войны 1741–1743 годов, проявивший себя в Семилетней войне, во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов стал главнокомандующим армией. При нем в 1770 году были выиграны сражения при Ларге и Кагуле. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира по указу Екатерины II он стал именоваться Румянцевым-Задунайским. В новой Русско-турецкой войне, начавшейся в 1787 году, П. А. Румянцев-Задунайский был назначен командующим 2-й армией при Потемкине-главнокомандующем, что его оскорбило. Фактически в этой войне П. А. Румянцев участия не принимал. К Русско-шведской войне 1788–1790 годов он, повторим, никакого отношения не имел. Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) – яркий государственный деятель, тайный морганатический супруг Екатерины II (1774), участник Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, показавший себя под Хотином, при Ларге и Кагуле, генерал-губернатор Новороссийского края, строитель Тавриды, создатель Черноморского флота. В событиях Русско-шведской войны он также участия не принимал.

В варианте № 411 роль военачальника, успокаивающего государыню, выполняет Суворов (ст. 17–18), то есть Александр Васильевич Суворов (1730–1800), полководец, участвовавший в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов (победы при Кинбурне, Рымнике, взятие Измаила). В Русско-шведской

войне 1778–1790 годов Суворов не участвовал, но в 1791 году он был назначен командующим войсками в Финляндии, где строил укрепления на границе со Швецией.

Помимо имен реальных военачальников времен Екатерины II сюжет «Шведский король требует возвращения городов» включает в себя фигуры, с очевидностью почерпнутые из историко-песенного фольклора предшествующей эпохи. Так, в некоторых вариантах называется Шереметев:

«...сенаторушка / Да Сереметьёв сударь граф» (№ 417, ст. 29–30); «Енерал Шелеметьев ёй (государыне. – Т. И.) на думу приходил» (№ 418, ст. 17); «Шеремечьев восподин» (№ 419, ст. 22).

В варианте № 423 имя Шереметева появляется в топосе «угрозы»: шведский король грозится в Москве стоять во дворце Шереметева: «А я у Бориса стоять у Петровича а я Шелементьева во дворци» (№ 423, ст. 7; ср. № 414, ст. 6; № 428, ст. 19). Борис Петрович Шереметев (1652–1719) – из боярской семьи, воевода, участник первого Азовского похода (1695), военачальник времен Северной войны, испытавший разгром русской армии под Нарвой в 1700 году, через два года возглавивший удачную осаду крепости Нотебург (1702), взявший приневскую крепость Ниеншанц (1703), номинально (при Петре I) возглавлявший русскую армию в битве при Полтаве (1709), захвативший Ригу (1710). Шереметев стал героям ряда песен, посвященных Северной войне: «Шереметьев в соборе» (№ 63–64)², «Войска Шереметьева разбивают шведские полки» (№ 68–69), «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» (№ 70–80). Упоминается он и в других сюжетах цикла о Северной войне. Включение имени Шереметева в сюжет «Шведский король требует возвращения городов», без сомнения, обусловлено не исторической действительностью, а законами фольклорной традиции, где важной составляющей является преемственность.

Равным образом в рассматриваемый сюжет попадает и имя Краснощекова: «Перед ней (государыней. – Т. И.) стоял сам Румянцев и Краснощеков-генерал» (№ 420, ст. 9); «Генералушка большой, Краснощеков-господин» (№ 433, ст. 20; см. также № 434, ст. 21–22). Прототипом песенного Краснощекова, которому посвящены песни времен Семилетней войны «Казаки Краснощекова снимают прусские караулы» (№ 395), «Краснощеков в гостях у прусского короля» (№ 396–402), «Краснощеков ранен» (№ 403–405), как известно, стал Федор Иванович Краснощеков (1710–1764) – участник Русско-турецкой войны

1735–1739 годов, осады Азова, походный казачий атаман времен Семилетней войны. В 1763 году он, первый из донских казаков, получил чин генерал-майора. Как и в случае с Шереметевым, Краснощеков-персонаж в сюжет «Шведский король требует возвращения городов» попадает из предшествующей фольклорной традиции.

Наконец, последнее имя, включенное в рассматриваемый сюжет в результате тех же фольклорных законов, – это З. Г. Чернышев: «Приходил же к ней (государыне. – Т. И.) граф Захар Чернышев Григорьевич» (№ 421, ст. 15, 19, 25, 36). Это еще один герой из песен о Семилетней войне («Чернышев в плену» – № 325–368). Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784), состоя во времена императрицы Елизаветы Петровны при «молодом» дворе (то есть при дворе великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны), обратил на себя внимание будущей Екатерины II, что заставило царицу отправить его в 1749 году в армию. З. Г. Чернышев отличился в Семилетней войне. В битве при Цорндорфе (1758) он попал в плен, что отразила популярная песня «Чернышев в плену». После размена пленными З. Г. Чернышев возглавлял войска, один из корпусов которых взял Берлин. По окончании Семилетней войны он занимал пост президента Военной коллегии (1763–1774); после первого раздела Речи Посполитой возглавил Белорусское генерал-губернаторство; в 1782 году стал первым губернатором Москвы.

Таким образом, система персонажей, представленная в сюжете «Шведский король требует возвращения городов», не отражает исторические реалии времен войны 1788–1790 годов.

Как мы уже показали на примере персонажного поля, песня «Шведский король требует возвращения городов» вступает в диффузию с песнями предшествующей традиции, а именно с фольклором времен Семилетней войны (1756–1763), центральным произведением которого является песня об осаде прусской крепости Кюстрин (№ 287–295). Так, русские военачальники в ответ на угрозы шведов отвечают: «А мы с первого зараду весь Кыстрым-город зажжем, / А с другого мы зараду своей армию побьем» (№ 414, ст. 14–15). В отдельных вариантах в песне «Шведский король требует возвращения городов» противником России оказывается прусский король: «Пишет, пишет король прусский государыне самой» (№ 433, ст. 1; см. также № 434, ст. 1; № 435, ст. 1). Смешение этнонимов (прусский / шведский) и топонимов (Кюстрин в песне шведской тематики) – это обычное, хотя и не регулярное, явление в историко-песенном фольклоре.

Тем не менее мы можем выдвинуть тезис о прочности исторической памяти в рассматриваемом сюжете. В отличие от исторических персонажей песня весьма твердо помнит географические названия, но не локусов, где происходили сражения (все битвы этой войны остались за рамками фольклорной традиции), а городов и крепостей, которые до недавнего времени были шведскими и которые вошли в состав Российской империи благодаря действиям Петра I. Фольклорная традиция, таким образом, взяла на себя функцию ментального освоения пространства, закрепления за определенным пространственным сегментом статуса «своего».

В песне имеется три топоса, строящихся на топонимах: 1) топос требования городов со стороны шведского короля; 2) топос угрозы противника захватить Петербург и Москву; 3) топос «пирогов» (боеприпасов), приготовленных русскими для врага.

Топос требования городов со стороны шведского короля

Перечень городов, которые намеревается возвратить шведский король, весьма выразителен. Это, действительно, города, принадлежавшие в XVI – начале XVIII века Швеции:

Ой отдай *Rigu-tu*, Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдай Нарву-то крепкий городок (№ 410, ст. 7–8).

Riga как христианский и торговый центр Ливонии начала развиваться с 1201 года, когда на Западной Двине (Даугаве) немецкими рыцарями-крестоносцами была поставлена крепость. Тевтонский (немецкий), а затем Ливонский орден здесь были хозяевами на протяжении нескольких веков. Когда Орден ослабел, в ходе Ливонской войны с Московским государством Ивана Грозного, в 1581 году Рига присягнула Речи Посполитой. В 1622 году город был захвачен шведским королем Густавом II Адольфом и стал вторым по значимости в Шведском королевстве. После Полтавской победы (1709) Петр I приказал Б. П. Шереметеву развернуть боевые действия в Прибалтике. В ноябре 1709 года в тяжелейших условиях зимы русские войска начали осаду Риги, которая в то время была одной из мощнейших крепостей в Европе. Чтобы не допустить помочь шведским войскам с моря, А. Д. Меншиков построил укрепления со стороны Балтики. Осада продолжалась до конца июня 1710 года; 4 июля шведы капитулировали. Рига по итогам Ништадтского мирного договора (1721) вошла в Россию.

Ревель впервые упомянут в документах в 1154 году. В русских летописях на протяже-

нии XII–XVI веков город назывался Колыванью; этот же топоним употреблял и Петр I. До XIII века эти чудские (по терминологии летописей) территории находились в сфере влияния Древней Руси. В 1219 году Колывань была захвачена Данией, и город получил новое имя – Ревель. Активно развивался как торговый порт. В 1285 году вошел в Ганзейский союз. В 1346 году Дания продала Ревель Тевтонскому ордену, закрепившемуся в Прибалтике, а тот передал его Ливонскому ордену. В 1561 году при распаде Ливонского ордена стал владением Швеции. Как и Рига, Ревель был взят русскими войсками в 1710 году, причем осажденный город, в котором вспыхнула эпидемия чумы, сдался без боя 29 сентября. Город находился в составе Российской империи до 1918 года, когда была образована самостоятельная Эстонская Республика. Тогда город был переименован в Таллин.

Третий город, названный в приведенном песенном отрывке, – **Нарва** (левый берег р. Нарвы, в 12 км от ее устья). Селение Nargia по письменным источникам известно с 1240 года. В 1223–1346 годах это земли Дании, в 1346–1558 годах – Ливонского ордена. 11 мая 1558 года войска Ивана Грозного взяли Нарву, которая на 23 года стала русской. Однако в 1581 году Нарву захватили шведы, и по Тявзинскому миру Русское государство отказалось от притязаний на этот город (как и на Ревель). При Петре I в начале Северной войны 19 ноября 1700 года русская армия под Нарвой потерпела сокрушительное поражение от шведов. Однако 9 августа 1704 года Нарва была взята и по Ништадтскому миру осталась за Россией.

В топосе «требования городов» может возникать крепость **Кронштадт**, расположенная на землях, которые шведы тоже долгое время считали своими:

«Отдай *Rigu*, отдай Ревель, отдай славный город Коронштат» (№ 411, ст. 5); «Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный город Кроштант» (№ 414, ст. 3); «Отдай *Rigu*, отдай Ревель, отдай славный мой Кронштадт!» (№ 416, ст. 4); «Отдай *Rigu*, отдай Ревель, / Отдай славный город Кронштадт» (№ 427, ст. 7–8); «Первый *Rigu*, второй Ревель, третий Кронштадт» (№ 430, ст. 7).

Кронштадт стоит на острове Котлин, который по Ореховскому мирному договору 1323 года между Новгородской феодальной республикой и Швецией служил границей между этими государственными образованиями (а затем – между Русским государством и Швецией). После Смутного времени по Столбовскому договору (1617) остров отошел Швеции. Корабли

Швеции, стоявшие у Котлина, в конце навигации уходили в свои гавани. В 1703 году, воспользовавшись отсутствием шведского флота, Петр I за зиму построил ряд фортов, которые закрыли проход в Невскую губу, что весной неприятно удивило пришедших к Котлину шведов. Впоследствии здесь выросла русская крепость Кроншлот (голланд. ‘коронный замок’), при перестройке получившая название Кронштадт (‘коронный город’). С 1720-х годов Кронштадт – военно-морская база Балтийского флота.

В одном из вариантов песни в топосе «требования городов» находим *Шлиссельбург*:

Отдай *Питер*, отдай *Ригу*,
Отдай *Ревель*, отдай *Шлюшин*,
Отдай *Нарву* и *Кронштадт* (№ 436, ст. 3–5).

Крепость располагается на острове Ореховый у истока Невы из Ладожского озера. В 1323 году новгородцы поставили на острове сначала деревянные укрепления, а через тридцать лет, в 1353 году, заложили каменные стены и башни. Шведы неоднократно подступали к крепости, называемой Орешек, которая переходила из рук в руки. В 1613 году Швеция захватила Орешек и переименовала ее в Нотебург (nöt – ‘орех’). Во времена царя Алексея Михайловича Россия сделала попытку вернуть крепость, но осада закончилась неудачей. Наконец, осенью 1702 года из Олонецкого края по знаменитой Осударевской дороге русские войска были скрытно переброшены на Ладогу. Крепость была осаждена в сентябре, и 11 октября в результате решительного штурма Нотебург пал. Петр I переименовал его в Шлиссельбург (‘ключ-город’). Географическое название *Шлиссельбург*, непривычное солдатскому уху, в песнях нередко получает просторечную форму *Шлюшин*.

Топос «требования городов» знает и еще одну крепость, завоеванную во времена Петра I, – *Выборг*:

Отдай *Ригу*, отдай *Ревель*,
Отдай рукодель мою;
Еще отдай *Кужляй*, *Вихляй*
Со *Выборгом* назад! (№ 412, ст. 7–10).

Первую попытку взять Выборг (северное побережье Финского залива) – шведскую крепость, к которой неоднократно подступали и дружины Новгородской феодальной республики, и войска московского царя в XVI веке, – Петр I предпринял в 1706 году. Однако тогда Выборг взять не удалось. В марте 1710 года генерал Ф. М. Апраксин осадил город, и 13 июня в присутствии Петра I Выборг капитулировал.

По Ништадтскому миру город остался за Россией.

Таким образом, притязания Швеции на прибалтийские города имели прочные исторические основания. Подчеркнем, что все локусы (кроме Выборга), названные в топосе «требования городов», были уже освоены историко-песенным фольклором в цикле песен о Северной войне.

Интересны варианты формулы «требования городов», где упоминается *Петербург*, расположенный также на бывших шведских землях. Шведы, объявляя войну в 1788 году, действительно выдвигали притязания на новую столицу Российской империи. Таким образом, следующая версия топоса полностью отвечает исторической действительности:

Отдай город, отдай *Ригу*,
Отдай славный *Петянбурх* (№ 417, ст. 10–11).
Отдай *Ревель*, отдай *Ригу*,
Отдай славный Петербург (№ 421, ст. 4–5).

Название города может быть представлено в форме *Питер*:

«Отдай *Питер*, отдай *Ригу*, отдай славный *Коронштат*» (№ 424, ст. 5); «Отдай *Питер*, отдай *Ригу*, отдай славен город *Корноштад*» (№ 418, ст. 4; см. также пример с Шлиссельбургом / Шлюшиным).

Топонимы, что вполне ожидаемо, в историко-песенном фольклоре могут представлять в искаженной форме. И Ревель, и Кронштадт получают в песнях причудливый фонетический вид:

«Первый *Левер*, другой *Легар*, третий славный *Коронштат*» (№ 428, ст. 6); «Отдай *Гивер*, отдай *Ливер*, / Отдай славный мой *Кронштадт*» (№ 435, ст. 7–8); «Отдай *Ригу*, отдай *Ливер*, / Отдай славный *Кранштан!*» (№ 429, ст. 7–8).

В топосе «требования городов» называются топонимы, которые пока не поддаются толкованию. В приведенном выше фрагменте из текста № 412 это *Кужляй* и *Вихляй*. В следующем варианте – Грэждань: «Отдай *Ригу*, отдай *Ревень*, / Славный город мой Грэждань» (№ 419, ст. 5–6). Скорее всего, эти топонимы – результат причудливых искажений каких-то реальных географических названий, отражающих пространство Прибалтики.

Как бы то ни было, все приведенные варианты топоса «требования городов» корреспондируют с реальностью XVIII века – исторической и географической. Однако это не единственный вектор, определяющий построение рассматриваемого топоса. Любопытны единичные варианты, в которых прочитывается историческая память русского народа. В ряде текстов помимо городов, актуальных для ситуации 1788–

1790 годов, представлены топонимы, которые некогда, очень давно, укоренились в русском фольклоре. В формулу «требования городов» они попадают не из исторической действительности конца XVIII века, а из фольклорной традиции – устно-поэтической памяти. Так, в одном из вариантов появляется *Киев*, стоящий у истоков русской государственности. Соответственно шведский король требует

Один *Киевский*, другой *Керинской*,
Третий славный город *Петербург* (№ 431, ст. 14–15).

На киевское время указывает и гидроним *Непра* (Днепр): «Первый *Нега*, второй *Непра*, третий – каменна *Москва*» (№ 432, ст. 5).

Керинский город, упомянутый в приведенном варианте, трудно поддается комментированию. Возможно, это неудачный для данного топоса отголосок топонима Керенск – города, возникшего в 1639 году как Керенская засечная крепость (позднее – Пензенская губерния), хотя такое предположение нам кажется натянутым.

Топос угрозы противника захватить Петербург и Москву

Топос «требования городов» в песне находит развитие в другом топосе – «угрозы шведов захватить Петербург и Москву», в случае если требуемые города не будут возвращены Швеции. По многим вариантам шведский король угрожает всей России:

«Всю *Россиюшку* пройду, / Во *Москву-город* войду» (№ 412, ст. 16–17); «Да я всю твою *Россиюшку*, / Я в полон ее возьму» (№ 417, ст. 16–17); «Всю *Руссиюшку* пройду, в *каменную Москву* зайду» (№ 418, ст. 7); «Уж я силушкой скоплюсь, всю *Россиюшку* пройду» (№ 428, ст. 10)³.

Топос «угрозы Петербургу и Москве» во всех его версиях строится на метафорике. Одной из метафор является тема «дневки» и «ночевки» в новой и старой русских столицах:

Батальицу сочиню, *Петербург с Москвой* возьму,
Я в *Питере* переднюю, в *Москве* приду ночевать.
Распиши-ко ты мне квартерушки по всей *каменной Москве* (№ 411, ст. 8–10).

В твою землю взойду, из конца в конец пройду.
Я в *Питере* ночую, ночевать в *Москву* приду,
Ночевать в *Москву* приду, все фатеры распишу (№ 415, ст. 5–7).

Я в *Москве* переночую,
В *Петербург* дневать пойду (№ 435, ст. 11–12).

Пространство Москвы в некоторых вариантах топоса «угрозы Петербургу и Москве» конкретизируется за счет внутримосковских локусов:

Уж я в *Питере* переднюю,
Ночевать в *Москву* приду.
Моей коннице, пехоте
В Кремле-городе стоять,
Генералам-офицерам –
По купеческим домам,
Рядовым моим солдатушкам –
По всей *каменной Москве*;
Я же встану, король шведский,
Во *Алфертовом дворце* (№ 427, ст. 11–20).

Кремль еще с XVI века вошел в художественное пространство исторических песен; Алфертов дворец – возможно, Лефортов дворец, то есть дворец, принадлежавший одному из сподвижников молодого Петра I. Ср. в другом тексте:

Я в *Питере* переднюю, в *Москву* ночевать вступлю,
В *Москву* ночевать вступлю, фатерушки распишу
<...>

А я сам стану, король шведский, середь *каменной Москвы*,
Середь *каменной Москвы*, в *Кремле-городу*,
В *Кремле-городу*, в государевом дворце (№ 428, ст. 11–18).

В одном из вариантов, конкретизируя московское пространство, песня упоминает московскую *Ямскую улицу* (№ 423, ст. 5).

Любопытно, что конкретизация пространства в топосе «угрозы» касается только Москвы; из пространства Петербурга песня не называет ни одного локуса. По всей вероятности, здесь также сказывается память фольклорной традиции, которая, напомним, еще в песнях XVI века начала художественное освоение московского пространства.

Наряду с метафорой «ночевки» / «дневки» в завоеванном городе в топосе «угрозы» может возникать и метафора «обеда», «ужина» и «завтрака»:

В *Петербург* город приду,
Во *Питере-то* пообедаю,
Ночевать в *Москву* пойду,
Под *Москвой* переночую (№ 431, ст. 18–21).

Ср.:
Во *Питере* пообедаю, в *Москву* ужинать прийду,
Под *Москвой-то* я ночую, поутру рано в нее вступлю (№ 433, ст. 6–7).

Метафора «обеда» может быть представлена автономно – без метафоры «ночевки»:

Ай да я в *Питере* пообедаю, в *Москву* ужинать приду (№ 426, ст. 4).

Как я в *Питере* пообедаю,
В *Москву* ужинать приду (№ 430, ст. 10–11).

Единично в топосе «угрозы» с метафорой «обеда» рядом с Петербургом и Москвой

появляются другие топонимы. Опять-таки вне логики исторической действительности 1788–1790 годов в одном из вариантов возникает **Астрахань**:

Всю Русеюшку пройду, в каменную Москву зайду,
Вот я в Астрахань взойду позавтракать, а в Москву –
пообедать,

В Москву – пообедать, в Питенбурхе буду ночевать
(№ 418, ст. 7–9).

Топос «пирогов» (боеприпасов), приготовленных русскими для врага

Топос «пирогов» – это тоже метафорический топос: о боеприпасах, которыми русские солдаты собираются встретить врага, в песне говорится в кулинарных образах. В одном из вариантов читаем:

У нас есть чем принять, есть чем потчевать его:
У нас есть ли пироги, они в Туле печены,
Они в Туле печены, в Москве маком чинены;
У нас есть ли сухари, они в Туле крошены,
Они в Туле крошены, в Москве высушенны;
Еще есть ли у нас похлебочка – у солдата на бедре,
У солдата на бедре, да что на левой стороне! (№ 411,
ст. 20–26).

См. другие варианты топоса:

«Испечены пироги, черным маком чинены, /
Они в Туле крошены, в Москве высушенны» (№ 418,
ст. 20–21); «Есть у нас сухари – они в Туле крошены, /
Они в Туле крошены, в Москве высушенны» (№ 424,
ст. 16–17); «Ай да и есть у мене сухари, только в Туле
печены» (№ 426, ст. 11). См. также: № 434, ст. 35–36.

Тула в построении этой метафоры возникает, естественно, неслучайно. В городе, расположенным на реке Упа, впервые упомянутом в 1146 году, в 1514–1521 годах получившем каменную крепость, в XVII веке началось активное развитие кузнечного ремесла. В конце этого столетия именно здесь развернул свою деятельность предпримчивый кузнец Никита Демидов. В 1712 году в Туле был основан первый государственный оружейный завод, и с этого времени город стал центром производства оружия в России.

Метафора может расширяться и за счет других топонимов, например **Ярославля**:

Уж вам евти сухари у нас были
В Туле крошены,
В Ярославле сушены,
К Москве вывезены! (№ 422, ст. 38–41).

В одном из вариантов, где шведский король заменен «королем пруским» (явный отголосок песенного цикла о Семилетней войне), появляется **Париж**, что вызвано, вероятно, влиянием поздних песен, посвященных войне 1812 года:

Для тебя ли, король пруский, я гостинцев припасу,
сухарей насышу,
Они в Туле были сушены, а за Парижем вчера разданы (№ 432, ст. 6–7).

Полагаем, что топос-метафора «пирогов» является поздней версией знаменитой древней метафоры «битва как пир», запечатленной еще в «Слове о полку Игореве». Топос «пирогов», заметим, повлиял на один из вариантов топоса «требование городов», в который вне исторической логики проник топоним Тула: «Отдай Тулу, отдан Левер, отдан славной Короштан» (№ 425, ст. 6).

Топос «пирогов» с топонимом Тула сложился, вероятно, еще во времена Северной войны, во всяком случае он встретился несколько раз в песнях этого времени. В сюжете «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» солдаты на вопрос царя, чем они будут потчевать шведов, отвечают:

У нас, батюшка православный царь, все готово, все
приготовлено,
Как у нас, братцы-ребятушки, в Москве пироги пе-
чены,

В Москве пироги печены, в сухари они крошены,
В сухари они крошены, в Туле сушены,
В Туле сушены, по солдатам разданы (№ 58, ст. 28–
32; см. также № 61, ст. 25–26; № 62, ст. 15–17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сюжет «Шведский король требует возвращения городов» является разные векторы использования топонимов в песенном тексте. С одной стороны, многие варианты полностью соответствуют исторической действительности 1788–1790 годов: солдаты, в среде которых родилась песня, демонстрируют не только очень прочные знания о территориях, вошедших в состав России во времена Петра I, но и знание о причинах русско-шведской войны и притязаниях Швеции на земли, которые к концу XVIII века уже несколько десятилетий принадлежали России. Называя прибалтийские топонимы, песня реализует одну из функций топонимов в историко-песенном фольклоре – освоение пространства, превращение его из «чужого» в «свое». В то же время, как мы показали, песня ярко демонстрирует возможности топонимов в построении фольклорных метафор (метафора «дневки» / «ночевки»; «завтрака» / «обеда» / «ужина»). Песня является пример преемственности метафоры, построенной на топониме, предшествующей традиции (топос «пирогов»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. 356 с. В тексте цитируется в круглых скобках.
- ² В названиях песен мы оставляем написание фамилии Шереметьев, как это принято в издании «Исторические песни XVIII века».
- ³ Укажем также, что в одном из текстов Россия встречается в формуле, явно наследуемой от былины «Илья Муромец и Калин-царь»: бегущий из страны противник зарекается бывать в России: «Я не буду, я не стану на Россю приходить, / И свейскую я армию не стану приводить» (№ 414, ст. 19–20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузьмин А. И. Военная тема в народных песнях XVIII века // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1968. Т. 27. С. 18–26.
- Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 329 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; Т. 61).

Поступила в редакцию 21.12.2020; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Principle Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
(St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

HISTORICAL SPACE IN THE SONG ABOUT THE RUSSO-SWEDISH WAR OF 1788–1790

A b s t r a c t. The article addresses the poorly studied historical song “The Swedish King Demands the Return of the Cities” dedicated to the Russo-Swedish War of 1788–1790. The subject of analysis is the space reflected in the song. The author studies the toposes “the demands of the cities on the part of the Swedish King”, “the enemy’s threats to seize St. Petersburg and Moscow”, and “pies (ammunition or weapons) prepared by the Russians for the enemy” based on toponyms. Two vectors of the use of toponyms in the song text are established: 1) reflection of geographical reality and implementation of the function of transforming the “alien” space into the “our” one; 2) construction of folklore metaphors.

Key words: Russo-Swedish War of 1788–1790, Russian historical songs, space, toponyms

For citation: Ivanova, T. G. Historical space in the song about the Russo-Swedish War of 1788–1790. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.651

REFERENCES

- Кузмин, А. И. Military theme in folk songs of the XVIII century. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*. Moscow, 1968. Vol. XXVII. P. 18–26. (In Russ.)
- Соколова, В. К. Russian historical songs of the XVI–XVIII centuries. *Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography*. Moscow, 1960. 329 p. (New series / the USSR Academy of Sciences, Vol. 61). (In Russ.)

Received: 21 December, 2020; accepted: 28 June, 2021

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГУРЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8217-9774; nastyagur@hotmail.com

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В КОРЕЕ В КОНТЕКСТЕ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Анализируются особенности первых корейских публикаций о Петре Великом начала XX века, обусловленные литературной традицией Кореи, а также выявляются причины обращения к традиции. Эти публикации стали частью деятельности представителей просветительского движения, которые стремились ориентировать корейцев на достижения Запада с целью способствовать выходу страны на новый уровень, и история Петра служила образцом такого подхода. Выбор биографии в качестве жанра большинства публикаций о Петре Великом связан с тем, что именно в этом традиционном жанре предлагается образец поведения, которое влечет за собой воздаяние и благоденствие. Вследствие широкого распространения в XVIII–XIX веках повестей, восходящих к корням биографии, этот жанр также ассоциируется с популярностью текста, что используется просветителями для поднятия национального духа и сохранения собственной традиции. Некоторые особенности обнаруживаются в плане содержания текстов. Описание дикости нравов в допетровской России акцентирует в фигуре Петра Великого черты устроителя общества, что категориально совпадает с проблематикой корейских мифов об основателях государств. Эти и другие выявленные факты позволяют сделать вывод о том, что сопряженные с традицией особенности в изображении личности российского царя связаны с направлениями политики просветителей, в частности с намерением подготовить читателей к определенному восприятию текста, однако при этом отражают также специфику понимания роли Петра самими авторами его корейских биографий.

Ключевые слова: Петр Великий в Корее, Россия и Корея, корейская литература, корейская литературная традиция, корейские журналы, журнал Сонён («Юношество»), Чхве Намсон

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018.

Для цитирования: Гурьева А. А. Первые публикации о Петре Великом в Корее в контексте корейской литературной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 16–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.652

ВВЕДЕНИЕ

Знакомство корейцев с фигурой российского царя Петра Великого состоялось в первые годы XX века посредством японских материалов. Самой ранней публикацией о Петре, вышедшей непосредственно в Корее, по всей видимости, является «Биография Петра Великого» – перевод с японского издания (1900), увидевший свет в ноябре 1908 года¹. Кроме того, имя Петра неоднократно упоминается в печатных изданиях аналогичного периода, публиковавшихся научными сообществами корейцев, которые обучались в Японии². Наиболее ранние упоминания о Петре Первом на корейском языке, которые нам удалось обнаружить, относятся к апрелю 1907 года и содержатся в тексте, размещенном в одном из таких изданий – «Вестнике сообще-

ства корейских студентов, обучающихся за рубежом» Тэхан³ Юхаксэнхве хвебо⁴.

Основателями и руководителями таких сообществ выступали преимущественно деятели корейского просветительского движения, ратовавшие за активное освоение корейцами достижений западной культуры. Такой подход проявился в публикациях, знакомящих читателей с историей и культурой других стран.

В непростой период, когда страна теряла независимость (в 1905 году был заключен договор с Японией о протекторате, а в 1910 году Корея стала японской колонией), просвещение в сфере западной культуры и науки воспринималось деятелями просветительского движения как спо-

соб преодоления отсталости и путь к усилению позиций. В этом смысле история русского царя, который познакомил свой народ с достижениями европейской цивилизации (это слово часто употребляется в корейских текстах о Петре), используется в рассматриваемых текстах с целью продемонстрировать читателям пример для подражания.

Преимущественно заслуги Петра приводятся в них как пример деятельности, направленной на восприятие достижений иной культуры. Так, в первом выпуске журнала «Вестник Корейского общества продвижения науки» *Тэхан хынхак-по* размещена речь президента сообщества, который говорит о Петре в связи с преимуществами обучения за рубежом. Российский царь, осваивавший науки в Европе, приведен в качестве примера наряду с такими выдающимися корейскими персоналиями более ранних эпох, как, например, прославленный литератор Чхве Чхивон (857–?), который много лет провел в Китае⁵. В нескольких выпусках «Ежемесячника корейской научной ассоциации» *Тэхан хакхве вольбо*⁶ публикуется серия заметок о Петре Первом и его вкладе в историю России.

Наряду с основной целью – способствовать выходу Кореи на более высокий уровень благодаря освоению нового через иные культуры выдвинутый просветителями лозунг «Участь у других – совершенствуя свое» отражает стремление сохранить достижения культуры собственной. В связи с этим репрезентация западной культуры в текстах приобретает специфику, связанную с местной традицией. В этом отношении показательной является одна из наиболее заметных ранних публикаций о Петре – цикл статей «Биография Петра Великого»⁷, который был размещен в журнале «Юношество» (*Сонён*) начиная с первого номера, вышедшего 1 ноября 1908 года⁸. Факт появления этой публикации можно расценивать как значимое событие еще и потому, что журнал «Юношество» стал первым журналом в Корее, ориентированным на широкую читательскую аудиторию [5]. Важно обратить внимание также на личность организатора этого проекта – одного из лидеров просветительского движения Чхве Намсона (1890–1957), оказавшего определенное влияние как на направление развития западной культуры в Корее, так и на уровень сохранения знания образцов письменной культуры прошлого в широкой читательской среде. Автором биографии Петра Великого в журнале выступил сам Чхве Намсон. В определенной степени эта публикация сочетает в себе указанную специфику деятельности Чхве Намсона, а также объединяет новаторский подход просветителей

и их стремление сохранить и передать собственную традицию.

Как было отмечено, публикации о царе-новаторе размещаются в изданиях, созданных усилиями передовых деятелей просвещения нового, западного образца. Тем не менее характер таких публикаций во многом обусловлен корейской литературной традицией. Остановимся на этом аспекте подробнее.

В первую очередь неслучайным является выбор биографии как формата текста, который призван ознакомить читателей с личностью Петра. Наряду с биографией Петра Великого усилиями просветителей увидели свет биографии других выдающихся исторических деятелей, например Наполеона Бонапарта и Александра Македонского [5]. Биография – древнейший жанр на Дальнем Востоке, и в Корее многие из первых сохранившихся или известных по названиям текстов относятся именно к нему. С течением времени биография неоднократно видоизменяется и служит основой для новых типов литературных произведений. В повторяющемся в разных публикациях названии «Биография Петра Великого» сохранен традиционный жанровый показатель биографии *чон* (кит. *чжуань*).

Важной чертой традиционной биографии является то, что ее героям становится достойная фигура. Это может быть как герой, так и антигерой, который «заслужил» биографию своими выдающимися способностями (например, напавший на Корею японский агрессор Тоётоми Хидэёси (1537–1598), который имел заслуги перед своим народом) [4: 159]. Тем самым биография самой своей формой располагает читателя к восприятию поступков описываемого человека как образцовых, а самого героя – как образца для подражания. Именно деяния – центр биографии, обстоятельства личного характера важны лишь для создания предпосылок к подвигу или служат частью воздаяния за него. Примечательно, что, как показывает исследователь текста Чха Чхивон, в «Биографии Петра Великого», переведенной с японского языка, опущены многие факты из личной жизни царя, в частности история его первого брака [7]. На первый план выдвигается то, что способствует созданию образцовой фигуры.

Воздаяние, обретаемое порой в результате испытаний, очень важно для биографии и сохраняется как основной ее элемент во всех основных трансформациях этого вида текстов. Соответственно, читатель биографии Петра I ассоциирует предпринимаемые царем действия с последующим успехом. Ключевая роль воздаяния выделяется и в одной из поздних трансфор-

маций биографии – повестях *чон* на родном языке, получивших распространение в XVIII–XIX веках [4: 222–223]. Отметим, что воздаяние здесь, как и в более ранних видах биографии, не носит материального характера, но, как правило, выражено в обретении героем благополучия, которое нередко изображается как часть более масштабной картины достижения гармонии после испытаний (социальная реализация мужа героя, исцеление ее отца, торжество справедливости и т. д.). Эти биографические истории получают широкое распространение и становятся репрезентативным жанром корейской традиционной прозы. Удешевление процесса издания делает их доступными читателю любого сословия. В начале XX века жанровый знак *чон* может восприниматься и как знак востребованности и популярности текста.

Важно подчеркнуть, что именно повестям просветители отвели ведущую роль в мотивировании читателей на примере образца, взятого из родного культурного ареала. В основанном Чхве Намсоном издательстве *Синмунгван*, в котором был опубликован также журнал «Юношество», просветитель массово издавал классические повести, дававшие образец поведения⁹. Часто им становился герой (как корейский, так и китайский), который прошел через испытания и в итоге достиг благополучия. Тиражирование произведений с такой сюжетной линией было направлено на поднятие национального духа. Книги распространялись по крайне низкой цене. Название одного из проектов: «Повесть за шесть *чон*» (в данном случае *чон* – это мелкая монета) демонстрирует разницу в стоимости издаваемых книг со средней стоимостью книги в то время 30–40 *чон* (подробнее об этом см. [6]). Одновременно с мотивацией читателей проект был направлен на сохранение традиций родной словесности. В этом отношении показательно, что в том же месте, где располагалось издательство, в 1910 году был открыт еще один публикационный проект Чхве Намсона – «Корейское общество блестящей словесности» *Чосон кванмунхве*, которое занималось собиранием, а также переизданием произведений традиционной литературы [6: 427]. Возможно, к такой деятельности просветителей побуждало также осознание необходимости понимать собственную культуру для более эффективного приспособления нового, воспринятого извне, к своему.

Таким образом, в биографии сосредоточились особенности текста, предлагающего образец поведения, изображающего героя, который обретает воздаяние, и популярного чтения, привычного любому читателю. Эти характеристики как нель-

зя лучше соответствовали цели просветителей – донести до самой широкой аудитории свои идеи о правильном пути, сопряженном с обретением благополучия посредством выдающихся действий (в данном случае – успешными реформами по западному образцу), на примере фигуры Петра Первого [1].

Несколько особенностей, уходящих корнями в литературную традицию, прослеживаются и в содержании статей. Репрезентативна в этом отношении первая часть публикации Чхве Намсона – предыстория появления личности Петра Великого, история допетровской Руси в кратком изложении. Важно то, что акцент в тексте делается на недостаточной цивилизованности общества, которое в итоге преобразовал Петр. В повествовании сообщается о варварских обычаях, которые иллюстрируются примерами¹⁰. Такая ситуация служит предпосылкой к возникновению личности государя, способного организовать общество. Подобная проблематика характерна для корейских эпических текстов раннего периода – мифов об основателях государств¹¹. В отличие от многих других примеров в мировой литературе эти мифы не сообщают о происхождении корейского народа. Центральное место в них занимает фигура государя-устроителя, который организует некое уже существующее на определенной территории сообщество людей, преобразуя его в цивилизованное государство [4: 12]. Этот же подход характеризует и первую социальную утопию в корейской литературе – «Повесть о Хон Гильдоне», главный герой которой создает идеально устроенное государство на острове. В описании принципов устройства утопического общества автором повести, литератором и политическим деятелем Хо Гюном (1569–1618), можно обнаружить элементы легизма [4: 151] – направления китайской этико-политической мысли¹², однако в контексте нашего исследования важно отметить категориальное совпадение ситуации появления фигуры правителя и его роли преобразователя.

Еще один момент, в котором можно обнаружить влияние традиционных для дальневосточной культуры представлений, заключается в том, что приход государя-созидателя связывается Чхве Намсоном с неподобающим состоянием социальных отношений, требующих исправления. Критерием, на основании которого характеризуется общество, служит соответствие или несоответствие отношений между людьми нравственному началу. Такое понимание принципов, на которых зиждется общество, прослеживается в традиционных корейских литературных текстах. Например, в корейской традиционной прозе

получает развитие тип произведений (социальный роман, а затем и повесть), важной чертой которых является причастность центральных персонажей нравственному образцу одного из основных типов отношений (например, «преданный подданный», «верная жена», «почтительная дочь»). Нарушение устоев в рамках одной семьи изображается в литературе как способное повлиять на порядок в государстве, и именно правитель устраниет разлад. Знаменитым примером может служить один из ранних образцов корейского романа – произведение Ким Манчжуна (1637–1692) «Скитания госпожи Са по югу», в котором он критически проецировал ситуацию в семье самого государя [4: 178–180].

Такое видение особенно характерно для корейской культуры. К серьезным текстам традиционно предъявлялось определенное требование: они должны были предлагать образец поведения и способствовать формированию правильных критериев. Иллюстративным примером может служить знаменитый фрагмент из предисловия, написанного государственным историографом Ким Бусиком (1075–1151) к его сочинению «Исторические записи Трех государств» *Самгук саги* (1145). В нем автор обосновывает свой труд тем, что прежние записи такого образца не содержали [4: 50].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что Петр Первый стал частью процесса знакомства корейцев с историей и культурой России. В аналогичный период времени публикуются (в частности, Чхве Намсоном) корейские переводы русской литературы, например, Л. Н. Толстого [3: 294]. Однако тексты, в которых фигурирует Петр, не только знакомят с культурой России, но направлены в первую очередь на создание готовности и желания читателя понять чужую культуру и воспринимать ее в качестве примера, на необходимость ориентироваться на внешнее, чтобы способствовать благоденствию внутри страны [1].

Выделенные особенности подачи информации о Петре Великом, обусловленные влиянием корейской (и дальневосточной) литературной традиции, говорят как о специфике восприятия российской истории авторами текстов, так и о попытке приспособить материал для читателей. Обращение к традиции способствовало восприятию Петра Великого как образцовой фигуры и в то же время акцентировало внимание на его выборе ориентации на Запад в качестве лучшего пути для усиления государства и обретения народом благоденствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Перевод на корейский язык выполнен Ким Ёнчханом под редакцией Син Чхэхо [7].
- ² Информация об этих обществах уточнена в [한국민족문화대백과사전](#) (Энциклопедия национальной культуры Кореи [Электронный ресурс]). Режим доступа: <http://encykorea.aks.ac.kr/> (дата обращения 12.01.2021)).
- ³ Тэхан – часть названия страны в период 1897–1910: *Тэхан чегук* – Корейская империя, буквально: Империя Великая Хан [2: 360–361].
- ⁴ *대한유학생회회보* (Вестник сообщества корейских студентов, обучающихся за рубежом. Токио, 1907–1909).
- ⁵ 本會總代劉泰魯氏祝辭 // *대한홍학보 제1호* (Поздравительная речь президента Ассоциации господина Рю Тхэро // Вестник Корейского общества продвижения науки. Токио, 1909).
- ⁶ 玩市生. 皮得大帝傳 // *대한학회월* (Ван Сисэн. Биография Петра Великого // Ежемесячник корейской научной ассоциации. № 2–9. Токио, 1908).
- ⁷ В названиях различается транскрипция имени царя. В данном случае имя Петра транскрибировано как Пхетхо тэчже, то есть используется корейская транскрипция имени, в то время как в журналах, выходивших в Японии, приведен вариант Пхильтык тэчже – транскрипция записи при помощи китайской иероглифики. В обоих случаях обозначение можно перевести буквально как «Великий император Петр».
- ⁸ 최남선. *페터대제전// 소년* (Чхве Намсон. Биография Петра Великого // Сонён («Юношество»). Вып. 1. Сеул: Синмунгван, 1908).
- ⁹ Гурьева А. А. Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га» (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института Восточных Рукописей РАН): Дис. канд. филол. наук. СПб., 2012. С. 18.
- ¹⁰ 최남선. *페터대제전// 소년* (Чхве Намсон. Биография Петра Великого // Сонён («Юношество»). Вып. 1. Сеул: Синмунгван, 1908).
- ¹¹ Мифы об основателях государств дошли до наших дней в более поздней фиксации.
- ¹² Переломов Л. С. *Легизм // Китайская философия*: Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 161.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьева А. А. К вопросу о публикации о Петре Великом в первом корейском журнале Сонён «Юношество» (1908) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 50–57.
2. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 744 с.

3. Солдатова М. В. Литературные связи России с корейскими государствами // Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 293–308.
4. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 323 с.
5. Allene Chizuko T. Ch'oe Nam-són's youth magazines and message of a global Korea in the early twentieth century // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2014. Vol. 14 (2). P. 195–217.
6. 이주영. 신문관 간행 «육전소설» 연구//고전문학 (Ли Чжуён. О серии «Юкчон сосоль» издавательства Синмунгван // Классическая литература. Вып. 11. Сеул: Общество исследователей корейской традиционной литературы, 1996. С. 423–442).
7. 차지원. 『聖彼得大帝傳』(성피드대제전) 한국 최초의 표트르 대제 전기에 관하여 // 한국노어노문학회 학술대회 발표집 (Чха Чживон. «Сонпхидык тэчжечжон»: о первой корейской биографии Петра Великого) // Сборник докладов научной конференции Корейской ассоциации русского языка и литературы. Сеул: Корейская ассоциация русского языка и культуры, 2017. С. 17–33).

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Anastasia A. Guryeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8217-9774; nastyagur@hotmail.com

THE FIRST PUBLICATIONS ABOUT PETER THE GREAT IN KOREA IN THE CONTEXT OF KOREAN LITERARY TRADITION

A b s t r a c t. The paper analyzes some specific features of the first Korean publications about Peter the Great in the early XX century relating to the Korean literary tradition, as well as traces the reasons for addressing the tradition. These publications are a part of the enlightenment movement aimed at introducing the Koreans to the achievements of the West in order to take Korea to a new level, with Peter the Great being a model of such approach. The selection of the biographical genre for the majority of the publications can be explained by the fact that this genre suggests the model of behavior resulting in some immaterial reward and general harmony. The prose genre derived from the classical biography was widespread in the XVIII and the XIX centuries, thus the biographical genre was also associated with popularity. This fact was used by the enlightenment movement representatives, who published biographies in numbers to lift the national spirit and preserve the tradition. Some specific features can also be found on the level of contents. The description of wild morals in Russia before Peter the Great emphasizes the traits of the Tsar as the builder of the nation. Categorically, it coincides with the main subjects of the Korean myths about the founders of the state. These and other features lead to the conclusion about the relation between the traditional specifics of Peter the Great's representation and the main directions of the activities carried out within the enlightenment movement. The publications were to prepare the readers for the certain perception of a given text and at the same time reflected the specific understanding of Peter the Great's role by the authors of his first biographies in Korea.

Key words: Peter the Great in Korea, Russia and Korea, Korean literature, Korean literary tradition, Korean journals, Soneyon (Youth) magazine, Choe Namseon

A c k n o w l e d g e m e n t s. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 20-09-42018.

F o r c i t a t i o n: Guryeva, A. A. The first publications about Peter the Great in Korea in the context of Korean literary tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):16–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.652

REFERENCES

1. Guryeva, A. A. On the issue of publishing about Peter the Great in the first Korean magazine *Soneyon* “Youth” (1908). *The Bulletin of Irkutsk State University*. 2020;34:50–57. (In Russ.)
2. Kurbanov, S. O. History of Korea: from the ancient times to the early XXI century. St. Petersburg, 2018. 744 p. (In Russ.)
3. Soldatova, M. V. Literary relations between Russia and Korean states. *The Korean Peninsula: history and present times*. Moscow, 2020. P. 293–308. (In Russ.)
4. Trotsovich, A. F. History of Korean traditional literature (before the XX century). St. Petersburg, 2004. 323 p. (In Russ.)
5. Allene Chizuko T. Ch'oe Nam-són's youth magazines and message of a global Korea in the early twentieth century. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2014;14(2):195–217.
6. 이주영. 신문관 간행 «육전소설» 연구//고전문학.
7. 차지원. 『聖彼得大帝傳』(성피드대제전) 한국 최초의 표트르 대제 전기에 관하여 // 한국노어노문학회 학술대회 발표집.

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской
филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КИТАЕ: ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНА «ПЕТР ПЕРВЫЙ» А. Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. Статья посвящена ранее не исследовавшейся в отечественной науке теме. Ее актуальность обусловлена наметившимся в недавнее время (в связи с предстоящим 350-летием со дня рождения) ростом научного интереса к личности и реформам императора Петра Великого не только в России, но и в других странах. Затрагивается проблема имагологической перцепции явлений российской культуры и выдающихся героев российской истории жителями Китая как носителями иной культуры. Рассматриваются переводы и переводчики советского исторического романа «Петр Первый» А. Н. Толстого на китайский язык, являющегося в Китае одним из источников сведений и представлений о русском царе. Отдельно анализируются ставший в КНР классикой перевод, выполненный и впервые изданный в 1986 году русистом Чжу Вэнем, а также исследовательские работы Чжу Вэня об этом романе. Выявляется специфика восприятия Чжу Вэнем образа Петра Первого, устанавливаются обусловившие его идеологические и культурные наслоения. С использованием размещенного в китайском сегменте глобальной сети Интернет материала рассматривается также вопрос восприятия образа российского императора китайскими гражданами – блогером Гао Хуном и продавцами книги в интернет-магазинах. В качестве основного метода научного исследования в статье применяется метод сравнительного лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: Петр I, Россия и Китай, межкультурные коммуникации, имагология, образ Петра Великого в Китае, русская литература на китайском языке, роман «Петр Первый» в Китае, Чжу Вэнь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Для цитирования: Маяцкий Д. И. Особенности восприятия Петра Великого в Китае: перевод и интерпретация романа «Петр Первый» А. Н. Толстого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.653

ВВЕДЕНИЕ

Специальное имагологическое изучение оценок восприятия в Китае явлений российской культуры, событий истории, исторических деятелей и прочих ассоциированных с нашим государством феноменов, в том числе различных сторон современной жизни, – достаточно молодое и еще не столь широко распространенное в отечественном китаеведении направление. Между тем оно весьма важно, поскольку напрямую помогает разобраться, как в условиях усиливающейся глобализации и расширяющихся контактов происходят формирование и изменение представлений о нашем государстве в сознании жителей Китая – главного торгово-экономического и политического партнера Российской Федерации. При этом исследование вопросов, непосредственно касающихся того, каким китайцы видят

образ одной из ключевых фигур отечественной истории – императора Петра Великого (1672–1725), началось в 2020 году группой российских ученых: Н. А. Самойловым, Д. И. Маяцким, А. М. Харитоновой и Е. В. Ланьковой. Профессор Н. А. Самойлов опубликовал три статьи, в одной из которых проанализировал сообщения о Петре I маньчжурского сановника Тулишэня, приезжавшего с посольской миссией в Россию в 1712–1715 годах и оставившего записи о своей поездке [6]. В другой статье Н. А. Самойлов рассмотрел использование образов Петра Великого и японского императора Мэйдзи (1852–1912) в публицистических сочинениях сторонников Движения за реформы в Китае конца XIX века, обращавшихся к истории России и Японии для обоснования своих идей и предложений [5]. В третьей – исследовал влияние деятельности русского царя

на идеологов того же реформаторского движения [7]. Е. В. Ланькова и Д. И. Маяцкий изучали оценки внешнеполитической и реформаторской деятельности Петра Великого, присутствующие в трудах современных китайских историков [1], [2]. А. М. Харитонова совместно с Д. И. Маяцким опубликовали две статьи, в которых рассмотрели и проанализировали китайские и вьетнамские переводы произведений А. С. Пушкина о Петре I, а также литературные произведения китайских публицистов начала XX столетия о российском императоре [3], [4].

В предлагаемой статье рассматривается вопрос популяризации в Китае сведений о Петре I через китайские переводы одноименного романа А. Н. Толстого (1883–1945). Особый упор делается на изучение проблемы восприятия образа царя автором полного перевода этого произведения на китайский язык Чжу Вэнем, а также китайскими читателями этого перевода.

РОМАН «ПЕТР ПЕРВЫЙ» И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КИТАЕ

Исторический роман-эпопея «Петр Первый» А. Н. Толстого – одно из крупнейших и ярчайших произведений советской литературы первой половины XX века, одно из наиболее известных и популярных произведений, посвященных российскому императору Петру I. Создание романа писатель замыслил еще в 1917 году, непосредственно же трудился над ним со значительными перерывами примерно с конца 1920-х годов до своей кончины в 1945 году, так и не успев завершить его. Получившееся произведение состоит из трех книг. Первая и вторая книги были изданы в 1930 и 1934 годах соответственно. Третью же автор не закончил, но ее тем не менее издали в 1945 году, объединив с двумя первыми частями. Центральным героем в произведении выступает Петр Первый. Повествование организовано вокруг его фигуры и изложено в линейной хронологической последовательности. В общей сложности А. Н. Толстой смог охватить лишь 22 года правления Петра Великого – с 1682 до 1704-й, хотя планировал продолжить повествование дальше, только не известно точно до какого года.

Распространено мнение, что «Петр Первый» писался под идеологический заказ И. В. Сталина и понравился ему, что подтверждает факт присуждения в 1941 году произведению Сталинской премии первой степени. Видные писатели (например, М. Горький¹) и литературоведы в советскую эпоху неизменно давали творению А. Н. Толстого высокие оценки, видели в нем

замечательный образец исторического романа в стиле социалистического реализма². Находили значительное сходство между изображавшейся А. Н. Толстым эпохой и современностью, усматривали скрытые параллели между выдающейся ролью царя Петра и ролью И. В. Сталина в истории России. Считалось, что на примере Петра I автор мог оправдывать кардинальную перестройку старого общества ценой великих жертв и насилия, когда этого требовало всеобщее благо. Роман после первой полной публикации неизменно пользуется популярностью среди отечественных читателей. Об этом свидетельствует тот факт, что, согласно данным каталогов Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, до 1991 года он переиздавался свыше 90 раз, а с 1992 по 2021 год – около 40 раз. Роман «Петр Первый» был переведен на многие языки мира, в том числе китайский.

Судя по имеющейся у нас информации, роман «Петр Первый» переводился на китайский язык тремя переводчиками – Лоу Шии (楼适夷, 1905–2001), Чжу Вэнем (朱雯, 1911–1994) и Цзы Му (子木)³. Из них пока почти ничего не известно о Цзы Му. Можно предположить, что Цзы Му – это псевдоним молодого переводчика, недавно заявившего о себе. Изданый им перевод предлагает сокращенную версию романа. Что касается первых двух переводчиков, то в Китае они достаточно широко известны и авторитетны.

Лоу Шии – псевдоним китайского писателя, переводчика и издателя Лоу Сичуня (楼锡春), творившего также под именем Лоу Цзяньнань (楼建南). Он происходил из уезда Юйяо провинции Чжэцзян (浙江余姚). Получил образование в частной школе. В 1920-х годах занялся литературным творчеством. В 1928 году поступил на учебу в Шанхайский университет искусств (上海艺术大学). В 1929–1931 годах проходил стажировку в Японии, где увлекся русской литературой. По возвращении в Китай вступил в Лигу левых писателей (中国左翼作家联盟). За свои левые взгляды Лоу Шии в 1933–1937 годах по политической статье отбывал тюремное заключение, во время которого занялся переводом произведений русских и японских писателей (М. Горького, А. Толстого, Такидзи Кобаяси и др.). После образования КНР был заместителем главного редактора крупного издательства «Жэньминь вэнъюэ чубаньшэ» («Издательство народной литературы», 人民文学出版), советником-консультантом. В 1940 году издал под названием «Петр Великий» (彼得大帝) перевод части романа А. Н. Толстого⁴. В 1949 году этот перевод переиздавался

в Сянгане, в 1950 году – в Пекине⁵. Поскольку он неполный (без третьей книги) и выполнялся с языка посредника (японского), мы не будем рассматривать его подробно.

Чжу Вэнь – псевдоним литератора и переводчика Чжу Хуанвэня (朱皇闻), печатавшегося также под творческими именами Ван Фэнь (王坟) и Мэн Фу (蒙夫). Уроженец Сунцзяна близ Шанхая, он в 1932 году окончил университет в г. Сучжоу (苏州大学). Был учителем в местной школе, преподавателем и профессором в ряде высших учебных заведений Шанхая – Шанхайском юридическом институте (上海法学院), Шанхайском финансовом институте (上海财经学院), Фуданьском университете (复旦大学), Шанхайском педагогическом институте (上海师范学院) и Шанхайском педагогическом университете (上海师范大学教授).

В 1986 году Чжу Вэнь опубликовал перевод романа А. Н. Толстого под названием «Петр Великий» (彼得大帝)⁶. Именно этот перевод стал в Китае классическим, переиздавался не менее шести раз – в 1992, 1998, 2006, 2010, 2016 и 2019 годах⁷. Из других произведений А. Н. Толстого Чжу Вэнь переводил также трилогию «Хождение по мукам» (苦难的历程, издана полностью в 1957 году), повести и рассказы. Кроме того, ему принадлежат переводы произведений немецкого писателя Э. М. Ремарка (Erich Maria Remarque, 1898–1970), американской писательницы П. С. Бак (Pearl Sydenstricker Buck, 1892–1973) и др.

Перевод романа А. Н. Толстого, выполненный Чжу Вэнем, ценен тем, что он полный, осуществлялся с русского языка⁸, и тем, что переводчик является, пожалуй, единственным в Китае крупным русистом, специально занимавшимся научным изучением творчества русского писателя. Именно его исследовательские публикации, посвященные этому роману, позволяют лучше понять, как воспринимал роман китайский переводчик, каким представлял себе творческий замысел А. Н. Толстого, каким видел образ императора Петра Великого.

ЧЖУ ВЭНЬ О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Разбору романа «Петр Первый» Чжу Вэнь посвятил «Предисловие» (входит во все издания романа в переводе Чжу Вэня) и две статьи⁹.

В статье «Первый подлинно исторический роман»¹⁰ Чжу Вэнь предполагает, что, создавая роман, А. Н. Толстой мог ставить перед собой многие цели, главными из которых были: воссоздать подлинный образ героя конкретной исторической эпохи и через него передать дух

этой эпохи, параллельно на страницах романа воспроизвести полотно жизни россиян в конце XVII – начале XVIII века с происходившими тогда судьбоносными для Российского государства историческими событиями, инициатором и творцом многих из которых был царь Петр (Чжу Вэнь: 10). Поэтому переводчик исходит из того, что показанный в романе главный герой максимально близок историческому прототипу.

Особое внимание переводчик обращает на особенности психологического портрета царя, в ключевых чертах которого находит как положительные, так и отрицательные стороны. Например, он называет выделявшую Петра I среди современников и других правителей талантливость (才艺出众), невероятную энергичность (热情奔放), беспощадную жестокость (残酷无情), самостоятельность и непоколебимую решительность в действиях (独断专行). Особенно переводчик выделяет уходящую, по его мнению, корнями в юные годы, проходившие на фоне опасной политической борьбы и его дружбы с цивилизованными иностранцами, острую, почти слепую, нетерпимость к варварству, консерватизму, малейшим посягательствам на его самодержавную власть, личные идеалы и начинания (Чжу Вэнь: 11). В борьбе с такими оппонентами царь «прибегал к мерам бесчеловечным, а иногда – до крайности жестоким» (所使用的手段是野蛮的, 有时甚至是极端残忍的 (Чжу Вэнь: 11)). Впервые эти черты, как считает Чжу Вэнь, в романе проявляются во время описания подавления стрелецкого бунта 1698 года. Тогда молодой монарх лично проводит беспрецедентное по масштабам и последствиям (旷古未有), беспощадное разбирательство, своими руками казнит нескольких стрельцов. Эта готовность замарать собственные руки в крови политических врагов весьма удивила и даже потрясла переводчика, обращающегося в своем описании к ярким эмоционально окрашенным эпитетам (например, «неслыханная чудовищность» 骇人听闻), сквозь которые проскальзывают нотки ужаса. Переводчик едва ли не называет самого царя «варваром». Чжу Вэнь был склонен считать, что «таким в реальности было все царствование Петра», проводившего свои преобразования настойчиво, во что бы то ни стало, не чураясь самых крайних мер, «жестоко угнетая трудовой народ и особенно – крепостных крестьян» (Чжу Вэнь: 11). Также Чжу Вэню показалось, что автор романа ничуть не пытался приукрасить повествование, сгладить его, скрыть, какую в действительности цену заплатила Петровская Россия ради преодоления многовековой отсталости и выдвижения

в ряды великих держав. В этом он видит следование автора произведения принципу реалистического историзма. Специфические особенности характера Петра Великого он объясняет «проявившимся в нем отпечатком классовых и исторических противоречий» (揭示出阶级和时代的矛盾在他身上打下的烙印) (Чжу Вэнь: 11). Такие черты переводчик воспринимает как отрицательные.

Стремясь быть объективным и признавая масштаб фигуры Петра Первого, Чжу Вэнь находит в нем и другие, на его взгляд, отрицательные стороны:

«Действительно Петр Великий был поистине выдающейся личностью, но всю свою жизнь он непрестанно стремился расширить границы за счет захватнических походов. Россия нуждалась в водном пространстве. Целью первой войны с Турцией для Петра Великого было обретение выхода в Азовское море, целью войны со Швецией – получение выхода к Балтийскому морю, целью второй войны с Турцией – овладение проходами к Черному морю. Захват земель и расширение были отправной точкой всех его действий... Но именно эта захватническая направленность [царя] почти не была А. Толстым в романе раскрыта и подвергнута осуждению» (Чжу Вэнь: 13).

Чжу Вэнь видит недостаток произведения в том, что советский писатель не осмысливает критически внешнеполитическую активность Петра Великого, наоборот, даже как будто занимает сторону императора, оправдывая эти и другие его так называемые недостатки.

В то же время Чжу Вэнь видит Петра Первого государственным мужем незаурядных качеств – обладающим сильной тягой к знаниям, острым умом, полным неиссякаемой энергии и сил, хозяйственно вникающим в мельчайшие нюансы государственных дел, беспощадным к себе и другим, готовым на собственном опыте показать окружающим пример следования своим нововведениям (Чжу Вэнь: 12). Чжу Вэнем отмечена необычность и авантюрная рискованность поступка молодого Петра, впервые в истории России отправившегося с продолжительным посольством за рубеж. Вызвала у переводчика определенные симпатии в первый раз замеченная им во время изображения Азовских походов 1695–1696 годов граничившая с упрямством стойкая целеустремленность царя, не опустившего руки после первой неудачи, наоборот, резко повзрослевшего и вознамерившегося во что бы то ни стало захватить Азов. Именно эти качества, как считает переводчик, в сочетании с умением извлекать из прошлых ошибок необходимые уроки, вдумчиво и творчески исправлять их (со скрупулезной проработкой

планов, максимально широким привлечением научных расчетов, строительством необходимых сооружений и т. д.), способствовали впоследствии успеху второго похода. И так происходило после любой неудачи, пусть даже крупной и должной для царя быть крайне унизительной. Монарх не счел позорным оставить в 1700 году под Нарвой свои войска, когда увидел их худшую подготовленность к войне в сравнении со шведами (Чжу Вэнь: 13). И хотя историки по-разному трактуют эти события, переводчик усматривает в них типичный пример мудрого прагматизма, изобретательности и необыкновенной внутренней силы российского государя. По мнению Чжу Вэня, царь Петр смог быстро оценить свои ошибки и как проницательный стратег решил в той ситуации пожертвовать огромным войском, чтобы приступить к исправлению ошибок, выждать и впоследствии отыграться.

В этих трактовках улавливается имманентная связь Чжу Вэня с традиционными китайскими представлениями о правильном поведении идеальных древних политиков и военачальников, кому было присуще стратагемное мышление. Такое мышление он явно приписывает и Петру Первому, усматривая в его действиях следование этим или другим стратагемам: «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик» (стратагема № 11, то есть отдать менее значительное и сохранить более важное¹¹), «Бегство – лучший прием» (стратагема № 36, то есть уйти от опасности, чтобы в будущем одержать победу¹²). И если человек западной культуры сочтет бегство царя с поля боя позорным пятном в биографии, то получивший традиционное образование китайский интеллигент, наоборот, увидит в том не предосудительный, а вполне адекватный способ решения проблемы. Поэтому для переводчика является глубоко символичным эпизод возвращения Петра в 1704 году под Нарву, где царь теперь уже уверенно одолевает врага и рефлексирует над случившейся за четыре года до этого катастрофой: победа означает, что стратагема реализована успешно.

Чжу Вэнь подмечает глубокий историзм произведения, просматриваемый в скрупулезном воспроизведении автором исторических фактов и образов героев, сочетающихся с художественным вымыслом:

«Опираясь даже на несущественные разрозненные фактические материалы, автор смело и твердо изображает эпоху через призму собственного воображения и интуиции. Исторический роман не должен зацикливаться на деталях того или иного персонажа или события, он допускает фикцию» (Чжу Вэнь: 14).

По мнению переводчика, А. Н. Толстой фактически создает грандиозную биографию исторической личности с элементами вымысла, причем вымысел допускается им лишь в некоторой степени – ровно в такой, чтобы вызвать ощущение, будто герои и события описывались так, как, скорее всего, они должны были в той ситуации выглядеть. Ход повествования подчинен логике исторического развития, даты важных событий передаются аккуратно и выступают в качестве узловых моментов в сюжетной линии. Случайные и не имеющие реального исторического смысла даты могут быть вымышленными, как и придуманные второстепенные герои. Основные исторические события оказываются важным фактором, влияющим на развитие личности Петра Первого.

Рассуждая о чертах характера Петра Великого, Чжу Вэнь в некоторой мере оказывается зависимым от популярных в китайской интеллигентской среде второй половины ХХ века идеологических стереотипов традиционных культурных наследий. Он цитирует осуждающие Петра I работы классиков марксизма-ленинизма, ретранслирует оценки китайских историков, писавших о внешней политике и реформах царя (см. [1], [2]). Расхождение в позиции А. Н. Толстого с ними, равно как идержанность писателя в обличении мрачных сторон Петровской эпохи, подмена осуждения педалированием национальной идеи, рассматривается как заслуживающий критики существенный недостаток произведения. Также Петру Первому приписывается типичная для выдающихся китайских исторических деятелей стратегемность мышления, позволяющая переводчику по-своему увидеть связи между мотивами и поступками царя.

КИТАЙСКИЕ ЧИТАТЕЛИ О РОМАНЕ «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

В китайской сети Интернет отзывов о романе А. Н. Толстого встречается немного. Это можно объяснить тем, что роман все еще недостаточно широко известен китайскому читателю – причем настолько, что его авторство могут ошибочно приписывать знаменитому однофамильцу советского писателя Льву Николаевичу Толстому¹³.

О романе нам удалось найти одну развернутую (объемом чуть более 11 000 иероглифических знаков) статью «Размышления после прочтения “Петра Первого” [российского писателя] А. Толстого» малоизвестного китайского блогера Гао Хуна (高宏), опубликовавшего ее на портале «Лучшие стихи и проза» (品诗文), и несколько

лаконичных аннотаций с сайтов книжных магазинов, в которых, несмотря на краткость, можно встретить описывающие Петра I оценочные суждения¹⁴.

О Гао Хуне информации нет, но, судя по содержанию его статьи, он либо хорошо знаком с русской литературой (то есть отнюдь не является заурядным обывателем), либо использовал при ее подготовке не названные им материалы профессиональных русистов. В статье, видимо, с целью ввести непосвященных читателей в курс дела сначала предлагается краткое изложение содержания романа, в основной части разбираются фрагменты в переводе Чжу Вэня. Автор поясняет, что Петр I – выдающийся российский император,

«осуществивший на рубеже XVII–XVIII веков в России масштабные реформы, глубоко и сильно повлиявшие на политику, военное дело, экономику, культуру и образ жизни россиян, отчего о нем часто пишут историки, поэты и писатели»¹⁵.

Блогер, как и Чжу Вэнь, отмечает полу-документальный характер романа, поясняет, что при его написании А. Н. Толстой использовал множество архивных документов (например, бумаги ведомств той эпохи, протоколы следствий и др.), воспоминания современников, указы и письма Петра I, богатый этнографический материал и проч. Взяв за основу почерпнутые оттуда сведения, писатель дополнил их художественным вымыслом. Получилось претендующее на достоверность полуисторическое, полу художественное повествование. Поэтому автор статьи исходит из того, что Петр I в реальной жизни был примерно таким, каким изобразил его А. Н. Толстой.

Император, по словам Гао Хуна, показан в своем становлении и развитии – от капризного, взбалмошного, увлекавшегося вином и военными играми, боявшегося сестру царевну Софью и ее сторонников царевича до зрелого, сильного и энергичного правителя. Автором отмечены основные вехи взросления государя – стрелецкий бунт 1689 года и бегство Петра в Троице-Сергиеву лавру, поездка в Архангельск и знакомство с морем и иностранцами, Азовские походы, Великое посольство, Северная война с поражением и победой под Нарвой (1700 и 1704 годы). Блогер замечает, что Петр I по уровню воспитания невыгодно отличался от европейских монархов, смотрелся на их фоне грубым и бескультурным мужиком (庄稼汉), не знакомым со светскими манерами, способным, например, шокировать европейских знатных дам грязными ногтями¹⁶. Но он быстро учился, старательно менялся в лучшую сторону сам и менял Россию.

И этот общий созидательный настрой Петра I, как считает автор статьи, вкупе с его любознательностью, трудолюбием и целеустремленностью придает его образу очарование и некую притягательную силу, затмевающие видимые недостатки – любовь к кутежам, склонность к жестоким поступкам и др. Вполне вероятно, что написавший эту статью блогер был хорошо знаком с «Предисловием» Чжу Вэня к переводу романа, потому что многие формулировки (особенно в части изложения обстоятельств создания романа) у них совпадают, за исключением того момента, что Гао Хун все же отходит от трактовок в духе К. Маркса и Ф. Энгельса.

В недавних аннотациях к продаваемым в сети Интернет изданиям романа «Петр Первый» (в переводе Чжу Вэня) информация дается ожидаемо однотипная и скучая, но в общем-то объективно правдивая. Иногда встречаются и оригинальные замечания. Например, в одной из аннотаций о Петре Великом говорится:

«[Он был] человеком, стоявшим в авангарде своего времени. Именно его дальновидность изменила историю России и направление ее развития... Петр Великий, царь, который вел Россию по пути процветания и могущества, в возрасте двадцати пяти лет инкогнито посетил Германию, Нидерланды, Данию и Соединенное Королевство. Помимо изучения кораблестроения и военных мануфактур, он обращал внимание также и на жизнь в этих странах. Осознал важность вестернизации и модернизации своего государства.

Благодаря жестким, железным методам руководства, уникальному личному обаянию и скрупулезно проведенным реформам он поднял отсталую Россию из бездны невежества, сделал ее европейской военной державой. Можно сказать, что политика развития экономики, вооруженных сил, культуры, образования и общественные нравы современной России восходят к эпохе Петра Великого.

С тех пор как Петр Великий самоотверженно учился у Запада, прошло более трехсот лет. Россия начала новый виток интеграции с Западом, взяв для себя в качестве модели западный образ жизни и ценности... Теперь уже не под руководством самодержца Петра Великого, но президента России Владимира Путина Россия движется к воплощению мечты Петра Великого. Сможет ли он своей мудростью дать России новую силу и изобилие, сможет ли он стать еще одним Петром Великим?...»¹⁷.

Автор этого резюме, отдав дань частой среди китайской интеллигенции привычке мыслить исторично и находить для современности аналогии в прошлом, не удержался и провел кажущи-

еся ему очевидными параллели между Россией нынешней и Петровской, оформив их в виде обращенного к читателю риторического вопроса. Но это мог быть и намеренно интригующий маркетинговый ход, призванный заинтересовать читателя, побудить его купить и прочесть книгу, дабы поискать в ней ответ на заданный вопрос. В то же время в аннотации отсутствует присущий публикациям Чжу Вэня идеологический налет, более актуальный для 1980-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев вопрос распространения в Китае сведений о Петре I через одноименный роман А. Н. Толстого, мы узнали, что это произведение доступно в переводах трех переводчиков – Лоу Шии, Чжу Вэня и Цзы Му. Наиболее массовым является считающийся лучшим полный перевод (с русского языка) Чжу Вэня. Мы также изучили проблему перцепции образа Петра Великого Чжу Вэнем и китайскими читателями его перевода, обратив внимание на то, что характер его восприятия на протяжении прошедших 35 лет хотя и имел ряд общих черт, но все же немного изменился. Чжу Вэня и более поздних читателей объединяет объективное понимание ключевой и революционной роли Петра Великого в историческом развитии России. Также читатели исходят из того, что, создавая свой роман, А. Н. Толстой стремился по возможности точно передать исторический образ Петра Великого и его время. Поэтому портрет главного героя представляется им исторически достоверным, с присущими ему как положительными, так и отрицательными качествами и, по большому счету, примерно таким, каким он видится россиянам. Но при этом переводчик в своих статьях оказывается во власти традиционных китайских представлений о мудром военном и политическом деятеле. Также он делает значительный акцент на впечатлениях отрицательных, обнаружив зависимость от оценок, данных Петру Великому классиками марксизма и китайскими историками. Более поздние читатели от таких идеологических наложений освобождены и стремятся рассматривать царя, апеллируя к общечеловеческим ценностям и контексту российской истории, в последнем случае возможны даже попытки проведения аналогий с современным положением в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949–1956. Т. 30. С. 280.

² Там же. С. 280.

³ 阿·托爾斯泰著, 彼得大帝第一部 / 樓適夷譯, 上海: 遠方書店, 1940年。465頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Шии. Шанхай: Юаньфан шудянь, 1940. 465 с.); 阿·托爾斯泰著, 彼得大

帝第一部 / 樓適夷譯, 香港: 新中國書局, 1949年。467頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Шии. Сянган: Синъ чжунго шуцзюй, 1949. 467 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝第一部 / 樓適夷譯, 北京: 三聯書店, 1950年。467頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Шии. Бэйцзин: Санъянь шудянь, 1950. 467 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 1986年。1075页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1986. 1075 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 外国文学出版社, 1992年。1075页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Вайго вэньсюэ чубаньшэ, 1992. 1075 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 1998年。1071页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1998. 1071 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 2006年。878页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2006. 878 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 上海: 文艺出版社, 2010年。629页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Шанхай: Вэньи чубаньшэ, 2010. 629 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 上海: 文艺出版社, 2016年。656页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Шанхай: Вэньи чубаньшэ, 2016. 656 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 2019年。655页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2019. 655 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝传 (上下) / 子木译, 北京: 人民日报出版社, 2014年。541页。(Толстой А. Н. Жизнь Петра Великого: В 2 т. / Пер. Цзы Му. Пекин: Жэньминь жибао чубаньшэ, 2014. 541 с.).

⁴ См. в примечании 3.

⁵ См. в примечании 3.

⁶ См. в примечании 3.

⁷ См. в примечании 3.

⁸ Толстой А. Н. Петр Первый. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. 863 с.

⁹ 朱雯, “第一部真正的历史小说”——读阿·托尔斯泰的《彼得大帝》 // 外国文学研究, 1986年, 01期。第10–17页。DOI: 10.19915/j.cnki.fl.1986.01.002。(Чжу Вэнь. Первый настоящий исторический роман – О впечатлениях после прочтения «Петра Первого» А. Толстого // Изучение иностранной литературы. 1986. № 1. С. 10–17); 朱雯, 阿·托尔斯泰和他的《彼得大帝》 // 上海师范大学学报, 1986年01期。第1–8页。DOI: 10.13852/j.cnki.jshnu.1986.01.002。(Чжу Вэнь. А. Толстой и его «Петр Первый» // Вестник Шанхайского педагогического университета. 1986. № 1. С. 1–8).

¹⁰ 朱雯, “第一部真正的历史小说”——读阿·托尔斯泰的《彼得大帝》 // 外国文学研究, 1986年, 01期。第10–17页。DOI: 10.19915/j.cnki.fl.1986.01.002。(Чжу Вэнь. Первый настоящий исторический роман – О впечатлениях после прочтения «Петра Первого» А. Толстого // Изучение иностранной литературы. 1986. № 1. С. 10–17). Далее в тексте ссылки на это издание даются в круглых скобках (ФИО и через двоеточие страницы).

¹¹ Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В. В. Маявина. М.: Белые альвы, 2000. С. 71.

¹² Там же. С. 181.

¹³ 匿名作者, 彼得大帝是谁的作品: 托尔斯泰, 19世纪初苏联作家 (Аноним. Кем написан «Петр Первый»: Толстой, советский писатель начала XIX века). Available at: <https://www.meixingnan.com/zh-cn/lieq/guojikuaixun/184639.html> (accessed 01.06.2021).

¹⁴ 彼得大帝 (Петр Первый). Available at: <https://book.douban.com/subject/26899165/> (accessed 01.06.2021); 高宏, 彼得大帝[俄罗斯]阿·托尔斯泰读后感 (Гао Хун. Размышления после прочтения «Петра Первого» [российского писателя] А. Толстого). Available at: <https://www.pinshiwen.com/waiwen/xiaoshuo/2019050114592.html> (accessed 01.06.2021).

¹⁵ 高宏, 彼得大帝[俄罗斯]阿·托尔斯泰读后感 (Гао Хун. Размышления после прочтения «Петра Первого» [российского писателя] А. Толстого). Available at: <https://www.pinshiwen.com/waiwen/xiaoshuo/2019050114592.html> (accessed 01.06.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ 彼得大帝 (Петр Первый). Available at: <https://book.douban.com/subject/26899165/> (accessed 01.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ланькова Е. В. Оценка реформаторской деятельности Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546
- Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512
- Маяцкий Д. И., Харитонова А. М. Переводы произведений А. С. Пушкина о Петре Великом на китайский и вьетнамский языки // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сб. материалов V междунар. научно-практ. очно-заочной конф. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2020. С. 229–238.
- Маяцкий Д. И., Харитонова А. М. Петр Великий и оценка его достижений в произведениях китайских и вьетнамских литераторов первых годов XX века // Клио. 2020. № 11 (167). С. 26–31.

5. Самойлов Н. А. Император Мэйдзи и Петр Великий: Образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века // Япония XXI NOVA: эра и век / Сост. В. М. Алпатов, С. И. Амара и др. СПб.: Art-xpress, 2020. С. 587–599.
6. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэн // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33
7. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Dmitrii I. Maiatskii, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4855-4585; *d.mayatsky@spbu.ru*

SPECIFIC PERCEPTION OF PETER THE GREAT IN CHINA: TRANSLATION AND STUDY OF ALEKSEY TOLSTOY'S NOVEL PETER THE FIRST

A b s t r a c t. The article addresses the issue that has not been previously studied in Russia, but is of high relevance at the moment because of the recently growing academic interest in the Emperor Peter the Great both in Russia and abroad due to the upcoming three hundred and fiftieth anniversary of his birth. The article touches upon the imagological perception of some phenomena of Russian culture and outstanding figures of Russian history by the Chinese as bearers of another culture. The author investigates the Chinese translations and translators of Aleksey Tolstoy's Soviet historical novel *Peter the First*, being one of the important sources of information and perceptions of the Russian Emperor in China. One classical translation, first published in 1986 by a Chinese Russianist Zhu Wen, and his research works on this novel are of particular importance for the study. The article identifies how Zhu Wen specifically perceived the image of Peter the Great and establishes the ideological and cultural layers that shaped his perception. Based on the materials from the Chinese segment of the global Internet, the author studies the perception of the Russian Emperor's image by a Chinese blogger Gao Hong and the authors of the novel summaries from Chinese online bookstores, using linguoculturological analysis as the key research method.

Key words: Peter the Great, Russia and China, intercultural communication, imagology, image of Peter the Great in China, Russian literature in Chinese, novel *Peter the First* in China, Zhu Wen

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Maiatskii, D. I. Specific perception of Peter the Great in China: translation and study of Aleksey Tolstoy's novel *Peter the First*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.653

REFERENCES

1. Lankova, E. V. Evaluation of Peter the Great's reform activities in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(8):23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546 (In Russ.)
2. Maiatskii, D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512 (In Russ.)
3. Maiatskii, D. I., Kharitonova, A. M. Translations of Alexander Pushkin's works about Peter the Great into Chinese and Vietnamese. *Philological and sociocultural issues of science and education: Proceedings of the V international research and practical conference*. Krasnodar, 2020. P. 229–238. (In Russ.)
4. Maiatskii, D. I., Kharitonova, A. M. Peter the Great and evaluation of his achievements in the literary works of Chinese and Vietnamese authors of the early 20th century. *Klio*. 2020;11(167):26–31. (In Russ.)
5. Samoylov, N. A. Emperor Meiji and Peter the Great: The image of reforming rulers in Chinese social thought at the end of the XIX century. *Japan XXI NOVA: era and century*. (Alpatov V. M., Amara S. I. et al, Eds.). St. Petersburg, 2020. P. 587–599. (In Russ.)
6. Samoylov, N. A. Image of Peter I in the “Records” written by the Qing Dynasty diplomat Tulišen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33 (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489 (In Russ.)

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

МНОГОЛИКИЙ ПЕТРОЗАВОДСК ВИКТОРА ПУЛЬКИНА: К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. На материале прозы Виктора Пулькина рассматривается проблема локального текста литературы. Анализу подвергаются сказы, включенные в цикл «Петровская слобода» (сборник «Царские персты») и объединенные темой Петрозаводска. Исследование опирается на методику В. Н. Топорова, выделившего субстратные элементы локального текста на материале текстов о Петербурге: это природная, материально-культурная, духовно-культурная, историческая сферы. Цель работы – рассмотреть многоуровневый образ Петрозаводска на основе этих элементов, но с учетом региональной специфики материала. В основе творчества Виктора Пулькина лежит принцип историзма. Писатель опирается на многообразие источников и создает адекватную картину истории города. В то же время он обогащает исторический дискурс фольклорными мотивами, выступает не только как писатель-историк, но и как писатель-мифотворец. Виктор Пулькин активно использует образы и мотивы преданий, мифологических рассказов. В его творчестве находят отражение узнаваемые черты городского ландшафта: сады, парки, дома, улицы и т. д. Виктор Пулькин описывает физические ощущения: цвет, свет, запах; выделяет значимое время суток; фиксирует эмоциональное состояние – обычно это светлая грусть, ностальгия. Писатель создает ряд образов людей, населявших Петрозаводск и определивших его современный облик. Крайне значима петербургская инерция: Петрозаводск выступает как своего рода двойник Петербурга. Существенное сходство обнаруживается в мифе творения. Однако если «петербургский текст» включает эсхатологические ожидания, то тексты о Петрозаводске рисуют «живое» будущее; у Виктора Пулькина оно ассоциируется с живой водой. Предлагается к обсуждению понятие «петрозаводского текста» литературы, вероятно, сказы Виктора Пулькина следует рассматривать именно в этом контексте.

Ключевые слова: Виктор Пулькин, локальный текст, литература, фольклор, мифология, краеведение, Петрозаводск, Петр I

Благодарности. Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания. Выражаю искреннюю признательность Н. Л. Шиловой, А. В. Пигину, И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмину, П. Н. Соловьевой, Н. В. Чикиной за многочисленные и подробные консультации, дружеские советы и научно-организационную поддержку.

Для цитирования: Петров А. М. Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654

ВВЕДЕНИЕ

В современном литературоведении актуально представление о локальном тексте как сумме смыслов, мотивов, образов, составляющих многоуровневый концепт культурно-географического пространства. Известны труды о «петербургском тексте», «московском тексте», «сибирском тексте» и др. Если говорить о Карелии, то попытки смоделировать локаль-

ный текст – «кижский» – предпринимаются Н. Л. Шиловой, которая и ввела термин «кижский текст» в научный обиход [23], [24]. Существует термин «карельский текст» [14]. Настоящая статья находится в русле подобных исследований; к обсуждению предлагается проблема формирования литературного образа Петрозаводска как особого культурно-исторического пространства.

Благодатным материалом для такой работы является творчество Виктора Ивановича Пулькина, посвятившего немало страниц литературно-художественной и публицистической летописи города. Сюда относятся, в частности, сборники сказов о Петре I «Медный вершник»¹ и «Царские персты»². Ранее, насколько нам известно, эта тема на данном материале специально не изучалась. Упоминания Петрозаводска встречаются во множестве текстов, однако наиболее подробно образ города воссоздан в цикле «горстей» «Петровская слобода» (Царские персты: 141–166), который и подвергается рассмотрению. В сборнике «Медный вершник» имеется три небольших сказа, в которых Петрозаводску уделено особое внимание: «Клады земные», «Коренник», «Не бывать...». Они привлечены нами для сопоставлений и дополнительных литературных иллюстраций.

В основе методики анализа произведений – подход, ранее предложенный В. Н. Топоровым на материале «петербургского текста» [22]. Исследователь выделил несколько ключевых параметров («субстратных элементов» [22: 28]), которые формируют сверхнасыщенную реальность [22: 7], «синтетический сверхтекст» [22: 23] Петербурга. Это **природная, материально-культурная, духовно-культурная, историческая** сферы, причем «ни одна из этих инстанций не обладает абсолютной суверенностью» [22: 28].

К элементам природной сферы относятся климатически-метеорологический и ландшафтный аспекты; материально-культурная сфера отражает описание планировки, застройки, домов, улиц и т. д. [22: 29, 30]; духовно-культурная сфера включает:

«мифы и предания, дивинации и пророчества, литературные произведения и памятники искусств, философские, религиозные и социальные идеи, фигуры петербургского периода русской истории и реальные персонажи, все варианты спиритуализации и очеловечивания города» [22: 34].

Историческая сфера синтезирует перечисленные элементы и предполагает *историософское* осмысление пространства [22: 49].

Указанные параметры используются нами в качестве базовых ориентиров, с поправкой на конкретику литературного материала и региональную специфику.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТРОЗАВОДСК

Характерная особенность творчества Виктора Пулькина – историзм, писатель был большим знатоком местной истории, хорошо знал краеведческую литературу, опирался на исто-

рические источники. «Горсть» художественных сказов «Петровская слобода» сопровождается обширным историко-публицистическим очерком, в котором писатель делится размышлениями о судьбе Петрозаводска. Здесь названы важнейшие лица и события, которые определили и *предопределили* исторический путь и современный облик, «фактуру», культурный и природный ландшафт города. Это и множество людей, участвовавших в жизни Петрозаводска в разные эпохи, начиная с «духоподъемного» XVIII века: пахари, охотники, рыбаки, кузнецы, оружейники, сказители, металлурги, горнорабочие, углежоги, мастера художественного литья и чеканки, плотники, зодчие, молотовые работники (Царские персты: 141–144). Это, разумеется, и сам Петр I, и Екатерина I, и «сановные петрозаводчане» Александр Меншиков и Виллим Геннин.

Петровская слобода родилась в краю, где переплелись судьбы разных народов: здесь «слышался торжественный напев карельской руны. Жила протяжная вепсская песня» (Царские персты: 142–143). Писатель напоминает о тесной исторической связи Петрозаводска с Петербургом, Уралом и даже Алтайским краем. Но «главная родня нашей столицы – его ближайшая округа, крестьянское Заонежье, куда так торен путь по синему озеру летом, по белому раздолью – зимой» (Царские персты: 144).

Быстрое устройство Петровских заводов писатель связывает с исторической традицией:

«...еще задолго до петровской эпохи пылали в русских и карельских селениях Обонежья домницы, стучали молоты и тяжело дышали кузнечные мехи... Ведь издавна существовала на Севере традиция обращения с металлом» (Царские персты: 142).

Видимо, неслучайно и в карельском эпосе столь большую роль играет образ мифического кузнеца, выковавшего небо, выстучавшего «крышку воздушную» [11: 55].

Виктор Пулькин далек от идеализации прошлого и настоящего. Карелия – это «край тяжелого труда в условиях суровой природы» (Царские персты: 142). Писатель упоминает Шарля Лонсевиля – вымыщенного персонажа повести К. Паустовского. В этой повести Петрозаводск осмыслен как часть гибельного природного, духовного и социального климата, как место трагического исхода человеческой судьбы. Этим историческим экскурсом Виктор Пулькин подготовливает читателей к восприятию последующих художественных миниатюр. Писатель напоминает, что, какой бы ни была интонация его сказов – шутливой, балагурной или с оттенком

светлой грусти, в их основе лежат строгие факты; у города имеется своя история, и благородная, и трагичная, которая еще далеко не завершена. Летопись Петрозаводска писатель отсчитывает от персонажей местных фольклорных преданий:

«Где ныне Петрозаводск вознесся, стояла только мельница с избой. Жил мельник Трофим, руса борода. Родом, говорят, из села Деревянного» (Медный вершник: 95); «Еще знают памятливые мои земляки, что, уведав силу воды, построил чернобородый насельник этого места, пришедший из недальnego русского села Деревянного, водяную мельницу... А дед-мельник-мирошник слыл еще и сказочником. Знался, само собой, с водяными. Без этого мельнику нельзя, всякий знает» (Царские персты: 142).

Историзм пропитывается мифологичностью: мельник-мирошник «знается с водяными». Такая интерпретация появилась не без влияния быличек:

«Согласно поверью, водяной покровительствовал, и то в исключительных случаях, лишь рыбакам, пчеловодам и мельникам. Недаром о последних ходили слухи, что они колдуны и знаются с нечистой силой» [20: 50–51].

Мельник в фольклоре и народных верованиях «неизменно наделяется магическими способностями: это медиатор между мирами» [7: 349].

В преданиях об основании Петрозаводска данный мотив не обнаружен³. В этом проявилась мифологизирующая тенденция сказов писателя. Но Виктор Пулькин остается верен и принципу историзма: он насыщает повествование маркерами достоверности – *антропонимами и топонимами*. Размытые за далью времен фигуры приобретают конкретные очертания:

«Самые первые петрозаводчане, поди, Трофимушку застали. Того, родом из села Деревянного. Срубил он себе, говорят, избенку немудрящую, еловую: сердцем маялся, елка в помощь. У кого изба елова, у того сердце здорово. А водяную мельницу в устье Лососинки заонежане Беканины из Волкострова помогли поставить. Те мастера настоящие. Хоть по ветряным, хоть по водяным мельницам. Их работы шестикрылка-столбовка в Кижах стоит, ее сработал Беканин ноне, перед колхозами» (Царские персты: 152).

Источник имени Трофим обнаружить не удалось; нет сведений и о том, что легендарный мельник «маялся сердцем». Возможно, эти детали были сочинены в ходе литературной обработки фольклорного предания. Плотники династии Беканиных из Волкострова – персонажи сборника сказов о древодельцах «Чаша мастера»⁴. В сказе «Диво без гвоздей» (Чаша мастера: 112–114) Петр I, приехавший на о. Кипи, собственноручно чертит план ветряной мельницы, чтобы научить кижан, знающих только во-

дяную мельницу, «ветровой силой зерно молоть» (Чаша мастера: 113).

«Первой мастер был в Заонежье – Беканин. Да и последний тоже ихнего роду. Перед самыми колхозами та волкостровская мельница была срублена, што ныне на острове Кипи стоит, восьмикрыла» (Чаша мастера: 113).

У персонажей есть прототип – крестьянин Н. А. Биканин (1880–1958), который действитель но построил ветряную мельницу, ныне составляющую часть музейной экспозиции на о. Кипи. Так Виктор Пулькин, с опорой на реальные имена и события, конструирует «биографию» Петрозаводска, творит своего рода миф о Петрозаводске и его истоках. Отсчет истории города писатель ведет даже не с основания Петровского завода, а с *насаждения сада*, которое приписывается Петру I (место, где находится бывший Парк культуры и отдыха, сейчас Государев сад) [12: 13]. Об этом саде (*березовой роще*) бегло упоминает еще Н. Я. Озерецковский, посетивший эти места в 1785 году:

«Наместнический дом есть ветхое деревянное здание, лежащее возле соборной церкви у березовой рощи, насажденной государем Петром I при дворце, для пребывания его на Петровских заводах построенном»⁵.

Березовая роща фигурирует в план-чертеже слободы (1717–1720-е годы), выполненному краеведом Т. В. Баландиным в 1810 году [12: 12–13]. На сведения о дворце Петра и березовой роще – «летнем саде» – ссылаются А. М. Пашков и С. Н. Филимончик [17: 12]. При этом Петр «в одно из своих первых посещений Петровских Заводов» действительно «положил начало благоустройству слободы, посадив вокруг дворца первые деревья будущей Березовой рощи» [12: 13]. Виктор Пулькин описывает насаждение сада Петром в фольклорной манере, использует мотив *совершения чуда* – знамения, символа того, что начинание будет успешным. При этом береза заменяется *сосной*:

«Вырвал, сказывают, молоденку, с оглоблю толщиной, сосенку. В землю вершиной ее торнул. – Сосна приживется – и дело наше на Онеге-озере удастся... А сосна-то? Сосна прижилась. Вокруг нее Петр сад насадил» (Медный вершник: 96–97).

Позже Виктор Пулькин вернется к этой идее, но даст мотиву рациональное толкование:

«Наткнулся на известие: посадка сосны кроной вниз, вверх корнями – принятый у садоводов Голландии XVIII века прием. Может быть, любознательный Петр действительно опробовал подсмотренную за морем новинку у нас в саду?» (Царские персты: 156).

Образ сосны писатель позаимствовал из фольклорного предания «Маковка из корней», в котором фигурирует именно молодая *сосна* «в толщину оглобли, в рост человека»⁶, что соответствует севернорусским, карельским и вепсским верованиям [9: 49]. Петр вырывает ее и сажает «в землю торчмя головою, вверх корнем» (Северные предания: 133). Смыслоное ядро этого фольклорного текста – формула «Коли сосна приживется, дело удастся!» (Северные предания: 133). По мнению Н. А. Криничной,

«образ дерева, выдернутого из земли, заново посаженного (вниз макушкою, вверх корнем) и прижившегося, является символом петровских преобразований. Отсутствие подобного образа в традиции заставляет предположить индивидуальное начало в этом произведении» (Северные предания: 191).

Однако такой образ в фольклорной традиции Карелии все же зафиксирован – пусть и не в русских преданиях, а в карельских эпических песнях: «Тот дуб на реке вырос, / Вверх комлем, вниз вершиной» [11: 87]. В мифологиях народов мира этот образ действительно редок [4]; имеется множество интерпретаций перевернутого дерева, вплоть до мирового дерева, однако в прозе Виктора Пулькина они не прослеживаются. Но в связи с петрозаводским садом все же возникает любопытная смысловая параллель: «Сад – это подобие Вселенной, книга, по которой можно прочесть Вселенную... Высшее значение сада – рай, Эдем» [13: 24]. Одним из первых такое толкование предложил еще Фрэнсис Бэкон в эссе «О садах» (1625): «Всемогущий Бог первым насадил сад» [13: 24]. Думается, не случайно Виктор Пулькин особое внимание уделяет именно сюжету о высаживании Петром сада: сад – это место зарождения жизни, место, с которого начинается история города. Следуя за фольклорным преданием, писатель сдвигает хронологию событий: вопреки историческим данным – Петр впервые побывал на заводе в 1719 году [19: 18] – Виктор Пулькин относит появление сада ко времени, *предшествующему* строительству завода. Петр сам благоустраивает сад: вместе с солдатом и мельником копает пруд (Царские персты: 161), прячет в саду клад («деньги серебряные, червонцы золотые»), причем клад этот «заговоренный», его не сыскать – «не дается» (Царские персты: 161). Источником для этого мотива послужили предания о «зачарованных кладах» [9: 109]. Здесь напрашиваются ассоциации с мифом об основании Петербурга: Петр предстает в этом мифе преобразователем пустынной земли, демиургом, творцом жизни: он, взяв заступ, первым копает ров, а в это время над ним

парит орел [21: 6–7], [22: 22–23]. «С этим мифом своими корнями связан миф о «Медном всаднике», оформленный в знаменитой поэме Пушкина» [22: 22]. Функция мага и культурного героя выделена в фольклорном образе Петра на материале петрозаводских преданий⁷. Едва ли случайны совпадающие образы глухого, далекого места, которое предстоит преобразовать Петру, в «Медном всаднике», сказах Виктора Пулькина и северных преданиях:

1) «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел. / Пред ним широко / Река неслася; бедный член / По ней стремился одиноко. / По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца; / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел» (Медный всадник).

2) «Зачиналась же слобода, как и большинство северных селений, починком: малой избушкой при устье богатой рыбой реки. У нас такие угодья поныне называют «тонями»» (Царские персты: 142).

3) «До Петровской эпохи на месте Петрозаводска была только одинокая изба с мельницей на речке Неглинке⁸, представлявшей горный ручей. Но дикая местность представляла грандиозный вид первобытной, нетронутой природы. Богатая дарами природы, но бедная жизнью и трудом, Карелия столетиями находилась как во сне, ожидая пробужденья» (Предания: 28).

Особую роль в мифе творения играют водные объекты: «вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [1]. По воле демиурга – Петра – хаос преобразуется в космос. Города зарождаются у реки, для Петрозаводска в связи с этим важны фольклорные и художественные образы рек *Лососинки* и *Неглинки*. Жизненно необходимый объект – это и *Онежское озеро*, упоминания о котором часто встречаются в прозе Виктора Пулькина.

Заметим, что название сборника сказов – «Медный вершник» – отсылает к образу «Медного всадника», тем самым насыща «петрозаводский текст» «петербургскими» аллюзиями и реминисценциями. Петрозаводск – своего рода двойник Петербурга, чому способствует и один год основания – 1703. Ср.: «Сам он, сам и Питер строил. И наш Петрозаводск» (Царские персты: 147).

Сад, насажденный Петром, одушевлен, он рассказывает, говорит («Сказки Осударева сада»). Представления о дереве как живом существе коренятся в мифологии [5]; эти сведения были, безусловно, известны Виктору Пулькину:

«Вздохнешь не единожды, воспоминая возраст. С печалью, да и с радостью. Поживи с мое! Тысячелетие исстяло. То самое, в котором жили Ярослав Мудрый и Сергий Радонежский. Петр Великий и Александр Пушкин.

Юрий Гагарин и Николай Рубцов. Одного тысячелетия люди» (Царские персты: 157).

История Петрозаводска вписывается в контекст российской истории, город обретает собственное место среди людей и событий крупного, эпохального масштаба. Упоминается и Г. Р. Державин:

«Здесь проводил краткие часы вдохновения первый губернатор Олонии, великий Гаврила Державин, окликая молоденку португалку, свою жену, ласковым прозванием Пленира» (Царские персты: 151).

Тема Петрозаводска развивается в связи с темой Петербурга; петрозаводский сад немного ворчит, сетя на свою долю:

«Хорошохонько саду в Санкт-Петербурге, Летнему! В холе живет. Ограду отлили самолучшую петрозаводские мастера. А я на озере берегу наг сижу» (Царские персты: 157).

Проводится настойчивая параллель:

«В нашем прибрежном саду, в старину называемом, на манер знаменитого питерского, Летним, побывали, посещая наши палестины, члены августейшей фамилии» (Царские персты: 151).

Однако садово-парковое искусство – далеко не единственное, что формирует топографию сказов Виктора Пулькина. Не менее важны и другие архитектурные сооружения сада и его окрестностей. Это, во-первых, *Петропавловская новоманерная церковь* –

«восьмигранный, пятиярусный храм святых первых христовых апостолов Петра и Павла» (Царские персты: 152). «Пречудная была церковь! Увенчана не шатром, не луковкой. Завершена на новый манер, долгим шпилем. На самом верху загорался по вечерам фонарь» (Царские персты: 152).

Эта церковь, сгоревшая в октябре 1924 года⁹ [12: 15], [17: 12], [18: 400], была воздвигнута в 1704–1705 годах [17: 12]. На ее вершине действительно «горел фонарь, служивший ориентиром для идущих по Онего судов» [12: 14]; «храм имел характерную для петровской эпохи переходную архитектурную форму между древнерусским и европейским зодчеством» [17: 12] – в этом и заключается ее «новоманерность» [12: 14–15], или, по Виктору Пулькину, «новый манер». Для писателя вновь оказывается чрезвычайно значимой историческая связь Петрозаводска с Петербургом, Петрозаводск описывается как отражение Петербурга, его архитектурная ре-плика:

«...недаром первая церковь в Петрозаводске соименна великому и славному собору в Петропавловской крепости в Петербурге. Тому, что красуется знаменитым шпилем с золотым ангелом. Осударев сад в Петровской

слободе и крепостью поначалу бывал, как твердыня в Питер» (Царские персты: 153).

Во-вторых, это *походная церковь Петра I*, часть архитектурного ансамбля Осударева сада. Ее упоминает еще Т. В. Баландин, указавший, что эта церковь была сооружена чуть ранее, чем Петропавловская: «...быть походной церкви, с назначением под оную места, поколь не построится Петропавловская церковь»¹⁰.

Историю походной церкви Виктор Пулькин возводит к мифическому серому камню, на котором мельник Трофим готовил уху для мореходов:

«Приладился костерок палить на великом сером камени. Он у него и зимой тепел. Как на печке ночевать можно... Поставили на этом валуне солдаты брезентовый шатер – походную церковь Петра Великого... Петр велел этот серый валун обтесать. Поставить под престол в походной церкви, брезентового шатра» (Царские персты: 152, 153).

В разработке этого образа писатель следует фольклорной традиции. Согласно материалам мифологических рассказов, камень часто ассоциируется с печью [6: 87]. В разных народных традициях особо почитался *серый камень* [8: 449]; в произведениях апокрифической литературы, духовных стихах, заговорах фигурирует камень *Алатырь*, этимологически восходящий к слову «алтарь» [8: 448]. На этом камне основано учение Христа, он служит основанием соборной, апостольской церкви [8: 449]. В сущности, серый Трофимов камень является модификацией такого Алатыря. Этот же камень, как повествуется в сказе, позднее из походной церкви был перенесен в алтарь Петропавловской (Царские персты: 153).

В современном Петрозаводске камень, послуживший когда-то алтарем походной церкви Петра, находится в Государевом саду, на нем располагается бронзовая скульптура девушки. Виктор Пулькин пишет: «От того серого камени, почтай, весь Петрозаводск завеялся» (Царские персты: 152). Здесь писатель, по-видимому, отсылает к греческой этимологии слова «камень», выстраивая оригинальный образный ряд: Петрозаводск – это не только «Петровские Заводы», но и «город, основанный на камне» (Петр – камень). Вероятно, образ церкви, поставленной на сером валуне, был известен Виктору Пулькину и из других материалов. Например, в этот же типологический ряд сакральных объектов можно включить Церковь Сретения Господня (сгорела в 1790-х годах [18: 400], сейчас на ее месте стоит Церковь во имя Сретения Господня, район Соломенное): «Салма сия достойна примечания по красивой каменной

церкви на южно-восточной стороне оной стоящей, которая сооружена на одном диком камне в 1781 году рачением купца Кононова» (Озерецковский: 122). Церкви, сооруженные у камней, были, без сомнения, знакомы Виктору Пулькину и по фольклорным преданиям [9: 49].

В-третьих, это *путевой дворец Петра*. Ныне не сохранившийся (был разобран в 1773 году), этот дворец фигурирует во многих исторических источниках, имеется изображение его фасада, «многократно воспроизведенное в краеведческой литературе» [3: 88–89], см. также рисунок Т. В. Баландина с подписью «Вид существовавшего, и уничтожившегося на Петровских Заводах дворца. Се достойный быть всегда памяти знак; Сиял, померк и уничтожился аки злак»¹¹ и подробное описание¹². Образ этого дворца воспроизведен и в сказах Виктора Пулькина. Однако историческая основа обработана в присущем писателю юмористическом ключе. Виктор Пулькин повествует о житье Петра I, Екатерины I и домового, привезенного из деревни Ялгуба (Царские персты: 158) и поселившегося в путевом дворце. Образы Петра и его супруги (Екатерина I, по историческим свидетельствам, действительно бывала в Петрозаводске проездом в Марциальные воды¹³) предстают в сниженном, обытовленном виде. Их описание мало напоминает о царской семье: муж (Петр) работает на заводе, жена (Катя) варит щи и кашу:

«Петр с работы прибежит. С завода возвратится. Сам в саже, как запечельный дух. Ковш воды студеной изопьет. С другого на головушку сплеснет. Рубаху прогорелую скинет. Еще воды выпьет. Катя ему на руки сливает, пощучивает:

– И чем вас там, на заводе, употчевали? Не отпьяшься никак!

– Тебя бы туда, сорока! – Петр за стол валится и ложку берет» (Царские персты: 159).

Еще один обитатель петрозаводского дворца – ялгубский домовой. Виктор Пулькин не жалеет для него красок; образ получился очень яркий. В основе – фольклорная традиция, писатель вдохновлялся все теми же мифологическими рассказами. Чтобы «хозяйке в хоромищах» было «не одиноко, не скучно» (Царские персты: 158), чтобы путевой дворец наполнился уютом, Петру дают совет привезти домового из какого-нибудь заброшенного, разоренного дома, благо «этого у нас сколь хочешь» (Царские персты: 158), как не без горькой иронии замечает Виктор Пулькин, причем эти слова вложены в уста самого Петра. Такая изба находится в Ялгубе: по канонам мифологических рассказов, домовой живет «в холодном запечье» (Царские персты: 158). Ср.

с материалами быличек: «Представления о локализации домового довольно часто связаны с печью – семейным очагом и прилегающим пространством» [8: 140]. В сказе Виктора Пулькина невидимого домового

«взяли с бережнем. Положили с приговором в бестяный лапоть-верзень:

– Хозяинушко-доможириушко! Невидимый-неслыши-мый! Подъ-ко с нами, на новое жилье, за теплую печку. Век тебе обиды не будет!» (Царские персты: 158).

Это также соответствует традиционным мотивам русской мифологии:

«...при переезде в новый дом бросают в печь лапоть и кричат: “Домовой, выходи!” Затем лапоть заворачивают в полотенце и приносят в новое жилище» [8: 140].

В изображении Виктора Пулькина домовой имеет некоторые кошачьи черты, что также находит опору в фольклоре [8: 126]. Писатель бережно обходится с фольклорными источниками, наполнения при этом сказ юмористическими нотками; с домовым сначала обращаются как с котенком:

«Привезли в Осударев сад. Внесли бережно во дворец. За изразцову теплу печь положили. Истопили фarterку. Мало времени прошло, из-за печки явственно: “Хи-хи!” Занравилось, похоже, доможири у нас. Софон молока в плошку наливать ладит. Петр осерчал:

– Котишко он, что ли! Мужик, хозяин! И надо чарку водки!» (Царские персты: 158).

Обжившийся домовой тем не менее все больше напоминает кошку:

«Нет-нет, да и тронет он царицу за босу ногу шерстяной лапой. Коготком цопнет, как балованный котишко... Доможир поест. Облизнется, потрется у хозяйствских ног» (Царские персты: 159).

Судьба домового печальна. Виктор Пулькин резко переносит повествование в современность (начало XXI века), и сказ наполняется грустными интонациями. Писатель рисует гротескно-сниженный образ домового, лишает его былого мифологического обаяния. Он прибегает к нехарактерному для него грубоватому, «народному» юмору, незатейливому каламбуру, основанному на прозрачной, недвусмысленной звуковой параллели («сидят в шопе»); фиксирует плачевное состояние парка, равнодушие населяющих город людей:

«Привезенный с Ялгубы домовой и теперь в саду живет. Худое ему быванье. Дворца нет лет двести. Садовые аллеи в запустенье. День деньской музыка орет, хоть по-давай голос, хоть нет. Карусели каруселят. Никакого спокою старому хороможителю. Не домовой – бомж. Бутылки обирает по кустышкам. Сдает тем, которые сидят в срамном месте. В шопе, прости Господи. Тем и кормится» (Царские персты: 161).

Утрата людьми исторической памяти, их отказ от собственного прошлого более всего тревожат писателя, повествование наполняется настроением некоторой безысходности:

«Недавно… выпивши, осударев доможир безвинную березку тряс, матерно выражался: “Смените, – ревел, – неправедное название – Городской парк культуры и отдыха! Может, жизнь веселее станет. Возвернутся чудеса и сказки первоначального Петрозаводска”» (Царские персты: 161).

Тоска по старому Петрозаводску проступает в сказе «Аз есмь…» (Царские персты: 163–166). Сказ основан на беседах Виктора Пулькина с известным художником Василием Михайловичем Агаповым. Библейское клише «Аз есмь…», по-видимому, необходимо Виктору Пулькину для усиления ставших важными для него в 1990–2000-е годы православных мотивов: это и жизнеописание отдельного, конкретного человека («это я»), и само бытие, сама *идея жизни* («я есть, я существую» как экзистенциальная формула); но это и жизнь в присутствии Бога.

Повествование старожила проникнутоnostальгией:

«Кажется, в не столь давние времена на теперешней улице Луначарского росла сладкая ягода куманика, а в пышной бузине был приют наяд и дриад. А на Куковку, названную так, потому что исконно слышался оттуда, с лесистой горы, печальный зов кукушек-куковок, – по грибы и чернику ходили во темен бор. А теперь даже и на Древлянке – железобетонные гаражи. Старый город меняет облик» (Царские персты: 164).

Современный Петрозаводск ассоциируется с потерей родного, «отцовского» дома:

«Переезжая в современную квартиру, прощаться с родительским домом буду в смятении, со слезами» (Царские персты: 164).

В сказе предлагается любопытная этимология названия микрорайона Кукковка: от слова «кукушка-куковка»:

«Форма названия птицы – куковка – сохранилась во многих славянских языках: польском, чешском, в лужицких и северно-русских диалектах. В советское время топоним Куковка по непонятным причинам стал писаться с удвоенным “к” (Кукковка)» (Царские персты: 164).

Народная молва приписывает слову *Кукковка* происхождение от *kukko* ‘петух’ (приб.-фин.). Эта этимология широко распространена среди жителей Петрозаводска, отсюда скульптура «Кукковский петух» работы Вальтера Сойни [2: 264]. Иногда название района возводится к термину «куколь» – монашеский головной убор – в связи с тем, что некогда на Куковой горе стояла де-

ревянная часовня во имя Воздвиженья Честного и Животворящего креста Господня [2: 265]. На самом деле в основе лежит приб.-фин. географический термин *kukku* (вепс. *kuk*) ‘горка, возвышенность’, что подтверждается ландшафтной характеристикой места¹⁴. Сама топос основа широко известна в топонимии Карелии [15], [16].

В литературном сказе строгая научная этимология уходит на второй план, и тому есть причина: для героя намного важнее воспоминания *собственного* детства, звуки, запахи – все, что связано с теплым родительским домом. Это его личное духовное пространство, *его* жизнь-бытие, *его* собственный образ места, мира, не обязательно совпадающий с действительностью.

В то же время Петрозаводск Виктора Пулькина – очень осозаемый, пластичный город, он имеет знакомые всем горожанам *реальные* очертания. По текстам рассыпаны упоминания улиц, проспектов, районов, парков, хотя смысловым центром города для писателя становится исторический район: *Парк культуры и отдыха* и территориально близкие к нему ул. *Казарменская, ул. Луначарского, Ямка*, территория бывшего *Онежского тракторного завода* – преемника «славы Петровского, Александровского оружейных заводов» (Царские персты: 142):

«Ведь и поныне они Колпаковы пишутся! Слыхал, может? На *Октябрьском проспекте* живут, в Петрозаводске» (Медный вершник: 118); «Зато теперь живу девятый десяток лет. И все здесь, на улице *Казарменской*, в дедовском доме» (Медный вершник: 137); «Теперь этот берег сливет – *Парк культуры и отдыха*» (Медный вершник: 97) и т. д.

Любопытно, что в сказах Виктора Пулькина «советские» названия улиц вполне уживаются с общей ориентацией на XVIII век, Петровскую эпоху, время зарождения «предбущего» Петрозаводска. Осударев сад находится вблизи улицы Луначарского или набережной Гюллинга – и в этом для писателя, насколько можно судить по текстам, нет противоречия. Мы уже упоминали о том, как «ялгубский домовой» возмущается неправедным названием – «Парк культуры и отдыха». Но острого конфликта между «старым» и «новым» нет, хотя чувство утраты старого города и исторических традиций, безусловно, имеется.

Писатель вводит в сказы тему памяти и постоянно возвращается к ней: «Города не стенами стоят. Памятью…» (Царские персты: 166). Память об истории Петрозаводска – это и память о людях, некогда населявших слободу. Одному из жителей писатель уделяет особое вним-

ние. Это блаженный юродивый старец Фаддей, современник Петра Великого, местночтимый святой, канонизированный в 2000 году. Виктор Пулькин излагает сюжет о Фаддее в сказе «Аз есмь...» (Царские персты: 164–166). История Фаддяя нашла отражение в фольклорных преданиях о Петре Великом и Фаддее Блаженном (Северные предания: 137; Предания: 218–219). Виктор Пулькин использует один из фольклорных сюжетов: это предсказание Фаддеем скорой смерти Петра (Северные предания: 137). Предания о Фаддее бытовали в Петрозаводске и в устной, и в письменной традиции. Насколько нам известно, первые фиксации устного предания относятся к 20-м годам XIX века, их выполнил Ф. Н. Глинка (Предания: 276). Как указывает Н. А. Криничная, мотив предсказания будущего известен начальной русской летописи – рассказ о смерти князя Олега (Северные предания: 191–192); «сюжетами, содержащими названный мотив, изобилует уже античная мифология... Этот же мотив присутствует и в древнейших библейских сказаниях» [9: 217]. На систему образов и мотивов местного фольклорного предания в значительной мере повлияла топика русской агиографии (Предания: 276). В основе предания лежит действительный факт знакомства Фаддяя с Петром. Сюжет о пророчестве Фаддяя впервые (в 1814 году) изложил Т. В. Баландин в историко-краеведческом сочинении «Петрозаводские северные вечерние беседы» [10: 8]. В этом же году Т. В. Баландин написал отдельную «Повесть о достодивном и блаженном Фаддее», а в 1818-м – ее расширенную переработку¹⁵. Он ориентировался на некие «устные рассказы» [10: 8–9], однако, что это за рассказы, можно только гадать. Достоверных сведений о более раннем бытованиях в местном фольклоре предания о пророчестве Фаддяя нет. Что касается проблемы историзма этого сюжета, то, как верно замечают П. А. Кротов, А. М. Пашков и А. В. Пигин, мотивы «Повести о Фаддее» Т. В. Баландина, включая мотив пророчества, «невозможно принимать за подлинные исторические факты» [10: 10].

Так, собирая воедино сказания об «изначальных наследниках» места, Виктор Пулькин творит собственную историю города, наполняет городское пространство жизнью, значением, исторической пульсацией. В судьбу Петрозаводска вплетается судьба каждого из его жителей, выстраивается вереница судеб, объединенных общей культурной памятью.

Наконец, образ Петрозаводска складывается из массы прочих – чисто физических – деталей и ощущений: звука, цвета, света, запаха и т. д.

Писатель указывает на характерные для петрозаводского ландшафта породы деревьев:

«Звонко раздается звук шагов в нашем тихом городе на утренней заре. Слышно даже погремывание спичек в коробке, лежащем в кармане пиджака. Чуть зарозовели вершины тополей, берез. Пробудились, гомоня, первые птицы утра. Миг – и свет лег на лицо. Новый день вступил в столицу» (Царские персты: 141).

«Поднялись со временем аллеи. Выросли стайками ели, сосны. Из Кижей привезли саженцы ильмов... Черемушки молодые, вербочки да рябинки понабежали из ближних перелесиц. На крыльшках семечками перелетели. Обжили Осударев сад. Гуляет по кронам высоких, столетия переживших деревьев удалой онежский ветер. Пощумливает молодая листва. Будит память о былом. Слышу ропот Осударева сада, проходя по аллее ласковым перволетьем» (Царские персты: 156–157).

Для Виктора Пулькина северный Петрозаводск – город тепла, света, солнца, он уютен. Город предстает легким, воздушным, ласковым. Это своего рода Эдем – сад вечного лета. Характерный штрих – «тополиный пух на онежском ветру» (Царские персты: 164). Зимнее время – скорее исключение из правила: «Ехал Петр под Новый год на свой осударев завод» (Царские персты: 147).

Имеется и параллель с Петербургом:

«Впервые приехал Осударь на Онего в молодых летах. Белые ночи стояли. Черемуха цвела. Петру торопко, дико:

– День со днем сомыкаются. Ноченьки-то матушки вовсе нет! Как может статься?» (Царские персты: 145).

Белые ночи в Петрозаводске не могут удивить петрозаводчан – настолько естественно, привычно для них это летнее явление. Однако в русской культуре именно Петербург, а не Петрозаводск ассоциируется с белыми ночами. Это один из символов северной столицы, ее туристический бренд и знак «петербургского текста» [22: 29]. Но и в этом контексте Петрозаводск и Петербург выступают в качестве двойников, Виктор Пулькин неустанно подчеркивает географическую и культурную близость городов.

Петрозаводск будит в писателе чувство «светлой грусти»:

«В городской сад, уступами спускающийся к припlesку онежских вод, прихожу в минуты светлые и грустные. С этим уголком города у каждого из петрозаводчан связаны давние и близкие воспоминания. Под этими липами, тополями кружились на каруселях первоначального детства и мои сыновья» (Царские персты: 150).

Бережно и тонко вплетается в повествование «семейная» тематика. Сказ приобретает черты исповедальности. Виктор Пулькин прибегает к символу *кружасающейся карусели*. Эта карусель вполне реальна: в нынешнем Государевом саду

находится Парк аттракционов. Но кружение карусели – это и неостановимый бег времени, неизбежное расставание с прошлым. Карусель можно уподобить колесу: в фольклорной традиции этот образ «символизирует человеческое бытие и судьбу» [7: 349]. В этот же символический ряд включаются крылья мельницы, стоявшей на месте зарождения Петрозаводска.

Писатель пытается заглянуть в будущее: «Поглядеть бы, каким Петрозаводск станет в свои триста лет! Живой бы воды испить, живучим корешком закусить» (Царские персты: 166). В художественном мире Виктора Пулькина судьба Петрозаводска представляется светлой, живой. В этом творимый писателем миф о городе расходится с мифом «петербургского текста», содержащим эсхатологический элемент – гибель Петербурга [22: 23]. Петрозаводск Виктора Пулькина имеет множество ликов, но он не является себя в эсхатологии. Нить жизни города тянется все дальше и дальше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное позволяет сформулировать проблему «петрозаводского текста» русской словесности – пока что в качестве гипотезы. Не вполне

ясно, имеется ли развитая литературная традиция, репрезентирующая образ Петрозаводска. Судя по данным библиографических указателей¹⁶, определенный корпус текстов существует. Кроме того, к настоящему моменту уже опубликованы исследования, выполненные на материале художественных произведений, содержащих литературный портрет города [25], [26]. Сам термин «петрозаводский текст» ранее уже был использован литературоведом Н. Л. Шиловой [25].

Если правомерен вопрос о «петрозаводском тексте», то его истоки, по-видимому, следует искать в сочинениях краеведа Т. В. Баландина: первый «петрозаводский текст» русской литературы – это, скорее всего, стихи, посвященные Г. Р. Державину и датированные 1 января 1786 года: «Ода» и «Поэма граду Петрозаводску на щастливое состояние жителей»¹⁷. При этом не до конца понятно, что представляет собой «петрозаводский текст»: это самостоятельная эстетическая система или часть «карельского текста»? Нужно ли его рассматривать в контексте литературы на прибалтийско-финских языках? Относятся ли к нему публистика и научные труды? Все это требует дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник. Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. 160 с. Далее в круглых скобках будет указано: Медный вершник и через двоеточие страницы.
- Пулькин В. И. Царские персты. Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Периодика, 2002. 176 с. Далее в круглых скобках будет указано: Царские персты и через двоеточие страницы.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 27–28; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. С. 134.
- Пулькин В. И. Чаша мастера: Сказы о древодельцах. Петрозаводск: Карелия, 1990. 142 с. Далее в круглых скобках будет указано: Чаша мастера и через двоеточие страницы.
- Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 118. Далее в круглых скобках будет указано: Озерецковский и через двоеточие страницы.
- Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)… С. 133. Далее в круглых скобках будет указано: Северные предания и через двоеточие страницы.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера… С. 225. Далее в круглых скобках будет указано: Предания и через двоеточие страницы.
- Обычно в этом сюжете фигурирует р. Лососинка.
- Виктор Пулькин называет другую дату – 1923 год (Царские персты: 153).
- Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 64. Виктор Пулькин указывает, что Петропавловская церковь была построена «через десяток лет» (Царские персты: 152) после походной. Едва ли это возможно, учитывая дату постройки Петропавловской церкви: 1704–1705 годы. Вероятно, походная церковь была построена буквально за год до Петропавловской, в 1703 году. Скорее всего, писатель ориентировался на другие исторические источники: в краеведческой литературе действительно иногда фигурирует 1713 год как год, к которому была построена Петропавловская новоманерная церковь [12: 14]. В этом случае разница между датами – 1703 и 1713 – составляет те самые десять лет.
- Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»… С. 153.
- Там же. С. 151–159.
- Там же. С. 165.

¹⁴ Муллонен И. И. История Петрозаводска в географических названиях // Север. 2003. № 5–6. С. 170–174.

¹⁵ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 138–150, 306–307.

¹⁶ Карелия в художественной литературе: Указатель литературы / Сост. С. Н. Исакова. Петрозаводск: Государственная публичная библиотека, 1981. 84 с.; Петрозаводск: Библиографический указатель литературы / Сост. Л. А. Бурмистрова, М. Ю. Ванчурова, Г. И. Волкова, Т. Н. Вотякова, Т. В. Осипова, М. К. Сакалаускене. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2003. 164 с.

¹⁷ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 218–224.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 240.
2. Верхоглядов В. Н. Петрозаводск Валерия Верхоглядова: Записки краеведа. Петрозаводск: Острова, 2020. 320 с.
3. Жульников А. М., Спиридовон А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 132 с.
4. Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады АН СССР. Серия В. 1928. № 15. С. 331–335.
5. Криничная Н. А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 77–85.
6. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 632 с.
7. Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 390 с.
8. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
9. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 228 с.
10. Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В. Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 7–12.
11. Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундозерова М. В., 2020. 232 с.
12. Ландратова А. С., Ициксон Е. Е., Марковская Е. Ф., Куспак Н. В. Сады и парки в истории Петрозаводска. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 160 с.
13. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие: ОАО «Типография “Новости”», 1998. 356 с.
14. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.
15. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 154 с.
16. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 240 с.
17. Пашков А. М., Филимончик С. Н. Петрозаводск. СПб.: Звезда Петербурга, 2001. 127 с.
18. Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В трех книгах. Кн. 1. 1703–1802 / Сост. Д. З. Гендлев. Петрозаводск: Карелия, 2001. 416 с.
19. Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1702–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, М. А. Мишнева, Ю. А. Савватеева. Петрозаводск: Периодика, 2002. 512 с.
20. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
21. Столпянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Петроград: Издательское товарищество «Колос», 1918. 376 с.
22. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство–СПб, 2003. 616 с.
23. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Анциферов Н. П. Филология прошлого и будущего: Материалы международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.
24. Шилова Н. Л. Остров Кипи и русская литература: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 144 с. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.

25. Шилова Н. Л. Паустовский и Пришвин минус завод: краткий конспект литературной биографии Петрозаводска // Горький Медиа. 25 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gorky.media/autor/shilova/> (дата обращения 17.03.2021).
26. Шилова Н. Л. Станция Петрозаводск: образ города в кижских сюжетах русской прозы // Краеведческие чтения: Материалы X научной конференции (11–12 февраля 2016 г.). Петрозаводск, 2016. С. 212–216 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/7533.pdf> (дата обращения 17.03.2021).

Поступила в редакцию 01.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Alexander M. Petrov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

DIVERSE PETROZAVODSK OF VIKTOR PUL'KIN: THE ISSUE OF LOCAL TEXT IN RUSSIAN LITERATURE

A b s t r a c t. The article discusses the issue of so-called “local text” in literature using the materials of Viktor Pul’kin’s prose, in particular stories included in his literary cycle “Petrovskaya Sloboda” (from the book *The Tsar’s Fingers*) and centered around a common theme – the city of Petrozavodsk. The study uses the methodology of V. N. Toporov, who singled out the following substratum elements of the local text based on the texts about Saint Petersburg: natural, material and cultural, spiritual and cultural, and historical spheres. The purpose of the work is to consider the multi-level image of Petrozavodsk based on these elements, but taking into account the regional specifics of the material. The principle of historicism lies at the basis of Viktor Pul’kin’s works. The writer relies on a variety of sources and creates an adequate picture of the city’s history. At the same time, the writer enriches the historical discourse with folklore motifs, and acts not only as a historian, but also as a myth maker, actively using images and motifs of legends and mythological stories. Recognizable elements of the urban landscape – gardens, parks, houses, streets, etc. – are reflected in his works. The writer describes physical sensations (colors, light or smell), highlights a significant time of day, and captures an emotional state – usually light sadness or nostalgia. Pul’kin creates multiple images of people who inhabited Petrozavodsk and shaped its modern appearance. The “Petersburg” inertia is also extremely important: Petrozavodsk seems to be somewhat of a “doppelganger” of Saint Petersburg. Substantial similarities between them are found in the creation myth. However, while texts about Petersburg contain eschatological expectations, texts about Petrozavodsk paint the “live” future, which Viktor Pul’kin associates with the “water of life”. The article suggests to discuss the concept of “Petrozavodsk text” in literature, with the possibility of considering Viktor Pul’kin’s novels in this context.

Key words: Viktor Pul’kin, local text, literature, folklore, mythology, local history, Petrozavodsk, Peter the Great

A c k n o w l e d g e m e n t s. The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The author expresses his sincere gratitude to N. L. Shilova, A. V. Pigin, I. I. Mullonen, D. V. Kuz’mín, P. N. Solov’eva and N. V. Chikina for their numerous detailed consultations, friendly advice and research and organizational support.

F o r c i t a t i o n: Petrov, A. M. Diverse Petrozavodsk of Viktor Pul’kin: the issue of local text in Russian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):29–40. DOI: [10.15393/uchz.art.2021.654](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.654)

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. Water. *Myths of the peoples of the world*. Moscow, 1991. P. 240. (In Russ.)
2. Verhoglyadov, V. N. Petrozavodsk of Valeriy Verhoglyadov: Notes of a local historian. Petrozavodsk, 2020. 320 p. (In Russ.)
3. Zhul’nikov, A. M., Spiridonov, A. M. Petrozavodsk antiquities. Petrozavodsk, 2003. 132 p. (In Russ.)
4. Kagarov, E. G. Mythological image of a tree growing with its roots up. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series B*. 1928;15:331–335. (In Russ.)
5. Krinichnaya, N. A. A tree-man: syncretism and differentiation of phytoanthropomorphic image (based on the materials of Karelian narrative folklore). *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science*. 2010;4:77–85. (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. Peasants and natural environment in the light of mythology. Bylichkas, byvalshchinas and folk beliefs of the Russian North: Research. Texts. Comments. Moscow, 2011. 632 p. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Mythology of water and water bodies. Bylichkas, byvalshchinas, folk beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North: Research. Texts. Comments. Petrozavodsk, 2014. 390 p. (In Russ.)

8. Krinichanya, N. A. Russian mythology. World of folklore images. Moscow, 2004. 1008 p. (In Russ.)
9. Krinichnaya, N. A. Russian folk historical prose: issues of genesis and structure. Leningrad, 1987. 228 p. (In Russ.)
10. Krotov, P. A., Pashkov, A. M., Pigin, A. V. Peter the Great and Faddei the Blessed: from the history of Petrozavodsk pinafore stage of existence. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016;1(154):7–12. (In Russ.)
11. Kundozerova, M. V. The concept of universe in Karelian runes. Petrozavodsk, 2020. 232 p. (In Russ.)
12. Lantratova, A. S., Itsikson, E. E., Markovskaya, E. F., Kuspak, N. V. Gardens and parks in the history of Petrozavodsk. Petrozavodsk, 2003. 160 p. (In Russ.)
13. Likhachev, D. S. Poetry of gardens. The semantics of landscape gardening styles. Garden as text. Moscow, 1998. 356 p. (In Russ.)
14. Markova, E. I. Karelian text as a subject of study. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference “The First Moscow Antsiferov Readings”*. Moscow, 2012. P. 385–390. (In Russ.)
15. Mullonen, I. I. Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 154 p. (In Russ.)
16. Mullonen, I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
17. Pashkov, A. M., Filimonchik, S. N. Petrozavodsk. St. Petersburg, 2001. 127 p. (In Russ.)
18. Petrozavodsk: 300 years of history: Documents and materials. In three books. Book 1. 1703–1802. Petrozavodsk, 2001. 416 p. (In Russ.)
19. Petrozavodsk: Chronicle of three centuries. 1702–2003. (N. A. Korablev, V. G. Makurov, M. A. Mishenev, Yu. A. Savvateev, Eds.). Petrozavodsk, 2002. 512 p. (In Russ.)
20. Pomerantseva, E. V. Mythological characters in Russian folklore. Moscow, 1975. 191 p. (In Russ.)
21. Stolpyanskiy, P. N. Petersburg. How it came into being, was founded and developed. Petrograd, 1918. 376 p. (In Russ.)
22. Toporov, V. N. Petersburg text in Russian literature: Selected works. St. Petersburg, 2003. 616 p. (In Russ.)
23. Shilova, N. L. Kizhi text in Russian literature. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference “The First Moscow Antsiferov Readings”*. Moscow, 2012. P. 391–395. (In Russ.)
24. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. 144 p. (In Russ.)
25. Shilova, N. L. Paustovsky and Prishvin minus a plant: short synopsis of the literary biography of Petrozavodsk. Available at: <https://gorky.media/autor/shilova/> (accessed 17.03.2021). (In Russ.)
26. Shilova, N. L. Petrozavodsk Station: the image of the city in Russian prose plots connected with Kizhi Island. *Readings on local history: Proceedings of the X research conference*. Petrozavodsk, 2016. P. 212–216. Available at: <http://library.karelia.ru/files/7533.pdf> (accessed 17.03.2021). (In Russ.)

Received: 1 March, 2021; accepted: 28 June, 2021

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7230-4834; naturv@mail.ru

ПРЕДАНИЯ О ПЕТРЕ I В ГАЗЕТЕ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Аннотация. Реформаторская деятельность Петра I, неоднократно посещавшего Олонецкую губернию, оставила глубокий след в народной исторической прозе. В статье предпринята попытка систематизировать сведения об исторических преданиях о Петре I, опубликованных на страницах петрозаводской газеты XIX – начала XX века «Олонецкие губернские ведомости». Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью преданий о Петре I, опубликованных в неофициальной части местного периодического издания. Выявлено 86 преданий, напечатанных в период с 1838 по 1905 год. Основное число записей составляют сюжетные и несюжетные рассказы бытового характера. Представлена роль сотрудников и корреспондентов «Олонецких губернских ведомостей», членов Олонецкого губернского статистического комитета, которые собирали сведения о пребывании Петра I в Олонецком крае, установлены связи публикаций об императоре со знаменательными датами. В преданиях о Петре I сохранились как оригинальные, так и традиционные черты, сложившиеся у этого жанра за всю историю его бытования. Рассмотрен комплекс мотивов, сюжетов и их вариантов, а также функции, связанные с этим историческим лицом. Отдельно анализируется фольклорный образ Петра I в преданиях, выделяются основные типы (функции) персонажа, отмечаются его мифологические и сказочные черты. Дано характеристика самому крупному циклу Вытегорских преданий о Петре I. В приложении предлагается сводная таблица всех текстов о Петре I, опубликованных в газете «Олонецкие губернские ведомости».

Ключевые слова: Петр I, фольклор, предания, периодическая печать, «Олонецкие губернские ведомости», Олонецкая губерния

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-42034 «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии».

Для цитирования: Урванцева Н. Г. Предания о Петре I в газете «Олонецкие губернские ведомости» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 41–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.655

ВВЕДЕНИЕ

Предания – один из древних жанров устного народного творчества. По словам Н. А. Криничной, они являются «едва ли не единственным из эпических жанров, который сопутствует человечеству на протяжении всего его развития» [11: 4]. Вслед за К. В. Чистовым под преданием в статье понимается повествование о реальных (в разной степени) исторических событиях и лицах далекого или недавнего прошлого¹. Народные предания до 1830-х годов исследовались только историками в связи с обсуждением произведений этого жанра как исторического источника, интерес был обусловлен содержащимся в них конкретным историко-этнографическим материалом. В 30-е годы XIX века повышается интерес

к памятникам народного творчества не только среди отдельных представителей литературной и общественной мысли, но и самых широких слоев населения. В это время расширяется географический охват фольклора, начинается публикация преданий в периодической печати, растет количество любителей «живой старины».

Историческая память народа сохранила многочисленные предания о Петре I. Они привлекали внимание фольклористов, краеведов, путешественников, преподавателей, священнослужителей, исследователей еще задолго до систематического изучения этого жанра несказанной прозы. Предания о первом русском императоре исследовали Д. Березкин², Н. Виноградов³, В. Ф. Миллер⁴, В. И. Стражев⁵, Д. Д. Аброси-

мова [1], [2], В. Г. Базанов [4], [5], С. Б. Егоров [7], Т. В. Иванова [8], Н. А. Криничная [11], [12], Ю. Н. Попова [14], В. К. Соколова [16], Н. Г. Урванцева [19].

СОБИРАНИЕ ПРЕДАНИЙ О ПЕТРЕ I КОРРЕСПОНДЕНТАМИ И ИХ ПУБЛИКАЦИЯ В ГАЗЕТЕ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Издание «Олонецких губернских ведомостей» (1838–1917) (далее «ОГВ») осуществлялось в рамках создания системы провинциальной официальной прессы. Их структура и содержание были строго регламентированы правительственною программой. Они имели официальную и неофициальную части (первоначально «Прибавления к «ОГВ»). С первого года издания начинается публикация исторических, географических, археологических, фольклорных, этнографических и других материалов на страницах неофициальной части «ОГВ». Большая заслуга в этом принадлежит С. А. Раевскому, другу М. Ю. Лермонтова, который за распространение стихотворения «На смерть поэта» с 1837 по 1839 год находился в ссылке в Петрозаводске. С. А. Раевский был назначен чиновником особых поручений при губернаторе В. А. Дашкове, участвовал в создании и редактировании первой губернской газеты в Карелии. Именно он начал планомерную и систематическую работу по изучению местного фольклора. На страницах «ОГВ» С. А. Раевский пропагандировал необходимость развития краеведения, изучения экономики, истории, культуры и быта. Особую роль в преобразовании Олонецкого края редактор отводил императору Петру I. В статье «О предмете и цели издания прибавлений к «ОГВ»», опубликованной 4 июня 1838 года (№ 22), он призывал читателей «записать рассказы старожилов о Петре Великом, о местах его пребывания <...>⁶», потому что, по его словам, реформаторская деятельность императора в Олонецкой губернии не была описана.

Одним из многочисленных фольклорных жанров, который встречается на страницах «ОГВ», являются предания. Среди всех публикаций можно выделить циклы преданий о первопоселенцах, топонимические предания, предания о чуди, панах, кладах, разбойниках, борьбе с внешними врагами. Центральной фигурой устных рассказов стал Петр I, образ которого сохранился в исторической памяти народа.

В 1838–1905 годах в газете «ОГВ» напечатано 86 преданий о Петре I. В период с 1838 по 1871 год было опубликовано 16 преданий. Основной корпус публикаций приходится на следующие 33 года – с 1872 по 1905-й (70 преданий). Наибольшее количество публикаций было сделано в 1872–1873 (11 преданий) и 1902–1903 годах (13 преданий). В этот период происходили юбилейные события, инициировавшие всплеск записей народной исторической прозы и перепечаток об императоре. В 1872 году праздновалось 200 лет со дня рождения Петра I. Для планомерного сбора материалов об императоре в «ОГВ» появилась новая рубрика «Материалы для истории и этнографии в Олонецком крае. Народные предания и рассказы о Петре Великом». 30 мая 1872 года в Петрозаводске был заложен памятник императору. 29 июня 1873 года на главном городском празднике – Петрове дне – петрозаводчане отмечали 100-летие со дня закладки Александровского завода и 170-летие со дня основания Петровского завода. В этот же день состоялось торжественное открытие памятника императору Петру I. В 1902 году исполнилось 200 лет Осударевой дороге, а 1 сентября 1903 года – 200 лет Шуйскому оружейному заводу.

Предания и легенды публиковались в газете «не как произведения устной прозы, а как информативные сообщения, имеющие в глазах ученых серьезное значение для изучения истории и археологии той или иной местности» [9: 9]. Со временем они начинают функционировать как «устная хроника одного селения или группы селений, исторически сложившегося региона, объединенного общностью социально-экономических и культурных условий развития» [12: 10]. Предания записывались во время путешествий (путевые очерки), при описании городов, приходов и сел. Собиранием народной словесности занимались постоянные корреспонденты газеты – представители местной интеллигенции, интересовавшиеся историей, бытом, обычаями и фольклором в своих приходах и уездах. Народные рассказы о Петре I были записаны сотрудниками газеты (С. А. Раевский, П. Минорский, А. А. Ласточкин, А. И. Иванов), этнографами (Е. В. Барсов, В. Н. Майнов), краеведами (К. М. Петров), преподавателями (П. Трошков, А. Георгиевский, М. Георгиевский, А. П. Некрасов, А. М. Солнышкова), писателями (Е. М. Прилежаев), священниками (А. Надеждин, П. И. Певин, П. Ильинский, С. Партанский) и чиновниками (Г. Родин). Мно-

гие публикации анонимны или подписаны инициалами (Л-н, С-л-в, Г., Г. К., С. П., Н.).

СОБИРАНИЕ ПРЕДАНИЙ О ПЕТРЕ I ОЛОНЕЦКИМ ГУБЕРНСКИМ СТАТИСТИЧЕСКИМ КОМИТЕТОМ И ИХ ПУБЛИКАЦИЯ В ГАЗЕТЕ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

В 1835 году был создан Олонецкий губернский статистический комитет (далее ОГСК). Секретари этого ведомства работали редакторами неофициальной части «ОГВ». Известный фольклорист, бывший сотрудник статистического комитета Е. В. Барсов прислал на имя председателя ОГСК, олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева «Народный рассказ о поездке Петра I в Соловки» с предисловием:

«Было бы всего драгоценнее, если бы комитет собрал все предания о Петре, сохранившиеся в живой памяти народа, по которым возможно было бы воспроизвести, как этот великий гений отразился в народном сознании и в каких нравственных чертах рисуется его образ. Таких преданий я слыхал немало, и это доказывает, что Петр жив и поныне в памяти олонецкого народа»⁷.

ОГСК обратился в газете к любителям «живой старины» с просьбой «о сообщении народных преданий комитету о пребывании Петра Великого в здешнем крае и о царственных трудах его к развитию благосостояния нашей родины»⁸. Очень часто краеведческие и фольклорно-этнографические материалы о Петре I сначала публиковались в газете, а затем перепечатывались в изданиях статистического комитета – «Памятных книжках Олонецкой губернии», «Олонецких сборниках» и издавались отдельными изданиями.

Редактор «ОГВ», секретарь ОГСК, краевед А. И. Иванов призывал читателей присыпать свои наблюдения и фольклорно-этнографические материалы об Олонецком крае. Он обращал особое внимание на сбиение устных рассказов о Петре Великом⁹. 23 декабря 1871 года на общем собрании ОГСК к 200-летию со дня рождения Петра I председатель статистического комитета Г. Г. Григорьев поручил А. И. Иванову составить историческую записку о пребывании императора в Олонецкой губернии по составленному плану. Для сбора и проверки статистических и исторических материалов были выбраны 25 действительных членов ОГСК¹⁰. В 1872 году в «ОГВ» напечатан исторический очерк А. И. Иванова «Император Петр Великий и деятельность его на Олонце»¹¹, вышедший затем отдельным изданием в Олонецкой губернской типографии¹². В нем содержатся два популярных предания об императоре: о Воротном острове¹³ и о воровстве у Петра I камзола¹⁴. 29 июня 1873 года

на Петровской площади во время народных гуляний в честь открытия памятника императору Петру I раздавали брошюру А. И. Иванова¹⁵. В 1879 году краевед опубликовал предание о Петре I и Екатерине в Пернаволоке¹⁶.

СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРЕДАНИЙ О ПЕТРЕ I В ГАЗЕТЕ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Тексты преданий о Петре I, опубликованные в «ОГВ», относятся к разным циклам: «Предания о заселении и освоении края», «Предания о силачах (богатырях)», «Предания о борьбе с внешними врагами» (всего 6 текстов). В цикл «Предания об исторических лицах» вошло 80 текстов. Некоторые из них построены на основе бродячих сюжетов, ставших популярными в народном репертуаре и записанных в нескольких вариантах: кумовство царя со своими подданными (сюжет «Петр I – кум», № 366–368¹⁷), украденный царский кафтан (сюжеты «Царский камзол», № 348, «Петр I и вытегоры», № 369), создание чертежа предполагаемого строительного объекта, которое приписывается историческому лицу (сюжет «Петр I и Вытегорская Покровская церковь», № 383). Самыми популярными сюжетами в «ОГВ» стали «Предсказание Фаддея Блаженного Петру I» (1 вариант, 6 текстов), «Петр I – кум» (3 варианта, 6 текстов), «Остров Воротный» (1 вариант, 8 текстов) и Вытегорский цикл (5 сюжетов, 1 вариант, 12 текстов).

В 1838 году С. А. Раевский опубликовал первое предание о Петре I. Во втором «Прибавлении» к «ОГВ» был напечатан народный рассказ о серебряной чарке¹⁸, подаренной императором крестьянину из Святозера после крещения новорожденного. В разных вариантах оно неоднократно перепечатывалось в газете, воспроизводилось в «Памятных книжках Олонецкой губернии» и в трудах дореволюционных краеведов. Из исторических источников известно, что император не раз становился крестным детей крестьян, солдат и дворовых. Повествование о реальном факте ложится на «канву» традиционного мотива царя – крестьянского кума и принадлежит к бродячему сюжету, встречающемуся в русском, словацком и польском фольклоре¹⁹. Это предание построено по традиционной схеме, когда Петр входит в крестьянскую избу, узнает о новорожденном, ищет куму, крестит ребенка, пьет из серебряной чарки (фляжки) водку или анисовку, потчует куму, роженицу, новокрещеного младенца, дарит чарку (стаканчик, подарки).

Сюжеты преданий являются частью не только локальной, но и «“большой” истории и приобретают общегосударственное значение» [12: 10]. Важным историческим событием, решающим судьбу России, стала Северная война (1700–1721). В «ОГВ» опубликованы предания о походе императора в 1702 году из Архангельска в Повенец по Осударевой дороге, которая была проложена Петром I от селения Нюхча до Повенца за 10 дней. Жители Карельского Поморья приняли непосредственное участие в ее строительстве. По словам Я. Г. Светаева,

«переход этот представляется нам чем-то сказочным, если мы вспомним, что пришлось идти по таким лесным зарослям, топям и болотам, переправляться по рекам и озерам, где, может быть, и нога человеческая до тех пор не ступала. Но энергия Петра не знала препятствий»²⁰.

В народной памяти сохранились мемораты, как при постройке дороги монарх общался с крестьянами, угождал им анизовкой из своей фляжки, крестил новорожденных, дарил за услуги личные вещи (кафтан, камзол, шапку и т. д.) и деньги. В преданиях отразился дух Петровской эпохи: «раскованность в поведении героев, юмор в повествовании, изображение исторических событий на бытовом, а то и будничном фоне»²¹.

Со строительством Осударевой дороги и с именем Петра I связаны топонимические предания об острове Воротном (около Повенца)²², горе Беседной (около Вытегры)²³, пороге Лисья (или Лысая) голова на реке Свирь²⁴, Царской луде²⁵. Отдельная группа преданий рассказывает о местах пребывания императора в Лодейном Поле²⁶, Олонце²⁷, на Соловецких островах²⁸, Кончезерских Марциальных водах²⁹, Пудожской горе в Повенецком уезде³⁰ и др. Появление императора в конкретной местности изменяет ее положительным образом: появляется Петровская слобода, железноделательные заводы, судостроительные верфи, Мариинский канал, Осударева дорога, на почтовой Повенецо-Сумской дороге возник Петровский Ям. Местным жителям Петр I дает новые фамилии (Колпаков, Обрядин) и прозвища (Лысая голова, вытегоры-воры, камзольники). В память о пребывании монарха местные жители строят памятник в Лодейном Поле, закладывают часовню на Беседной горке около города Вытегры³¹, ставят крест в Петровском Яме³². С посещением Петра I местные жители связывают строительство церквей. Так, согласно преданиям, по плану и рисунку Петра I построили церковь на острове Кижи³³ и Вытегорскую Покровскую церковь³⁴.

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПРЕДАНИЯХ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Особый интерес представляют устные народные воспоминания, в которых приводятся сведения очевидцев или других лиц об императоре. Крестьяне, солдаты, строители Осударевой дороги выражали «некую характерную для их среды – социально-культурной, профессиональной, локальной – точку зрения» [19: 11]. В образе Петра I сочетаются реальные и фантастические, подлинные и вымыщленные черты. Многие информанты сохраняют подробности описаний, которые передавались из поколения в поколение. Скорее всего, большую роль здесь

«сыграло бережное отношение к памяти Петра I, которого на Севере долго продолжали считать “своим” царем, понимавшим народ, не гнушавшимся выполнять черную работу иправлявшимся с любым делом» [13: 104].

При создании устных рассказов рассказчики идеализировали царя. Простые люди вспоминают, что «в частной жизни своей Петр Великий был во всем образец строжайшего самоотвержения и умеренности»³⁵.

«Дорожный наряд государя был незатейлив: летом мундирная пара, плащ, несколько белья и для прислуги денщик или два; зимой прибавлялась шуба, шапка и теплые сапоги. Обед монарха был готов везде, потому что он употреблял всякую пищу; кухня за ним никогда не тащилась»³⁶.

В художественном сознании простых людей на основании личных или чужих наблюдений создается представление о трудолюбивом цареборотнике. Монарха вспоминают как «великого труженика», для которого «не было низкой работы, он готов был делать все»³⁷.

«До полудня великий царь уже наработался дома, в Сенате, в Адмиралтействе, везде пребывал, все пересмотрел, всех выслушал, все поприделал, победал и отыхал часок до новых трудов. Когда царь оканчивал работу в Сенате и возвращался во дворец, к нему смело мог идти всякий: и богатый, и бедный, и вельможа, и простой мужик. Всех он равно по-отечески принимал, всех выслушивал и тут же давал решение»³⁸.

В меморатах Петр I выступает как «герой-действователь» (Ю. М. Лотман): он выдергивал зубы, лечил крестьян, разделял с ними самый низкий труд, помогал, учил, вразумлял, с каждым делил горе и радость.

«Царь Петр между своими подданными был истинный отец в большом семействе: у одного крестил да давал по целковому на зубок и поцелуй в голову матери, с другими пировал на их домашних праздниках, у этого ходил за гробом и не боялся ни чем таким уронить достоинство»³⁹.

В преданиях император показан как обычный человек со своими плюсами и минусами: он забывает прочитать молитву святому в Марциальных водах⁴⁰, забывает привезти подарок крестнице в Святозеро⁴¹, повинуется природным стихиям⁴².

Образ царя раскрывается во взаимоотношениях с крестьянами, солдатами, плотниками, кузнецами, горшечниками, воеводами, священниками, разбойниками, блаженными и др. Встреча с подданными заканчивается кумовством, вручением царской награды, восстановлением правды и справедливости, наказанием обидчика, проявлением заботы или кардинально меняет их жизнь. Так, олонецкий воевода становится прокурором в Адмиралтейской коллегии в Петербурге⁴³, священник Окулин из села Мегрецкое – членом высшей духовной коллегии⁴⁴; жителям Лодейного Поля государь дал обельную грамоту, освобождавшую их от податей⁴⁵; сын богатого крестьянина Плотникова, выразивший свое непочтение к монарху, казнен⁴⁶.

В преданиях сохранился образ царя-богатыря, защитника Русской земли. К числу единичных текстов, опубликованных в «ОГВ», относится рассказ о встрече Петра I со «свейским царем» на Ладожском озере и победе над шведами в 1703 году, записанный от известного сказителя И. А. Касьянова из деревни Космозеро Великогубской волости Петрозаводского уезда. В его репертуаре были былины, исторические песни, баллады, заговоры, предания, духовные стихи и сказки. Предание о Петре I является плодом творчества самого сказителя, в нем И. А. Касьянов использует былинные и песенные формулы. Оно «отличается от массы преданий как содержанием и образами, так и вычурным, псевдонародным стилем» [16: 67]. В «былинно-сказочных образах» (В. Г. Базанов) изображается, как враги гибнут не в результате военных действий, а «от ветра-сивера да валов рассыпчатых». В предании военная функция исторического героя находится в синкретическом единстве с магической.

«<...> Взял царь отвязал от ремня золотой рожок, протрубыил на все стороны громким голосом, разносился голос по морям далеким, по водам зеленым. Становилась вдруг темень Божия, собирались ветры в тучу густую, расходились воды ярые, расходились воды ярые – вал вала подталкивает, гребни ветры им подтягивают. Налетел ветер, посыпал покровы алые, побросал платье по морю, а тут нагнала их вода ярая – вал живой горой идет, тянется, белым гребнем отливается. Подошел тут первый вал, приподнял стоймия лодки свейские, а второй вал понакренил их, а третий – уж тут как тут был – захлестнул на век начальников. Расступилась вода надвое, ушли камнем в топь глубокую

души грешные, некрещеные. С той поры давней на Ладожском по кажинный год на том месте тонет человек – душа крещеная: собирают то силу утопшие на войну с Петром царем»⁴⁷.

Образ Петра I тесно связан с водной стихией. В преданиях император показан плывущим по воде на яхте, корабле, ладье или путешествующим к Марциальным водам. Вода в народном представлении – это среда, естественная для основателя русского флота. В рассказе о поездке Петра I по Ладожскому озеру император усмиряет «сердитое море».

«– Ай же ты, мать – сыра земля, – закричал царь, – не колебайся; не смотри глупо на Ладожское озеро.

Того часу приказал поднять кнут и порешил наказать сердитое море. Место, где изволил наказать своим царскими руками, звали Сухая луда, а с тех пор называется Царская луда. После того Ладожское стало смирнее и тишину имеет, как и прочие озера <...>»⁴⁸.

Сказочные элементы появляются и в предании, записанном этнографом В. Н. Майновым, когда государь разгневался на Ладогу,

«что она не пущает дальше погодами, нестерпел, вышел на берег и высек Ладогу плетью – и стала Ладога смиряться, и поветер подул, с ним, видно, и озеро-то спорить не осиливалось»⁴⁹.

ВЫТЕГОРСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПЕТРЕ I

Одним из популярных стал корпус вытегорских преданий о Петре I, в который входят тексты о похищении вытегорами у царя камзола, дарении его юродивому Грише, фамилии Обрядин, Беседной горке, строительстве Мариинской системы и Покровской церкви в селе Вытегорский погост. В 1711 году во время одного из своих путешествий из Петербурга в Архангельск, проезжая Вытегру близ деревни Шестовой, через которую проходил тогда Архангельский почтовый тракт, император был встречен крестьянами Вытегорского погоста и окрестных деревень на небольшой горе. Местные жители рассказали Петру I о сухопутном пути между Бадожскою и Вянгинскою пристанями. Занинтересовавшись крестьянскими рассказами, император поехал на Вянгинскую пристань (ныне город Вытегра). Согласно преданию, после беседы с крестьянами Петру I пришла мысль о соединении реки Волги с Балтийскими водами и о строительстве Мариинского водного пути⁵⁰. Гора, на которой жители Вытегорского погоста встретили царя и удостоились разговора с ним, стала называться Беседной горкой. В память о встрече с императором была построена деревянная часовня⁵¹.

Рассказ о похищении царской одежды относится к группе бытовых сказок о ловком воре

(СУС 1525А «Ловкий вор» [17: 305]), распространенных и популярных в народе, а также к анекдотическим повествованиям о царских особых – Петре I (воровство камзола, кафана, плаща) и Екатерине II (воровство шубы) [18: 70]. В предании рассказывается история кражи у Петра I камзола на Беседной горке под соснами около часовни во имя Исаакия Далматского (в деревне Шестово, в деревне Вяньги в избе или клети). По одной из версий император отдохнул после обеда, по другой – остановился на Вытегорском погосте для перемены лошадей. Юродивый Гриша⁵² (вариант – блаженный⁵³) выпросил на память царский камзол, чтобы нашить шапки и повойники. Согласно другой версии, местные жители утаили красный камзол, чтобы сшить из него шапки. Государь выполнил их просьбу и назвал вытегоров «ворами» и «камзольниками». Для воровского промысла использовалась шапка-невидимка, обеспечивающая нужные для ремесла вора способности: невидимость, неуязвимость и неуловимость. Чтобы их получить, эту чудесную шапку нужно украсть (отнять, выменять, завладеть, получить) у банника, домового, лешего или черта⁵⁴. В ней «можно делать, что угодно, никто не увидит и не узнает»⁵⁵. Вытегоры не случайно хотят смастерить себе головные уборы. Вспомним известную пословицу: «На воре шапка горит». Так говорят о человеке, совершившем проступок и своим поведением невольно выдавшем себя. Здесь есть намек на неудачное воровство местных жителей.

Кражу во всех преданиях вытегорского цикла, опубликованных в «ОГВ», можно рассматривать как ловкость, озорство, хитроумность. Вор – одновременно и мошенник, и авантюрист, но при этом всегда – человек находчивый, хитрый, ловкий⁵⁶. Смещение акцента с вороватости на ловкость характерно и для сказочной традиции⁵⁷. Только в одном предании воровство можно расценивать как преступление: камзол украли с корыстным расчетом. Основная цель этих народных рассказов – попытка оправдать прозвище «вытегоры-воры», «камзольники», данное государем и завистливыми соседями.

В другой версии предания рассказывается о ложном воровстве царской одежды. Когда государь почивал,

«один из игравших близ жилья крестьянских мальчиков снял с колышка государев камзол, надел его на себя и, конечно, не без шлейфа, вышел пощеголять в нем перед товарищами. Между тем государь проснулся. Камзола нет как нет. Кинулись искать. Нашли щеголя, сопровождаемого толпою товарищей, привели в чужом камзоле перед лицом великого, который, усмехаясь наивности предстоявших ребятишек и поласкав их,

шутливо сказал: «Ах, вы воры-вытегоры». Предание добавило остальное: «у Петра Великого камзол украли»»⁵⁸.

Вариант возникновения известного присловья «вытегоры-воры» «не соотносится с фактом реальной кражи, являясь аргументом ошибочности прямого толкования лексемы “вор” внешним окружением»⁵⁹.

Находчивые «воры-вытегоры» с легкостью выходят из сложившейся ситуации. В народных рассказах наблюдается симпатия по отношению к образу вора, проявляющаяся в представлении его как ловкого и удалого мастера своего дела. При обнаружении пропавшего камзола государь смеется или дарит его. Только в одной версии предания о происхождении фамилии Обрядин Петр I, не найдя своей одежды, вспылил и приказал наказать похитителей кнутом. Хитрые вытегоры, боясь расправы, надели красный камзол на трехлетнего мальчика и сказали ему отвечать на вопросы: «Обрядил»⁶⁰. Государь заметил его, стал расспрашивать о камзоле, но ребенок отвечал на все вопросы только слово «обрядил». Государь дал ему фамилию Обрядин⁶¹. В другом предании о происхождении фамилии Обрядин:

«Когда государь схватился камзола и стал искать его, то явились старики и сказали: “Надежа Осударь! Мы кафтан-от обрядили на память”. Государь, рассмеявшись, сказал: “Будьте же вы, старики, Обрядины!”. От этого, будто бы, произошла фамилия Обрядин. С этого времени за вытегорами закрепилась нелестная кличка: “Вытегоры – воры”, да еще “камзольники”»⁶².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Газета «ОГВ» является бесценным источником по изучению дореволюционной народной исторической прозы Олонецкой губернии. Редакторы газеты и члены ОГСК организовали собирательскую работу на местах и постоянную публикацию местных преданий о Петре I. В результате этой деятельности на страницах неофициальной части «ОГВ» в период с 1838 по 1905 год было опубликовано 86 преданий об императоре.

Изучение преданий о Петре I показало, что образ императора является наиболее сохранившимся в Карелии, имеющим большое количество сюжетов и вариантов. Отбор традиционных элементов и мотивов местного происхождения, формирующих образ монарха, определяется характером его деятельности. Петр I является активным персонажем, для которого характерна широкая вариативность функций. Устные рассказы о царе не отличаются высокой исторической точностью, но при этом фольклорный образ Петра I изображен именно таким, каким он всегда запечатлелся в народной памяти.

Приложение

Предания о Петре I в газете «Олонецкие губернские ведомости» (1838–1905 годы)

Appendix

Legends about Peter the Great in *The Olonets Province Gazette* (1838–1905)

Кол-во	Сюжетно-тематические группы	Год	Номер	Страница	Всего текстов	
1	2	3	4	5	6	
I. ПРЕДАНИЯ О ЗАСЕЛЕНИИ И ОСВОЕНИИ КРАЯ						
Предания об основании селения одним персонажем						
1	Основание Петрозаводска (№ 2, Предания...)	1841	25	131	1	
		1895	100	4	2	
2	Основание Петрозаводска (№ 3, Предания...)	1842	32–33	122	3	
II. ПРЕДАНИЯ О СИЛАЧАХ (БОГАТЫРЯХ)						
Проявление необычайной физической силы в труде						
1	Маковка из корней (№ 189, Северные...)	1842	32–33	122	4	
III. ПРЕДАНИЯ О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ						
Предания об избавлении от внешних врагов посредством магической силы или свершившегося чуда						
1	Петр I и шведский король на Ладожском озере	1872	36	339	5	
		1903	52	3	6	
IV. ПРЕДАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦАХ						
1. Предание о царской награде						
1	Подарок Петра I (№ 200, Северные...)	1871	74	858	7	
2	Петр I и горшечник (№ 342, Предания...)	1872	13	155	8	
3	Царский камзол (№ 348, Предания...)	1880	32	424	9	
		1873	49	576	10	
		1884	98	989	11	
2. Предания о кумовстве царя с подданными						
1	Петр I – кум (№ 366, Предания...)	1838	24	22–23	12	
2	Петр I – кум (№ 367, Предания...)	1850	8	4	13	
		1852	39	6	14	
		1903	53	4	15	
3	Петр I – кум (№ 368, Предания...)	1878	71	849	16	
		1903	23	2	17	
3. Предания о похищении у царя кафтаны (камзола, плаща)						
1	Петр I и Вытегоры (№ 369, Предания...)	1864	52	611	18	
		1873	19	213	19	
		1884	98	989	20	
4. Предания о мудром суде						
1	Олонецкий воевода (№ 373, Предания...)	1859	18	81	21	
		1872	37	409–410	22	
		1873	86	979	23	
		1887	85	765	24	
		1905	16	4	25	
2	Осударева дорога. Боярская леность (№ 173, Северные...)	1878	70	838	26	
5. Предания о взимании даней, податей, оброков, налогов						
1	Юрик – новосел, или дани и подати (№ 375, Предания...)	1868	51	706	27	
6. Предания об основании царем селений, храмов, о строительстве водных и сухопутных коммуникаций						
1	Основание Лодейного Поля (№ 382, Предания...)	1902	91	3	28	
2	Петр I и Вытегорская Покровская церковь (№ 383, Предания...)	1873	19	212–213	29	
		1887	2	12	30	
		1890	16	165	31	
		1895	100	6	32	

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6
3	Петр I и Дьяков (№ 385, Предания...)	1885	2	12	33
4	Петр I и Марининская система (№ 386, Предания...)	1887	2	12	34
		1903	56	3	35
5	Петр I и Ладожский канал (№ 390, Предания...)	1881	14	171	36
6	Петр I и Пудожская гора (№ 391, Предания...)	1888	47	436	37
		1896	89	3	38
7	Петр Первый и Преображенская церковь в Кижах (№ 179, Северные...)	1892	93	954	39
		1896	89	2	40
8	Открытие Марциальных вод (№ 192, Северные...)	1894	50	5	41

7. Предания о происхождении географических названий, связанных с историческим лицом

1	Остров Воротный (№ 395, Предания...)	1841	11	50	42
		1841	25	131	43
		1854	6	50	44
		1872	48	568	45
		1882	38	418	46
		1895	100	4	47
		1903	24	3	48
		1903	56	2	49
2	Петр I и Екатерина в Пертнаволоке (№ 398, Предания...)	1879	44	536	50
3	Поездка Петра I на Соловки (№ 171, Северные...)	1872	8	89	52
4	Лисья голова (№ 206, Северные...)	1872	37	409	53
5	Петр I и Обрядины (№ 400, Предания...)	1880	85	952	54
		1885	100	7	55

8. Предания о происхождении фамилий, прозвищ, дразнилок, связанных с историческим лицом

1	Петр I и Обрядины (№ 400, Предания...)	1884	98	989	56
		1895	100	7	57
2	Подарок Петра I (№ 200, Северные...)	1871	74	858	58
3	Петр I и Марининская система (№ 386, Предания...)	1887	2	12	59
		1903	56	2	60
4	Лисья голова (№ 206, Северные...)	1872	37	409	61

9. Преодоление историческим лицом прежних религиозных верований и представлений

1	Петр I в Святозере (№ 408, Предания...)	1872	73	842–843	62
		1888	17	154	63
		1903	56	2	64
2	Петр I и Илья-пророк (№ 410, Предания...)	1841	28	154	65
		1878	71	849–850	66
		1903	56	2	67
3	Петр I и раскольники (№ 412, Предания...)	1878	71	849	68
4	Олонецкий священник (№ 414, Предания...)	1868	60	800	69
		1872	37	409	70
		1887	85	705	71
		1891	94	958	72
		1897	55	2	73

10. Предания о предсказании будущего историческому лицу либо историческим лицом

1	Фаддей Блаженный о будущем Петрозаводска (№ 415, Предания...)	1894	100	10	74
2	Предсказание Фаддея Блаженного Петру I (№ 416, Предания...)	1841	27	148–149	75

Окончание приложения

1	2	3	4	5	6
		1844	27	117–118	76
		1866	44	847	77
		1876	8	86	78
		1894	100	10–11	79
		1903	52	3	80
	11. Предания об оставлении историческим лицом следов своего пребывания в конкретной местности				
1	Сваи под железную дорогу (№ 427, Предания...)	1903	24	3	81
	12. Предания о гибели исторического лица				
1	Конь Петра I (№ 209, Северные...)	1899	39	2–3	82
	13. Предания об Осударевой дороге				
1	Боярская леность (№ 173, Северные...)	1878	70	838	83
2	Первая мостина (№ 220, Северные...)	1878	70	838	84
3	Переправа перед Пулозером (№ 230, Северные...)	1903	23	2	85
		1878	70	838	86

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М.: Наука, 1964. 9 с.
- ² Березкин Д. Император Петр Великий в народном предании: Очерк. СПб.: Постоян. ком. нар. чтений М. Н. П., [1913]. 47 с.
- ³ Виноградов Н. Из прошлого Карелии. Петр I в Карелии // Красная Карелия. 1937. 11 окт.
- ⁴ Миллер В. Ф. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1909. Т. 61. Вып. 1. С. 40–50. Отд. оттиск: Миллер В. Ф. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом. [Варшава, 1909]. 11 с.
- ⁵ Стражев В. И. Петр Великий в народном предании. Песни и сказки о Петре Великом // Этнографическое обозрение. 1902. № 3. С. 94–121.
- ⁶ Р... О предмете и цели издания прибавлений к ОГВ // ОГВ. 1838. № 22. Прибавление 1.
- ⁷ Барсов Е. В. Народный рассказ о поездке Петра I в Соловки // ОГВ. 1872. № 8. С. 89.
- ⁸ Там же.
- ⁹ А. И. О важности народных преданий // ОГВ. 1846. № 14; О предметах, входящих в состав неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей» // ОГВ. 1856. № 1. С. 4; Об издании «Олонецких губернских ведомостей» в 1859 году // ОГВ. 1858. № 48. С. 183; О важности изучения Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год: Год третий. СПб.: Изд. ред. Олонец. губ. ведомостей, 1858. С. 81–84.
- ¹⁰ Общее собрание Олонецкого губернского статистического комитета. 23-го дек. 1871 года // ОГВ. 1872. № 2. С. 21–22.
- ¹¹ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: Исторический очерк для народа // ОГВ. 1872. № 61. С. 699–703, № 62. С. 717–719; 1873. № 47. С. 557–559, № 48. С. 567–569, № 49. С. 576–577.
- ¹² Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: Исторический очерк для народа. Петрозаводск: Губ. тип., 1873. 39 с.
- ¹³ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: Исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 48. С. 568.
- ¹⁴ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: Исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 49. С. 576.
- ¹⁵ Петрозаводск. Торжественное открытие памятника императору Петру Великому. 29-го июня 1873 года // ОГВ. 1873. № 51. С. 600.
- ¹⁶ Иванов А. Из Петрозаводска в Кончезеро и к Сунским водопадам // ОГВ. 1879. № 44. С. 536.
- ¹⁷ Здесь и далее нумерация сюжетов дана по изданию: Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 278–294. (Далее: Криничная Н. А. Предания...).
- ¹⁸ Раевский С. Серебряная чарка Петра Великого // ОГВ. 1838. № 24. С. 22–23.
- ¹⁹ Криничная Н., Пулькин В. Слова преданий – летопись живая... // Север. 1977. № 8. С. 94; Криничная Н. А. Предания... С. 270.
- ²⁰ Светаев Я. Г. Пребывание Петра Великого в Олонецком крае // ОГВ. 1903. № 56. С. 2.
- ²¹ Криничная Н. А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 14. (Далее: Легенды. Предания. Бывальщины...).
- ²² История г. Повенца (Отрывок из историко-статистического описания губернии) // ОГВ. 1841. № 11. С. 50 и др.
- ²³ Петров К. М. Город Вытегра // ОГВ. 1880. № 3. С. 424; Вытегорский погост // ОГВ. 1884. № 98. С. 989.
- ²⁴ Минорский П. Народные предания и рассказы о Петре Великом // ОГВ. 1872. № 37. С. 409.

- ²⁵ Барсов Е. В. Народный рассказ о поездке Петра I в Соловки / [Зап. от В. П. Щеголенка] // ОГВ. 1872. № 8. С. 89.
- ²⁶ Аненинский А. Из поездки по Олонецкому краю. Г. Лодейное Поле. 19 марта // ОГВ. 1902. № 91. С. 3.
- ²⁷ Олонецкая старина. Из рассказов Нартова о Петре I // ОГВ. 1897. № 55. С. 2.
- ²⁸ Барсов Е. В. Народный рассказ о поездке Петра I в Соловки... С. 89.
- ²⁹ Кончезерские и Марциальные воды и находящиеся при них древности // ОГВ. 1841. № 2. С. 6–8.
- ³⁰ Н. Этнографические заметки. Пудожская гора в Повенецком уезде // ОГВ. 1888. № 47. С. 436.
- ³¹ Закладка часовни в память Императора Петра Великого на Беседной горе близ города Вытегры // ОГВ. 1880. № 85. С. 952–953; Трошков П. Пребывание Петра Великого в пределах Олонецкой губернии // ОГВ. 1895. № 100. С. 6.
- ³² Новое поселение на Повенецко-Сумской почтовой дороге – «Петровский Ям» // ОГВ. 1880. № 7. С. 91.
- ³³ Кизи. Этнографические материалы // ОГВ. 1892. № 93. С. 954.
- ³⁴ Партанский С. Вытегорская Покровская церковь в Вытегорском погосте (краткий очерк) // ОГВ. 1873. № 19. С. 212–213.
- ³⁵ [Кулжипский]. Воспоминания о Петре Великом (отрывок) // ОГВ. 1843. № 39. С. 134.
- ³⁶ Олонецкий воевода (Анекдот из времен Петра Великого) // ОГВ. 1859. № 18. С. 81.
- ³⁷ [Кулжипский]. Воспоминания о Петре Великом (отрывок) // ОГВ. 1843. № 39. С. 135.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ [Кулжипский]. Воспоминания о Петре Великом (отрывок) // ОГВ. 1843. № 40. С. 136.
- ⁴⁰ Поездка на Кончезерский завод и к Марциальным водам // ОГВ. 1841. № 13. С. 64.
- ⁴¹ Раевский С. Серебряная чарка Петра Великого // ОГВ. 1838. № 24. С. 22–23.
- ⁴² О постройке часовни на острове Воротном в Повенецком заливе // ОГВ. 1882. № 38. С. 418.
- ⁴³ Олонецкий воевода (Анекдот из времен Петра Великого)... С. 80–81.
- ⁴⁴ Олонецкий священник / Сообщил С. Соловьев // ОГВ. 1872. № 37. С. 409.
- ⁴⁵ Аненинский А. Из поездки по Олонецкому краю. Г. Лодейное Поле... С. 3.
- ⁴⁶ Партанский С. Вытегорская Покровская церковь в Вытегорском погосте (краткий очерк) // ОГВ. 1873. № 19. С. 212–213.
- ⁴⁷ Минорский П. Встреча Петра I со шведами на Ладожском озере // ОГВ. 1872. № 36. С. 339.
- ⁴⁸ Барсов Е. В. Народный рассказ о поездке Петра I в Соловки... С. 89.
- ⁴⁹ Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1874. С. 15.
- ⁵⁰ Светаев Я. Г. Пребывание Петра Великого в Олонецком крае // ОГВ. 1903. № 56. С. 3.
- ⁵¹ Закладка часовни в память императора Петра Великого на Беседной горке близ Вытегры... С. 952–953.
- ⁵² Партанский С. Вытегорская Покровская церковь в Вытегорском погосте (краткий очерк)... С. 213; Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: Исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 49. С. 576; [Петров К. М.] Город Вытегра // ОГВ. 1880. № 32. С. 424.
- ⁵³ Некрасов А. П. Вытегорский погост // ОГВ. 1884. № 98. С. 989.
- ⁵⁴ См. подробнее: Бауэр Т. В. Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX – начала XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. С. 86–95.
- ⁵⁵ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2 / Под ред. Н. Харузина. М.: Типография А. Левенсон и К°, 1890. С. 121–122.
- ⁵⁶ Ср. диал. ворово́й – «удалой, бойкий, проворный» (Кулик.)
- ⁵⁷ Бауэр Т. В. Представления и практики, связанные с воровством... С. 230.
- ⁵⁸ Из Вытегры // ОГВ. 1864. № 52. С. 611.
- ⁵⁹ Бауэр Т. В. Представления и практики, связанные с воровством... С. 231.
- ⁶⁰ Обряди́ть – то же, что наряди́ть. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2000. С. 437.
- ⁶¹ Некрасов А. П. Вытегорский погост... С. 989.
- ⁶² Трошков П. Пребывание Петра Великого в пределах Олонецкой губернии // ОГВ. 1895. № 100. С. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б р о с и м о в а Д. Д. Публикации А. Д. Георгиевского: фольклорные материалы в статьях 1899–1905 гг. // Федосовские чтения: Материалы науч.-практ. краеведческой конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой (Петрозаводск, 27–28 апреля 2017 г.) / Сост. и науч. ред. А. С. Лызлова. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 56–65.
2. А б р о с и м о в а Д. Д. Фольклорные материалы «села Муромля» в записях А. Д. Георгиевского // Краеведческие чтения: Материалы XI науч. конф. (16–17 февраля 2017 г.) / Сост. Н. Ю. Кирикова, В. А. Ягодкина. Петрозаводск, 2017. С. 258–268 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/11753.pdf> (дата обращения 04.07.2020).
3. А н и к и н В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы) // Русский фольклор. Русская народная проза / Ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 13. С. 6–19.

4. Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 279 с.
5. Базанов В. Г. Петр I в Карелии и народные предания о нем // Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века: Очерки. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. С. 136–146.
6. Васскул А. И. Литература по русскому фольклору. 1856–1880 гг. // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1856–1880 / Сост. А. И. Васскул. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 8–21.
7. Егоров С. Б. Предания вепсов о Петре I // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003» / [Ред. Ю. В. Кривошеев и др.]. СПб.: Петровский фонд, 1997. С. 127–131.
8. Иванова Т. В. Святозеро в его песнях и преданиях // Фольклористика Карелии / [Науч. ред.: Н. А. Криничная, Э. С. Киуру]. Петрозаводск, 1986. С. 170–187.
9. Иванова Т. Г. Литература по русскому фольклору в 1800–1855 годах // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800–1855 / Сост. Т. Г. Иванова; Под ред. А. А. Горелова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 7–19.
10. Колесницева М. М. Русские предания и легенды в публикациях 1860–1870-х годов // Русский фольклор. Русская народная проза / Ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 13. С. 23–39.
11. Криничная Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. 192 с.
12. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, 1987. 227 с.
13. Некрылова А. Ф. Предания и легенды, отразившие военные события Петровского времени // Русский фольклор. Русская народная проза / Ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 13. С. 103–110.
14. Попова Ю. Н. Предания как источник для изучения исторической памяти народа (на примере Олонецкой губернии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 5 (126). С. 36–38.
15. Путилов Б. Н. Петр Великий – фольклорный герой // Петр Великий: предания, легенды, анекдоты, сказки, песни / Сост. Б. Н. Путилов. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 5–16.
16. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
17. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославян. сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
18. Тихвинский фольклорный архив: Исследования и материалы. Вып. 1 / Предисл. В. В. Головин и др. СПб., 2000. 156 с.
19. Уванцева Н. Г. Образ Петра I в топонимических преданиях о поселке Святозеро Пряжинского района Республики Карелия: (по материалам фольклорных экспедиций студентов КГПУ) // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: Материалы науч.-практ. семинара (г. Петрозаводск, 23–24 апреля 2009 г.) / Ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 68–73.

Поступила в редакцию 06.07.2020; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Natalya G. Urvantseva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7230-4834; natury@mail.ru

LEGENDS ABOUT PETER THE GREAT IN THE OLONETS PROVINCE GAZETTE

Abstract. Reforms of Peter the Great who repeatedly visited the Olonets Province left a deep imprint on the folk historical prose. The article attempts to systematize information about the historical legends about Peter the Great published on the pages of a Petrozavodsk newspaper *The Olonets Province Gazette* in the XIX and the early XX centuries. The relevance of the article is due to the insufficient study of the legends about Peter the Great published in the unofficial section of the local periodical. There were revealed 86 legends published from 1838 to 1905. The majority of them are narrative or non-narrative stories about everyday life. The article examines the role of the newspaper's contributors and other employees, as well as the members of the Olonets Province Statistical Committee in collecting information about Peter the Great's stay in the Olonets region, and establishes links between publications about the Emperor and various significant dates. Legends about Peter the Great preserve both original and traditional features that this genre had developed throughout its history. The author examines a set of motifs, plots and their variants, as well as functions associated with this historical person. The article provides a separate analysis of the folklore image of Peter the Great in legends. It identifies the main types (functions) of this character and his mythological and fairy-tale features, and characterizes the largest cycle of Vytegra legends about the Emperor. The appendix to the article contains a summary table of all texts about Peter the Great published in *The Olonets Province Gazette*.

Keywords: Peter the Great, folklore, legends, periodicals, Olonets Province Gazette, Olonets Province

Acknowledgements. The article was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 20-09-42034 “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia”.

For citation: Urvantseva, N. G. Legends about Peter the Great in *The Olonets Province Gazette. Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):41–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.655

REFERENCES

1. Abrosimova, D. D. Publications by A. D. Georgievsky: folklore materials in articles of 1899–1905. *Fedosov Readings: Proceedings of the research and practical local lore conference commemorating the 190th birth anniversary of I. A. Fedosova (Petrozavodsk, April 27–28, 2017)*. (A. S. Lyzlova, Ed.). Petrozavodsk, 2017. P. 56–65. (In Russ.)
2. Abrosimova, D. D. Folklore materials of the “village of Muromlya” in the records of A. D. Georgievsky. *Local Lore Readings: Proceedings of the XI research conference (February 16–17, 2017)*. (N. Yu. Kirikova, V. A. Yagodkina, Comps.). Petrozavodsk, 2017. C. 258–268. Available at: <http://library.karelia.ru/files/11753.pdf> (accessed 04.07.2020). (In Russ.)
3. Anikin, V. P. Fiction of non-fairy-tale genres (general formulation of the problem). *Russian folklore. Russian folk prose*. (S. N. Azbelev, Ed.). Leningrad, 1972. Vol. 13. P. 6–19. (In Russ.)
4. Bazarov, V. G. Folk literature of Karelia. Petrozavodsk, 1947. 279 p. (In Russ.)
5. Bazarov, V. G. Peter the Great in Karelia and folk legends about him. *Bazarov V. G. Karelia in Russian literature and folklore studies of the XIX century: Essays*. Petrozavodsk, 1955. P. 136–146. (In Russ.)
6. Vaskul, A. I. Literature on Russian folklore. 1856–1880. *Russian folklore: Bibliographic index. 1856–1880*. (A. I. Vaskul, Comp.). St. Petersburg, 2017. P. 8–21. (In Russ.)
7. Egorov, S. B. Veps legends about Peter the Great. *Saint Petersburg Readings – 97. St. Petersburg and Russia: Materials of the Encyclopedic Library “Saint Petersburg – 2003”*. (Yu. V. Krivosheev et al., Eds.). St. Petersburg, 1997. P. 127–131. (In Russ.)
8. Ivanova, T. V. Svyatozero in its songs and legends. *Folklore studies in Karelia*. (N. A. Krinichnaya, E. S. Kiuru, Eds.). Petrozavodsk, 1986. P. 170–187. (In Russ.)
9. Ivanova, T. G. Literature on Russian folklore in 1800–1855. *Russian folklore: Bibliographic index. 1800–1855* (T. G. Ivanova, Comp.; A. A. Gorelov, Ed.). St. Petersburg, 1996. P. 7–19. (In Russ.)
10. Kolesnitskaya, M. M. Russian legends and stories in the publications of the 1860–1870s. *Russian folklore. Russian folk prose*. (S. N. Azbelev, Ed.). Leningrad, 1972. Vol. 13. P. 23–39. (In Russ.)
11. Krinichnaya, N. A. Characters of legends: the formation and evolution of image. Leningrad, 1988. 192 p. (In Russ.)
12. Krinichnaya, N. A. Russian folk historical prose: Questions of genesis and structure. (V. K. Sokolova, Ed.). Leningrad, 1987. 227 p. (In Russ.)
13. Nekrylova, A. F. Stories and legends reflecting the military events of the Petrine times. *Russian folklore. Russian folk prose*. (S. N. Azbelev, Ed.). Leningrad, 1972. Vol. 13. P. 103–110. (In Russ.)
14. Popova, Yu. N. Legends as a source for studying the historical memory of the people (the case of the Olonets Province). *Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2012;5(126):36–38. (In Russ.)
15. Putilov, B. N. Peter the Great – a folklore hero. *Peter the Great: legends, stories, anecdotes, fairy tales, songs*. (B. N. Putilov, Comp.). St. Petersburg, 2009. P. 5–16. (In Russ.)
16. Sokolova, V. K. Russian historical legends. Moscow, 1970. 288 p. (In Russ.)
17. Comparative index of plots: East Slavic fairy tales (L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov, Comps.). Leningrad, 1979. 437 p. (In Russ.)
18. Tikhvin Folklore Archive: Research and materials. Vol. 1 (V. V. Golovin et al., Foreword). St. Petersburg, 2000. 156 p. (In Russ.)
19. Urvantseva, N. G. The image of Peter the Great in the toponymic legends about the village of Svyatozero, Pryazha district of the Republic of Karelia: (based on the materials of the Petrozavodsk State Pedagogical University students’ folklore expeditions). *Methods of field work and archival storage of folklore, ethnographic and linguistic materials: Proceedings of the research and practice seminar (Petrozavodsk, April 23–24, 2009)*. (V. P. Kuznetsova, Ed.). Petrozavodsk, 2009. P. 68–73. (In Russ.)

Received: 6 July, 2020; accepted: 28 June, 2021

куратор

Православный музей Финляндии РИЗА

(Куопио, Финляндия)

ilonapelgonen@riisa.fi

СКАЗКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЯХ, ЗАПИСАННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ

А н н о т а ц и я . В первой четверти XX века как в Российской и Советской Карелии, так и на территории Финляндии, в карельских деревнях Приладожья, осуществлялось активное собирательство фольклора. Сказки, записанные Мартой Пелконен в салминских деревнях, вошли в сборник «Satuja ja legendojä. Martta Pelkosen salmilaismuistitinpajoja» («Сказки и легенды. Салминские записи Марты Пелконен»), изданный Литературным обществом Финляндии в 1976 году. В сборнике имеются и сказания о реальных исторических персонажах – царе Петре Первом и графине Анне Орловой-Чесменской, в частности ее роли в строительстве церкви св. Николая Чудотворца в Салми. Перевод на русский язык осуществляется впервые.

Ключевые слова: Петр Великий, фольклор Карелии, Салми, история Приладожья, Анна Орлова-Чесменская, Марта Пелконен

Для цитирования: Пелгонен И. В. Сказки об исторических личностях, записанные в Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 53–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.656

ВВЕДЕНИЕ

Сохранившиеся в Салминской общине¹ до 1930-х годов карельские традиции, язык, языческие ритуалы и в то же время особенности православной культуры предоставили богатый материал для работы фольклористов. В период с 1870 по 1917 год различными исследователями в салминских деревнях записаны руны «калевальской метрики», опубликованные в базе данных «Древние руны народа Финляндии» SKVR. В Салми² начал свою многолетнюю работу по изучению карельского языка односельчанин Марта Пелконен, выходец из д. Мийнала лингвист Юхо Куйола (Лазарев). В салминскую деревню Карку приезжали финские фольклористы Мартти Хаавио, Сирпа Толонен работать с Насти Рантси (Лукиной), которую называли в Финляндии самой талантливой сказительницей, «карельской мадонной». Записано 114 ее сказок, заговоров, плачей [4: 76]. В Мийнала в 1938 году проживал последний кантелист приграничной Карелии Ларин-либо³.

Марта (Марфа) Пелконен (Хозяинова) (1892–1979) – уроженка д. Мийнала, учительница русского и финского языков, осуществляла собирание фольклора в 1914–1916 годах и в 1930-е годы в деревнях Салминской общины. Сказки от тридцати пяти рассказчиков были записаны и опубликованы на ливвиковском наречии карельского языка, переведены для сборника на финский язык: *Satuja ja legendojä. Martta Pelkosen salmilaismuistitinpajoja*. Toim. Raija

Koronen. Vammala, 1976. 324 s. Большинство сказок сборника основаны на православных преданиях и имеют общие сюжеты, зафиксированные у славянских и финно-угорских народов [1].

Сказку «Царь Петр Великий» рассказал М. Пелконен Николай Изрикки, называемый в деревне *Miikul Mikiifin*. Он родился и 40 лет прожил в салминской деревне Кауноселька⁴. Жил в других салминских деревнях, а также в Санкт-Петербурге. Интервьюирован 10 июля 1935 года в возрасте 69 лет. Кроме сказки о царе Петре в сборник Марты Пелконен вошли его небольшие сказания «Преображение Спаса» и «О Соловецком монастыре».

О ПЕТРЕ I

Сказки о Петре I, собранные исследователями фольклора как до революции 1917 года, так и в 1930–1940-е годы на территории КАССР, опубликованы в нескольких сборниках⁵. В сказке, рассказанной Николаем Изрикки, есть сюжеты, имеющиеся в текстах, записанных по другую сторону границы в Советской Карелии. Например, сюжет с погружением железа в сани в сказке «Царь Петр» записан в 1940 году в деревне Пелдожа Пряжинского района, а также «Петр Первый и кузнец», записанной в 1936 году в деревне Погранкондуши Олонецкого района⁶. В салминской сказке и сказке из Погранкондуши имеется и другой общий сюжет: царь Петр три раза предлагает мужику выкупить у него резвого коня, но тот не соглашается, и царь коня убива-

ет. Но повествование об этом событии строится в салминской сказке более развернуто.

Обе деревни – Кауноселька Великого княжества Финляндского, затем Финляндии, и Погранкондуши Видлицкой волости Олонецкого уезда, затем СССР, находились в непосредственной близости к границе. Наличие двух сюжетов в одной сказке показывает, что они могли бытовать в этом регионе в то время, когда салминцев и олончан связывали тесные семейные, деловые и религиозные связи, разорванные после событий 1917 года и получения Финляндии независимости.

Несмотря на общность сюжетов, салминский вариант значительно отличается как от сказки, записанной в деревне Погранкондуши, так и от других карельских сказок о Петре. Именно поэтому представляет интерес публикация перевода этой сказки, пополняющей карельскую коллекцию преданий о Петре Великом.

ПЕТР-ЦАРЬ (PEDRI-SOARI)

«Был однажды раньше Петр-царь. Он пробовал разные ремесла. Отправился он бродить по миру. Попал батраком (кар. – *kazakku*) в один дом у дороги, ведущей на Соловки. Там три года батрачил. Потом разослали объявление: «Если Петр-царь не придет в такое-то и такое-то место в такое-то время, тогда поставим нового царя». Он об этом узнал. Забеспокоился – и к хозяину. Хозяин спрашивает: «Чего ты волнуешься?» «От того я волнуюсь: надо бы туда попасть посмотреть, как нового царя будут ставить». «Не беспокойся, – отвечает хозяин, – конечно, попадешь. Иди и заведи ту лошадь на сарай, да положи в розвальни двадцать пять пудов железа!» Ну он, батрак этот, и положил. А они до того еще не знали, кто из них какой силы. Пришел батрак в избу, говорит: «Иди, хозяин, посмотри, сани загружены!» Пошел хозяин на сарай смотреть. Видит: да, загружены. Одной рукой сани и поднял. Увидел это батрак, взял, да и пнул одной ногой сани с другого боку. Остался батрак в сарае, а хозяин пошел в избу, говорит своей бабе: «Есть у меня сила в руках, но столько же силы у батрака в ногах».

Запряг батрак лошадь в сани. Уселись они, и батрак приготовился лошадь погонять. Хозяин говорит: «Не дам я тебе, сам буду править». Как тронулись, так сани и начали качаться да подпрыгивать. «Эх, маловато железа еще, качаются сани», – говорит хозяин. Такая у него сильная лошадь была.

Поехали. Как стали приближаться к Петербургу, хозяин у батрака спрашивает: «Куда теперь поедем?» Батрак ему и говорит шутя: «Езжай прямо на царский двор! У меня дело к часовщику там».

Ну он и пошел как будто к себе домой. Сказал солдату у ворот: «Пустите того мужика сюда и лошадь тоже!» Зашел этот батрак в свой дом, оделся как положено в золотые царские одежды и поглядывает из окна, когда его хозяин придет да начнет по лестнице подниматься. Вот видит: идет хозяин по ступенькам. Царь его встречает и говорит: «Ну, хозяин, узнаешь меня?». Хозяин на колени перед ним опускается: «Теперь я в твоей власти. Посытай меня куда хочешь». «Никуда не пошлю. Пойдем в избу, поедим и выпьем, потом пройдемся погуляем вместе».

Трое суток он там его держит. В первый день, когда гуляют, царь пытается купить лошадь у хозяина.

И на следующий день пытается, говорит: «Продай ту лошадь мне!» Хозяин отвечает: «Не продам». Третий раз пытается царь, на третий день: «Продай же ты мне лошадь!» Хозяин говорит: «Не продам». «Ну, не продашь, значит будешь без нее».

Немного времени проходит, приказывает он солдатам: «Отрубите у лошади голову! Шкуру обдерите!» И наполняет золотом да серебром эту шкуру дополнна. «Ну вот, – говорит, – три раза я пытался у тебя лошадь купить, ты упирался только, не продал. Нет в этом мире ничего, что нельзя за деньги получить. У всякого товара, у всякой твари животной и у тебя самого цена есть. Если б ты попросил много миллионов за лошадь, я бы посмотрел, что дорого, не купил бы. Иди теперь ты домой! За эти деньги, что я дал, купиши себе такую же лошадь!» (Перевод с финского языка выполнен автором статьи. – И. П.).

ПРЕДАНИЕ ОБ «АННЕ, СТРОИТЕЛЬНИЦЕ ЦЕРКВИ В ТУЛЕМА»

О графине Анне Орловой-Чесменской, на чьи средства построен в 1815–1824 годах главный храм Салминского православного прихода – церковь св. Николая Чудотворца, среди салминцев ходило много преданий. Одно из них вошло в сборник Марты Пелконен. Его рассказала Татьяна Хёффи, в девичестве Яронен. О рассказчице известно, что она родилась в д. Кирккёёки, жила некоторое время в Санкт-Петербурге и Питкяранте. Много лет ухаживала за больным мужем и душевнобольным сыном. Интервьюирована Мартой Пелконен в возрасте 69 лет в салминской деревне Тулема летом 1935 года.

Каменный трехпрестольный храм св. Николая имел боковые приделы: правый, посвященный памяти св. Алексея митрополита Московского, небесного покровителя отца Анны, графа Алексея Орлова-Чесменского, и левый – святой праведной Анны, который и упоминается в предании. Поскольку св. праведная Анна являлась бабушкой Иисуса Христа, вполне можно предположить, что левый придел был посвящен бабушке графини Анны, ее тезке – Анне Алексеевне Лопухиной (Жеребцовой). Бабушка является также и героиней рассматриваемого нами текста, но под вымышленным в народе именем.

В предании упоминается икона св. Николая, которую рассказчица и, видимо, остальные жители Салми считали старейшей. О самых ранних иконах данного храма сохранились упоминания в «Историко-статистических сведениях Санкт-Петербургской епархии» 1875 года – это икона Покрова Пресвятой Богородицы и образ св. пророка Ильи, обе 1719 года⁷, но неизвестно, уцелели ли эти иконы к 1930-м годам.

Предание о графине А. Орловой-Чесменской, как и все тексты сборника, опубликовано на карельском и финском языках и в переводе с последнего звучит так:

«Эта церковь построена Анной, старой девой. День Миколы празднуем. Икона Миколы самая старая,

самая ценная в церкви. Она, Анна, накопила много денег, построила церковь. Ее именины в церкви вспоминают – каждый год служба в рождественский пост, за три дня перед рождеством, теперешним рождеством⁸. В левой стороне церкви служба, на женской стороне, где алтарь.

Наша бабушка покойница про то рассказывала: этой Анне досталось большое сокровище, клад. Бабушка оставила. Она спрятала клад в нору под камнем. Потом бабушка этой Анны⁹ внучке своей и наставляла: «Когда исполнится тебе 25 лет, иди в ночь на Иванов день туда. Тогда тебе этот клад и откроется». Внучка ходила два года, но не получила. Вот, как третий год наступил, перекрестила глаза¹⁰ и пошла. Идет, видит синий огонек. Она пошла в фартуке в кисейном – бабушка так наказала – кинула этот фартук в огонь. Огонь этот стал золотом. Полный фартук золота набрала, видит – на земле еще много. Она сняла сарафан, и его наполнила золотом. Это были русские золотые деньги, все десятирублевые да пятирублевые, меньше не было. Она позвала счетовода. Потом нашла там еще жемчужные серьги. На серьгах было написано бабушкино имя. Васси ее звали. Ну как они посчитали эти деньги, очень много их было. Мужик спрашивает: «Куда потратишь?» Анни и отвечает: «Построю церковь, пусть молятся Богу». Такие вот мысли пришли, что сделает она церковь, никуда на другое больше не потратит. Потом прожила эта Анни еще лет пятнадцать, да и умерла» (Перевод с финского языка выполнен автором статьи. – И. П.).

Салминцы верили, что церковь, построенная графиней Анной в д. Тулема, единственная в своем роде и имеет исключительное значение, что подтверждает и другое предание, бытовавшее в Салми и связанное с историей этого храма. Салминский краевед Элна Пелконен в книге «На берегах карельского моря», изданной в 1959 году в Турку, писала, что Никольский храм был построен в память о женихе Анны, Михаиле Долгоруком, погибшем в Финляндии в сражении под Поррассалми [3: 38].

Сражение под Поррассалми произошло в 1789 году, когда графине Анне исполнилось всего четыре года. Имя Михаила Долгорукого в исследованиях, посвященных жизни графини, не встречается. Безусловно, подробности биографии Анны Орловой-Чесменской были незнакомы жителям Приладожья в XIX веке, как не могли они знать и об ее обширной благотворительной деятельности. Предание в искаженном виде перешло в пересказах жителей бывших финских территорий в наши дни, что и заставляет нас уделить ей внимание. На сайте фонда «Северный духовный путь», занимающегося в настоящее время восстановлением рассматриваемой нами церкви Николая Чудотворца, указывается, что храм сооружен «в честь победы русского оружия в Чесменской битве и в память о князе Юрие Долгоруком» [2]. Связь с Чесменской битвой также была изобретена уже в начале 2000-х годов местными краеведами, пытавшимися найти причины строительства церкви и обосновать исключительность ее появления в Карелии.

Документальные подтверждения обширной деятельности графини А. Орловой-Чесменской, личная переписка, хозяйственные бумаги разбросаны по самым разнообразным архивам и библиотекам, и обобщающего исследования до сих пор не существует. Но доподлинно известно, что графиня построила в разных частях Российской империи огромное количество храмов, осуществляла пожертвования во множество монастырей, в том числе и за пределами России. Масштаб ее благотворительной деятельности подтверждают и цифры ее завещания, которое она поделила между 343 монастырями, 48 кафедральными соборами¹¹. Салминский Никольский храм был одним из многих, история возникновения которого не имеет никакой особенной подоплеки.

И, наконец, еще одно сведение о салминском храме св. Николая, называющее его архитектором К. Л. Энгеля, тоже до сих пор не нашло документального подтверждения. С 2018 года финский исследователь Тимо Лехтонен и автор данной статьи осуществляют поиск документации данной церкви в финских и российских архивах¹², но никаких упоминаний об архитекторе храма до сих пор не найдено.

Документальных подтверждений авторства К. Л. Энгеля не имелось и при жизни современников храма. В статье об освящении Салминской церкви после ремонта в 1935 году секретарь архиепископа Финляндского Германа протодиакон Лео Касанский (Касанко) писал: «Некоторые утверждают, что эта церковь – творение знаменитого архитектора Энгеля... но это утверждение, похоже, не доказано»¹³. Касанский также сообщает в статье, что сохранился старый архитектурный план храма, который, по его мнению, необходимо оформить в раму и повесить на видном месте. В плане, таким образом, имя архитектора не указывалось.

Работа по поиску материалов салминской церкви св. Николая продолжается, и вместе с этим Тимо Лехтоненом осуществляется сбор архивной документации преимущественно из российских архивов обо всех храмах Приладожья и Карельского перешейка. Труд готовится к публикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всплеск интереса к истории Северного Приладожья, наблюдаемый в последние годы, стал возможен в связи с упрощением доступности документов, фотоматериалов, периодической печати, литературы и исследований на финском языке. Появилась возможность детальнее изучить богатое культурное наследие отошедших в результате Второй мировой войны к СССР карельских территорий, где тесно переплетались карельские, финские, русские традиции. Свиде-

тельствуют об этом взаимопроникновении в том числе сказки и предания, записанные в деревнях Салминской общины, дополняющие наше пред-

ставление о жизни населения Приладожья в до- военный период и о таких исторических лицах, как А. Орлова-Чесменская и Петр Первый.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ До 1917 года территория Выборгской губернии Великого княжества Финляндского, затем независимой Финляндии, после Второй мировой войны – Республики Карелия Салминского сельского поселения.
- ² Обобщающее название для 30 деревень Салминской общины.
- ³ *Karjalaisen mielikuvituksen voima // Suomen kuvalehti*. 1938. № 35. S. 10–11.
- ⁴ Деревня в настоящее время не существует.
- ⁵ Карельские народные сказки. Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л., 1967. С. 357, 365, 369; Перстенек – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Петрозаводск, 1958. С. 216, 223; Русские народные сказки карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. С. 106; Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982. С. 73; Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. С. 49.
- ⁶ Карельские народные сказки. Южная Карелия. С. 357, 369.
- ⁷ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 4. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1875. С. 161.
- ⁸ День памяти св. праведной Анны 22 декабря. К 1924 году приходы Финляндской православной церкви перешли на григорианский календарь.
- ⁹ В ходе рассказа имя Анна меняется на карело-финский манер – Анни.
- ¹⁰ Крестить глаз (ristiä silmänsä) означало «перекреститься».
- ¹¹ Елагин Н. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853. С. 131.
- ¹² На данный момент исследованы РГАДА, РГИА, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Государственный архив Ульяновской области, Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге, Государственный архив Новгородской области, СПб институт истории РАН, Архитектурный музей Финляндии, Национальный архив Финляндии, Архив церковного управления Финляндской православной церкви, Архив Православного музея Финляндии РИЗА, Национальный архив Республики Карелия.
- ¹³ *Salmin kirkon vihkiminen korjausten jälkeen // Aamun koitto*. 1935. № 42. S. 336–338.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пелгонен И. В. Салминские записи Марты Пелконен // Страницы Выборгской истории. Книга пятая / Под ред. А. В. Мельнова, Ю. И. Мошник. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, 2021. (в печати)
2. Реставрация храма во имя святителя Николая Чудотворца в Салми [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nordroad.ru/projects/nashi-proektyi/pravoslavie> (дата обращения 02.05.2021).
3. Elna Pelkonen. Karjalan meren äärellä. Turku, 1959. 347 s.
4. Nasti Rantsi – Suomen etevin legendankertoja // Karjalan heimo. 1981. № 5–6.

Поступила в редакцию 02.03.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Ilona V. Pelgonen, Curator, RIISA – Orthodox Church Museum of Finland (Kuopio, Finland)
ilona.pelgonen@riisa.fi

TALES OF HISTORICAL PERSONALITIES RECORDED IN FINLAND

A b s t r a c t. In the first quarter of the XX century, both in Soviet Karelia and on the territory of Finland in the villages of the Ladoga area folklore materials were being actively collected. Fairy tales recorded by Marta Pelkonen in the Salmi community were published by the Literary Society of Finland in 1976 as the collection entitled *Satuja ja legendoi. Martta Pelkonen salmilaismuistinpanoja* (Tales and Legends. Salmi Writings of Martta Pelkonen). This collection also contains legends about real historical figures – Tsar Peter the Great and Countess Anna Orlova-Chesmenskaya, particularly about her participation in the construction of the Church of St. Nicholas in Salmi. Both texts have not been previously translated into Russian.

K e y w o r d s : Peter The Great, Karelian folklore, Salmi, history of the Ladoga area, Anna Orlova-Chesmenskaya, Marta Pelkonen

F o r c i t a t i o n : Pelgonen, I. V. Tales of historical personalities recorded in Finland. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):53–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.656

REFERENCES

1. Pelgonen, I. V. Salmi writings of Martha Pelkonen. *The Pages of Vyborg History. Book Five*. (A. V. Mel'nov, Yu. I. Moshnik, Eds.). Vyborg, 2021. (In press)
2. The restoration of the Church of St. Nicholas the Wonderworker in Salmi. Available at: <https://nordroad.ru/projects/nashi-proektyi/pravoslavie> (accessed 02.05.2021).
3. Elna Pelkonen. Karjalan meren äärellä. Turku, 1959. 347 s.
4. Nasti Rantsi – Suomen etevin legendankertoja. *Karjalan heimo*. 1981;5–6.

Received: 2 March, 2021; accepted: 26 July, 2021

НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА ПУШКАРЕВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7918-5420; pushkarevanata@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ «УСТАВА МОРСКОГО» 1720 ГОДА

Аннотация. На материале текста нового для Петровской эпохи жанра рассматриваются языковые средства, выражающие императивность в регламентирующих документах. Выявляются особенности императивной ситуации, в которой применялся «Устав Морской», с учетом исторической реальности России XVIII века определяются его адресат и адресант. Адресатом текста являлся весь морской персонал, адресант не может быть определен однозначно, так как в этой роли выступали и Российское государство, выстраиваемое по европейскому образцу, и абсолютный монарх Петр I. В связи с этим в документе выявляются особые прагматические цели: регламентирование действий адресата и обучение его в рамках этого регламента. Репертуар языковых единиц, передающих в ис следуемом тексте предписания и запреты, содержит разностилевые единицы. Императивность выражается инфинитивными формами, формой будущего времени со вспомогательным глаголом *иметь*, спрягаемыми формами глагола, оборотами с частицей *да*, безличными глаголами с перформативным значением. Использование языковых средств связано с тематикой предписания, степенью конкретности описываемых действий, категоричностью запрета, тяжестью проступка, за который полагалось наказание. Форма выражения императивности могла маркировать социально ослабленную позицию адресата. Все эти факты свидетельствуют о поисках авторами документа таких языковых форм выражения императивности, которые были бы понятны адресату и соответствовали выполнению новых коммуникативно-прагматических задач.

Ключевые слова: история русского языка XVIII века, Петровская эпоха, «Устав Морской», императивность, формирование жанров деловой речи

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

Для цитирования: Пушкирева Н. В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657

ВВЕДЕНИЕ

Новые сферы деятельности Российского государства Петровской эпохи требовали регламентации, вследствие чего расширялся репертуар государственных документов. Появление уставов, регулирующих организованные по европейским образцам армию и флот, отражает общую тенденцию, отвечающую стремлению Петра I «усовершенствовать речевой этикет в соответствии с изменениями культуры и быта и приблизить речевой ритуал к практике европейской речевой коммуникации» [10: 38].

Создаваемый Петром I флот сталкивался с двумя проблемами: нехваткой подготовленных кадров и отсутствием кодекса, определяющего задачи флота и порядок подчинения морского персонала, а также перечисляющего проступки

и наказания за них. Сложности создавало и соединение в морских экипажах русских моряков и большого количества иностранных офицеров: поощряя и наказывая моряков, командиры применяли законы и правила своей страны, поскольку русских документов, регулирующих жизнь флота, не было.

Написанию «Устава Морского» (далее УМ) предшествовало изучение европейских образцов: английского, датского, голландского, шведского и французского [12: 331], однако комиссия, составлявшая устав под контролем Петра I, ориентировалась на российскую реальность. Первая редакция устава появилась в 1720 году, второе издание с уточненным списком наказаний вышло в 1722 году. В таком виде, «с неизбежными отступлениями и смягчениями, требуемы

ми временем»¹, УМ применялся до 1797 года, до замены его «Уставом военного флота» Павла I. Именно в УМ получила окончательное оформление терминосистема военно-морской лексики [1: 21].

Примечательно, что наряду с конкретными указаниями в УМ включены морально-этические установки, касающиеся взаимоотношений внутри экипажа или предостерегающие офицеров от самоуправства:

«Офицеры, и прочие, которые в ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности, какой они веры или народа ни будут» (33)²; *«ни кто из офицеров да не дерзает обретающимся под своею командою рядовым без заслуженной вины, какое наказание чинить, ниже за вину через меру»* (118).

Присутствие в артикулах УМ высказываний дидактического характера иллюстрирует одно важное направление петровских военных реформ, отмечаемое в исторических исследованиях: «воспитание и обучение военнослужащих в духе “регуляторства”» [3]. Целью данной статьи является демонстрация на примере УМ оформления в русском языке XVIII века канонов современного официально-делового стиля в документах, ориентированных на социальные или профессиональные группы.

ТЕКСТ «УСТАВА МОРСКОГО» КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП К СТАНДАРТИЗИРОВАННЫМ ДЕЛОВЫМ ДОКУМЕНТАМ

С pragматической точки зрения исследуемый текст должен относиться к официально-деловому функциональному стилю, к юрисдикционному подстилю, который «обеспечивает координацию деятельности людей в сфере применения законов»³. Документы подобного типа должны способствовать регламентации определенной сферы деятельности и предписывать поведение моряков в конкретных ситуациях. В современном официально-деловом стиле регламентирующие и директивные документы относят к «дискурсу исполнительной власти», то есть к разновидности языка, используемой «в коммуникативно-когнитивной деятельности должностных лиц исполнительной власти при осуществлении ее функций» [14: 139]. Семантически регламентирующий подтип отличается от директивного «расширенным спектром оттенков волеизъявления» и «меньшей степенью категоричности предписания» [15: 128]. Актуализации этих особенностей способствуют единицы, передающие модальные оттенки, в частности, работает семантический потенциал глагольных

форм. Прагматика устава, состоящая в определении единственно приемлемого способа поведения, реализовывается в императивности, при выражении которой побуждение к действию излагается четко и безлично.

Однако жанрово-стилистические особенности документа, написанного в начале XVIII века, еще далеки от такой определенности. Прежде всего УМ никак нельзя отнести к дискурсу исполнительной власти – здесь дискурс производится абсолютным монархом, в котором персонифицируется государство. Тем не менее личностные приоритеты уходят в тень, уступая место целесообразным и рациональным требованиям и установкам.

Документ начинается с извещения о появлении Устава Морского, затем следует написанное Петром I при участии Феофана Прокоповича «Предисловие к доброхотному читателю» (11), рассказывающее «об истории военно-морского дела в России, с основания государства и до разорения в 1719 г. берегов Швеции галерным флотом»⁴. Авторы этой части устава скрыты за местоимением *мы*, однако возможна и другая трактовка: за местоимением *мы* скрывается формула *мы Петр Первый. Царь и самодержец всероссийский*. В таком случае текст оказывается не просто авторским – он получает более высокий статус, чем простое повествование, поскольку выражение воли императора в государстве XVIII века воплощалось в закон [8: 637].

Предисловие лексически неоднородно, оно содержит обороты книжного стиля: *«милостивый Господь сердца Царская держацій в руце своей»* (4); заимствования, в основном, связанные с морской темой: *навигация, яхта, галиот* (6), и их толкования: *«называет оные суда моноксили по гречески, то есть единодеревныя»* (2), имена иностранцев: *Иван Термунт, Карштен Брант* (6). Многочисленные обращения к читателю выражены звательной формой с различными определениями: *любезнейший читателю, читателю доброжелательный, читателю доброхотный*. Читателя втягивают в диалог, вовлекая адресата в идеологическую сферу адресанта, в данном случае верховной власти.

Текст Предисловия не свободен от оценочности и эмоциональности, а также от демонстрации авторской позиции. Так, отсутствие информации о древних русских мореплавателях объясняется следующим образом: *«...чуждые историки о народе нашем не с прилежным любопытством писали; а у нас тогда не только историков, но и писмен не было»* (2). Присутствует и прямая этическая оценка, выраженная во вставной

конструкции «стыдно вспоминать»; она характеризует раздоры, помешавшие организовать сопротивление нашествию татар (4). Завершается Предисловие побуждением к чтению устава: «...иди уже любезнейший читателю во внутрення, видети Регламент флота российскаго. В преддверии видел еси тело, а внутри узриши душу его» (11).

Предисловие можно назвать идеологической базой документа. Эта часть УМ не просто содержит сведения о флоте как новом явлении, но связывает исторические факты с реальностью России XVIII века. Идеологическая и дидактическая составляющие Предисловия способствуют расширению кругозора читателя и внушают ему верные, по мнению автора, представления и оценки.

Основной текст УМ выдержан в ином тоне. С одной стороны, он написан с учетом аналогичных европейских образцов, следовательно, выстраивался по имеющимся шаблонам; с другой стороны, этот текст являлся воплощением волеизъявления автора (в данном случае Петра I) и отражал его видение задач флота и требований к морскому персоналу. Таким образом, вырисовывается особый статус автора законодательных документов XVIII века: это облеченный абсолютной властью персона, поскольку «закон является выражением воли главы государства – императора, выступающего в качестве основного субъекта государственного правотворчества» [8: 637], но эта персона создает документ, направленный на регулирование деятельности флота в рамках европейского права и в условиях российской реальности.

Устав был рассчитан на восприятие со слуха, в Петровскую эпоху сложился обычай читать его команде «по воскресеньям и праздничным дням, а также по окончании церковной службы и церемонии поздравления экипажей командиром или адмиралом» [5]. Синтаксическое построение УМ соответствует такой форме ознакомления с текстом, предложения в нем практически не содержат причастных и деепричастных оборотов, в них немного осложняющих структуру элементов. Исключение составляют инфинитивные цепочки или независимые инфинитивы, синтаксические функции которых не всегда легко определить. Лексический состав текста приближен к разговорному стилю с вкраплениями специальной (морской) лексики.

Предположим, что уставы начала XVIII века должны содержать черты и регламентирующего, и директивного документов, то есть демонстри-

ровать переходное состояние от комплексного применения властных императивов, исходящих от разных ветвей власти, к разделению императивных высказываний по адресанту. Подобное гибридное построение отражает процесс складывания государственного механизма, замещающего при продуцировании законодательных документов абсолютного монарха как правообразующего субъекта.

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В «УСТАВЕ МОРСКОМ»

Во всех случаях при реализации различных ипостасей или социальных ролей автора ведущим компонентом, организующим и регулирующим систему описываемых в УМ стандартов и приоритетов, становится императивность, то есть модально-бытийная понятийная категория субъективной модальности⁵. По словам А. В. Бондарко, эта категория актуализируется в императивной ситуации (ИС), которую формируют «1) субъект волеизъявления (С₁), 2) субъект-исполнитель (С₂), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от (С₁) и обращенного к (С₂)» [2: 80]. Волеизъявление субъекта, направленное на субъекта-исполнителя, нацелено на преобразование реальности и составляет цель императивной ситуации. Императивность получает языковое выражение в особых морфологических и синтаксических формах и в формах, имеющих другое основное значение, которые в особых условиях проявляют императивные характеристики [2: 87].

Одной из черт рассматриваемого документа является нечеткая квалификация субъекта волеизъявления, поскольку в его роли выступают две сущности: император, то есть абсолютная власть, и лишенная персонификации государственная машина нового для России XVIII века типа. В связи с этим формы выражения и интенсивность императивности могут меняться под влиянием внеязыковых факторов. Субъектом-исполнителем императивных высказываний являются все военные моряки, они же оказываются объектами воспитательного и регулирующего воздействия устава.

Языковые единицы, выражающие императивность в тексте устава, не просто передают побуждения, но и разную степень значимости формулируемых требований и их последствий. Например, оборот с *да (не)будет* появляется при описании серьезных проступков, за которые жестоко карают. К таким высказываниям относится, например, предостережение офицерам, приставленным к денежным средствам:

«Комисар **да не дерзает** отнюдь ни у кого жалованья, провианту, платье и прочее, что оним даетя, как учреждено, **удержать** и оных в том **обижать**, под штрафом ссылки на галеру, или лишения живота, по силе вины» (132).

Императивные высказывания присутствуют как в тексте артикулов УМ, так и в их заголовках и формируются конструкциями «модальный оператор + инфинитив» (модальные операторы **должен**, **обязан**, **надлежит**, **повинен**, **подобает**), «иметь + инфинитив», «иметь + причастие + быть», одиночными инфинитивами, личными формами глаголов; оборотами «Да (не)будет / будут»; некоторыми другими способами. Процентное соотношение указанных языковых средств определить трудно, поскольку при подсчете конструкций порой невозможно точно установить, является ли инфинитив одним из однородных членов, связанных с модальным оператором, или выступает как независимый, формируя неполное или инфинитивное предложение. Например:

«Ему **надлежит** к подчиненным **быть** яко отцу, **пещися** о их довольстве, жалобы их слушать и во оных правой суд **иметь**. Такъ же дела их на крепко **смотреть**, добрыя **похвалять** и награждать, а за злые **наказывать**» (2).

Однако можно уверенно говорить о преобладании конструкций с инфинитивом и употребляемых отдельно инфинитивов, формирующих инфинитивные предложения, находящихся в составе неполных предложений или встроенных в цепочки однородных членов. Это представляется оправданным: как пишет С. Г. Ильенко,

«модальные потенции инфинитивного предложения столь значительны, что их реализация <...> дает дополнительные коммуникативные и прагматические эффекты» [6: 107].

3. К. Тарланов дополняет эту мысль:

«Семантика инфинитивных предложений не существует вне модальных отношений долженствования, необходимости, неизбежности, возможности, невозможности, желательности, сожаления и т. д.» [11: 258].

Модальный потенциал инфинитива становится в УМ ведущим средством воздействия на субъекта-исполнителя. Инфинитивные единицы применяются в тексте артикулов при назывании предписываемых действий:

«Комиссару как в деньгах, мундире, так и в раздаче пищи, убавки ни какой **не чинить**, но все **раздавать** исправно, по определению и **смотреть** в том крепко» (83);

они используются и в заголовках с дублированием в последующем тексте. Так, в заголовке

артикула 6 «о штурмане и подштурмане» сказано: «**Поверять** компас» (83). В тексте артикула инфинитив появляется уже с модальным оператором и пояснением: «**Должен поверять** компас, прав ли оной?» (83). Такое дублетное использование инфинитива – характерная черта документа.

Можно предположить, что при чтении устава инфинитивы, как элемент разговорной речи, лучше воспринимались и связывались с коммуникативной ситуацией, чем конструкции книжной речи. Кроме того, использование инфинитивных единиц типа **проверять**, **стрелять**, **салютовать** применялось с целью обучения матросов системе команд, то есть являлось частью подготовки персонала. Это оправдано нацеленностью устава на формирование у моряков представления об их месте в иерархической структуре флота и умения ориентироваться в системе типовых команд, соответствующих определенным ситуациям. Семантическая емкость инфинитива и его способность передавать императивность [13: 82] позволяла достичь максимально точного понимания команд теми, кому они адресованы. Кроме того, в конструкциях с независимым инфинитивом четко разделены субъект волеизъявления и субъект исполнения – последний находится в позиции дополнения, что подчеркивает иерархическую зависимость исполнителя.

Конструкции, состоящие из формы глагола **иметь** (в наст. и прош. времени) и инфинитива, употреблялись в XVIII веке для образования будущего или прошедшего времени (с оттенком модальности)⁶. В материале эти конструкции встречаются в описаниях необходимых поступков, например действия морского офицера на берегу во время десанта: «**всякой имеет** свою **должность исправлять**, по уставам писанным для сухопутной армии» (137), а также в запретах: «**имеет** подчиненный, от всякого непристойного разсуждения об указах, которые ему от его начальника даны, весьма **воздержаться**» (117). В обоих случаях предписывающий характер и категорическая тональность высказываний субъекта волеизъявления прогнозируют и регламентируют будущее поведение субъекта-исполнителя.

Конструкция **иметь** + причастие + быть служит для описания наказаний: «**имеет** преступитель, ежели офицер, вычетом жалованья, по важности преступления **наказан быть**, а рядовой кошками жестоко **бит быть**» (92). Перфектная причастная форма называет состояние, которое неизбежно станет результатом преступка. Примечательно, что в описание вводится но-

вая лексема: «*А ежели то повторит <...> в треты аркибузиран [разстрелян] быть имеет*» (92), хотя встречается и использование более традиционного, но менее конкретного оборота «*лишен живота будет*» (116). Употребление синонимов в одном обороте отражает поиски новой нормы в тот период, когда «равноценность вариантов еще не давала предпочтения ни одному из них» [4: 148].

Особым способом выражения модального значения предписания в УМ является использование личных форм глагола в тех же позициях, в которых другие формы передают директивные или регулятивные сообщения. Такая картина наблюдается в разделах, посвященных обязанностям и ответственности офицерского и унтер-офицерского состава. Например: «*лейтенант третий командир на корабле, и чинит все по приказу капитанскому*» (63). Далее при перечислении обязанностей лейтенанта наряду с модальными операторами, сопровождаемыми инфинитивами, используются личные формы. Часто личная форма в заголовке дополняется сочетанием модального оператора и инфинитива в артикуле. Заголовок: 3. «*имеет* роспись рядовым его вахты; текст артикула: *он должен учинить* роспись всем матросам и пушкарям, которые повинны быть с ним в вахте» (64); заголовок: 6. «*надсматривает* о выливании воды из корабля; текст артикула: *должен послать* квартирмейстера к помпе <...> *велеть* выливать» (64). Личными глагольными формами излагаются обязанности офицера, а инфинитивом в сочетании с модальным оператором передается приказание их исполнять. Таким же образом изложены обязанности корабельного секретаря, который «*посыпает* ведомости командиру порта о взятом корабле» (68), офицера артиллерии: «*принимает* все артиллериские вещи на корабль и *рапортует* капитана и секретаря а по возвращении в порт *отдает* все остаточное в магазин» (70) и некоторых других. При этом действия офицеров описаны с указанием всех обязательных для их выполнения обстоятельств. Вероятно, здесь отражается выстраивание нового жанра, близкого к должностной инструкции, для которого составители УМ ищут адекватные языковые средства.

Использование личной формы глагола конкретизирует действия и снимает вопросы о границах ответственности должностного лица. Строго говоря, личные формы глаголов не формируют в этих описаниях императивного значения, однако встраивание их в стандартизиро-

ванное описание функциональных обязанностей и соответствующих им ограничений включает перечисляемые действия в список обязательных к исполнению, то есть приближает рассматриваемые формулировки к высказываниям с модальным оттенком необходимости, возникающим в контексте.

Отдельно следует упомянуть использование в тексте безличных перформативных глаголов. Так, безличный перформативный глагол передает повеление, адресованное находящемуся в подчинительной роли субъекту-исполнителю:

«*Повелевается лейтенанту, дабы свою вахту тщательно отправлял, как днем, так и нощю, во всех делах и случаях, под жестоким штрафом, или лишением живота, по важности дела*» (66).

Перечисление наказаний и критерий их применения добавляют в высказывание регламентирующий смысл.

Также перформативные высказывания субъекта волеизъявления передают жесткий запрет, например в описании правил поведения на корабле:

«*запрещается* играть в карты в кости и в прочие игры на деньги» (95); «*запрещается* ни куды огня не носить в корабле без приказу караульных офицеров» (97); «*запрещается* офицерам и рядовым привозить на корабль женской пол» (100).

Императивные формы с да (не), также выражающие запрет, последовательно возникают в тех артикулах, где речь идет о морально-этических ценностях, об отношении к религии, государеву делу и кодексу поведения на флоте:

«*Пресвятое имя Божие да не осприемлется* все, в клятве, божбе и лжсе» (92); «*Ни кто да не дерзает* во время службы Божия каких банкетов, или игры чинить» (95); «*Ни кто да не дерзает* на берег, или на другой корабль *съезжать* без отпуска командирского» (99).

Прослеживается связь книжной формулы со значимостью темы: чем тяжелее проступок, тем вероятнее появление этой конструкции при назывании кары. Возможно, здесь наблюдается следование традиции, к которой были привычны субъекты – исполнители приказов. Две запретительные конструкции создают своеобразную градацию проступков: более серьезные запрещаются книжным образом, более легкие – перформативом. Разные способы выражения модальности запрета «различаются по формулируемой ими тональности» [7: 193], то есть меняется «эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели»⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмеченные различия жанрово-стилистических и прагматических характеристик двух частей устава определяются как их различными целями, так и различной практической значимостью. Предисловие ориентировано на абстрактного читателя, в то время как устав рассчитан на группу людей, занятых новой для России XVIII века деятельностью в меняющейся исторической, культурной и идеологической обстановке.

Интенсивность выражения императивности во всех частях устава отражает уровень и порядок подчиненности нижестоящих вышестоящим. На языковом уровне это выражается в большей насыщенности инфинитивными оборотами тех разделов, которые адресованы нижним чинам, а также в использовании личных форм глагола при описании действий людей, исполняющих не существовавшие раньше в российском обиходе обязанности и находящихся при этом в социально ослабленном положении.

Жестко оговариваемая в УМ сфера его действия, ограничивающая произвол отдельных морских офицеров, но нивелируемая в личном присутствии царя, свидетельствует, с одной стороны, о начале, но далеком от завершенности процессе трансформации личной власти монарха в стандартизованные механизмы управления государством, отразившемся в «усилении координирующей функции государственной коммуникации» [9: 45], с другой стороны, о со-

хранявшемся приоритете абсолютной власти. В связи с этим вопрос об адресанте УМ остается открытым: с одной стороны, это государство, требующее от моряков определенного поведения, с другой стороны, император, чье присутствие порой проявляется в тексте в виде назиданий и оценок.

Применение в одном ряду более архаичных и более новых конструкций в тематически однородных артикулах свидетельствует о выработке новой нормы в новых коммуникативных условиях, важным компонентом которых является адресат – обучаемые регламентированному поведению моряки. Во всем тексте наблюдается попытка (во многих случаях успешная) определить место этого адресата во флотской иерархии и подчеркнуть его ослабленную социальную роль.

Вряд ли можно назвать УМ образцом официально-делового стиля в современном понимании. Это новый по форме и содержанию документ, отражающий процесс формирования новой нормы, определяемой прагматической целью. Соединение в нем языковых черт регламентирующего и директивного документов отражает языковую ситуацию Петровской эпохи, когда на первый план вышла задача создания и упорядочения корпуса разнообразных текстов, обслуживающих законодательную и административную сферы государства нового типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории русского флота. СПб.: Тип. Демакова, 1875. С. 546.

² Книга УСТАВ МОРСКОЙ. О всем, что касается к добруму управлению в бытности флота на море. Напечатался повелением ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА в Санктпитеурбургской типографии лета Господня 1720. Апреля в 13 день. 432 с. Здесь и далее при цитировании из источника в круглых скобках указывается номер страницы.

³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/66/oficialno-delovoij-stil.htm> (дата обращения 15.02.2021).

⁴ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 544.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 385.

⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. С. 84.

⁷ Матвеева Т. В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник / Под. ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 692 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24496023&pff=1> (дата обращения 15.02.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М. О. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 6–23.
2. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 80–89.

3. Гаврищук В. В. Военные преобразования Петра I в отечественной историографии // Военный академический журнал. 2017. № 2 (14). С. 21–31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B3LVagqq78A5QmRXY3FRdjJZOFk/view> (дата обращения 15.02.2021).
4. Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 318 с.
5. Дыгало В. А. Три века на службе Отечеству. М.: Издательский дом «Вече», 2007. 365 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/13.htm> (дата обращения 15.02.2021).
6. Ильенко С. Г. Русские односоставные глагольные предложения в антропоцентрическом аспекте // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию Г. Н. Акимовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 102–111.
7. Орлова Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 188–193.
8. Ромашов Р. А. Юридические формы и технологии законотворчества в условиях государственного абсолютизма (на примере России XVIII века) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 631–637.
9. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
10. Судаков Г. В. Как начиналась языковая реформа Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497
11. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
12. Хуссен А. Х. Устав Морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. С. 326–340.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. 624 с.
14. Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 2 (163). С. 134–146.
15. Ширинкина М. А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 120–130.

Поступила в редакцию 24.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Natalia V. Pushkareva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7918-5420; pushkarevanata@gmail.com

SPECIFIC FEATURES OF IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1720 NAVAL CHARTER

A b s t r a c t. The article examines linguistic means for expressing imperativeness in regulatory documents using the material of a text that was new for the Peter the Great's era. The author identifies the peculiarities of the imperative situation in which the Naval Charter was applied, and determines its addresser and addressees taking into account Russia's eighteenth-century historical reality. The addressees of the text were all maritime personnel, while the addresser cannot be clearly identified, since this role was played by both the Russian state built on the European model and the absolute monarch Peter the Great. Therefore, special pragmatic goals of the document are revealed as follows: regulating the actions of the addressees and training them according to the regulations provided in the Charter. The range of linguistic units that convey prescriptions and prohibitions in the studied text includes multi-style units. Imperativeness is expressed through infinitive forms, the future tense form with an auxiliary verb *to have*, conjugated verb forms, phrases with the particle *да*, and impersonal verbs with performative meaning. The use of linguistic means is associated with the subject of the prescription, the degree of specificity of the actions described, the extent of prohibition, and the severity of the offense for which the punishment was imposed. The form of expressing imperativeness could mark the socially weakened position of the addressee. All these facts suggest that the authors of the document searched for such linguistic forms of expressing imperativeness that would be understandable to the addressee and would correspond to new communicative and pragmatic tasks.

K e y w o r d s : history of the eighteenth-century Russian language, Peter the Great's era, Naval Charter, imperativeness, formation of formal genres

A c k n o w l e d g e m e n t s . The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-012-00338).

F o r c i t a t i o n : Pushkareva, N. V. Specific features of imperativeness in the text of the 1720 Naval Charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657

REFERENCES

1. Akishin, M. O. Legal language of the Maritime Charter of 1720. *Leningrad Legal Journal*. 2020;3(61):6–23. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. The analysis of categorical situations in the field of modality: imperative situations. *The theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 80–89. (In Russ.)
3. Gavrilchuk, V. V. Military transformations of Peter the Great in the domestic historiography. *Military Academic Journal*. 2017;2(14):21–31. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B3LVagqq78A5QmRXY3FRdjJZOFk/view> (accessed 15.02.2021). (In Russ.)
4. Demidov, D. G., Kalinovskaya, V. N., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A. Language and mentality in Russian society of the XVIII century. (V. V. Kolesov, Ed.). St. Petersburg, 2013. 318 p. (In Russ.)
5. D'yalo, V. A. Three centuries of serving the Fatherland. Moscow, 2007. 365 p. Available at: <https://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/13.htm> (accessed 15.02.2021). (In Russ.)
6. Il'enko, S. G. Russian one-part verb sentences from anthropocentric perspective. *Trends in the development of the Russian language: Collection of articles commemorating the 70th anniversary of G. N. Akimova*. St. Petersburg, 2001. P. 102–111. (In Russ.)
7. Orlova, N. V. Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function. *Herald of Omsk University*. 2014;4:188–193. (In Russ.)
8. Romanov, R. A. Legal forms and lawmaking technologies under state absolutism (the case of eighteenth-century Russia). *Juridical Techniques*. 2015;9:631–637. (In Russ.)
9. Sadova, T. S., Rudnev, D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
10. Sudakov, G. V. The beginning of Peter the Great's language reform. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497 (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. University course on Russian syntax in scientific and historical coverage. Petrozavodsk, 2007. 480 p. (In Russ.)
12. Hussen, A. H. The Naval Charter of Peter the Great (1720). *Russian North and Northern Europe*. St. Petersburg, 1999. P. 326–340. (In Russ.)
13. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)
14. Shirinkina, M. A. Executive documents in the functional styles system of the Russian language. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2017;19;2(163):134–146. (In Russ.)
15. Shirinkina, M. A. Regulatory documents of the executive power in the aspect of tonality (compared to directory ones). *Political Linguistics*. 2018;1(67):120–130. (In Russ.)

Received: 24 February, 2021; accepted: 28 June, 2021

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

ВКЛАД ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Рассматривается роль Петра Великого в процессе социокультурного взаимодействия России с Китаем и Японией в начале XVIII века. Вклад Петра в этот процесс поистине неоценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи. В этот период благодаря усилиям Петра стала активно развиваться русско-китайская торговля, в России возник интерес к китайскому искусству, появилось большое количество китайских изделий. Личный интерес Петра I к Японии во многом обусловил дальнейшее развитие российско-японских связей и возникновение японоведения в нашей стране. В статье впервые осуществлен комплексный анализ этой проблемы, поставлен ряд вопросов теоретико-методологического характера, определено место Петровской эпохи в процессе социокультурного взаимодействия России со странами Восточной Азии. Актуальность темы обусловлена необходимостью более глубокого изучения истории межцивилизационного диалога.

Ключевые слова: Петр I, Россия и страны Восточной Азии, Китай, Япония, социокультурное взаимодействие, русско-китайская торговля, шинуазри, Дэмбэй

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Для цитирования: Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху Петра Великого произошли кардинальные изменения в geopolитическом положении России и ее статусе на мировой арене, обусловленные «тем великим обновлением, которое дали России реформы Петра I и его успехи в упрочении позиций вчерашней Московии на берегах Балтийского и Черного морей» [9: 262]. Россия начала приобретать статус великой державы. При этом Петр I не только «прорубил окно в Европу», но и значительно расширил связи России со странами Востока, включая Китай, тем самым сделав Российскую империю поистине евразийской державой.

При Петре I в России впервые всерьез заинтересовались странами Восточной Азии. По его инициативе произошло качественное изменение характера русско-китайских отношений и наступил длительный (продолжительностью около 200 лет) период мирного сосуществования двух соседних империй. Начало Петровской эпохи со-

впало с подписанием русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, а завершились развернутые им дипломатические контакты с Цинской империей подписанием Кяхтинского трактата в 1727 году, уже после кончины императора. При Петре в России появились первые японцы и первые сведения о Корее.

Особо следует отметить то, что в Петровскую эпоху интенсифицировались процессы социокультурного взаимодействия России не только с Европой, но и со странами Востока. При этом восприятие в России Китая и других стран Восточной Азии происходило не только напрямую, но и через посредство Запада, что обусловило особый характер социокультурного взаимодействия.

СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Имеющиеся в настоящее время результаты исследований и сформулированные теоретические подходы позволяют с уверенностью го-

ворить о том, что изучение отношений России со странами Восточной Азии возможно не только в русле традиционной парадигмы межгосударственных отношений, но и с позиций воздействия на эти отношения факторов социокультурного характера. В ряде ранее опубликованных нами работ была предложена и подробно рассмотрена возможность изучения и анализа истории отношений России и Китая в XVII – начале XX века с точки зрения взаимодействия двух социокультурных суперсистем, а также разработан теоретический подход к периодизации данного процесса [10], [11]. В настоящей статье мы остановимся на характеристике некоторых форм указанного процесса, относящихся ко времени правления в России императора Петра Великого.

Как отмечалось в упомянутых выше работах, *стадия индифферентного взаимодействия* в истории российско-китайских социокультурных контактов приходится на период, предшествующий XVII веку. В ту эпоху такие контакты носили спорадический характер, отсутствовали устойчивые коммуникационные каналы. Не было социальных, политических, культурных или торговых стимулов для развития подобного рода связей. *Стадию идентификации* можно отчетливо проследить на протяжении XVII столетия. Первые русские посольства в Китай и первые контакты между людьми убедительно показали глубокие различия двух социумов и культур. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что именно дипломатические миссии играли роль посредников между двумя принципиально разными социокультурными суперсистемами, становясь трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух цивилизаций. На этой стадии происходит длительный процесс узнавания иной социокультурной системы. Развивающиеся государственно-политические, дипломатические и торгово-экономические связи приводят к потребности лучше узнать и понять партнера, с которым имеешь дело. Стадия идентификации в данном случае завершается в начале XVIII века. Ключевым пунктом здесь, как нам представляется, становится Кяхтинский договор 1727 года, предопределивший характер российско-китайских отношений на длительную историческую перспективу. С этого момента процесс социокультурного взаимодействия России и Китая вступает в *стадию активации*.

Таким образом, время правления Петра Великого приходится как раз на период перехода от стадии идентификации к стадии активации социокультурного взаимодействия России и Китая, и заслуга императора состоит в том, что в начале

XVIII века данный процесс интенсифицировался в значительной мере благодаря его реформам и конкретным действиям. Что же касается социокультурного взаимодействия России с Японией, то именно деятельность Петра I стимулировала переход в стадию идентификации.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С КИТАЕМ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Начало царствования Петра I совпало с установлением договорно-правовых отношений между Россией и Китаем: в 1689 году между двумя государствами был заключен Нерчинский договор. И хотя его условия оказались весьма невыгодными для русской стороны, поскольку России пришлось пойти на существенные территориальные уступки Цинской империи, историческое значение этого документа может быть в полной мере оценено лишь с учетом исторической перспективы. Этот договор, долгое время рассматривавшийся лишь с внешнеполитических и юридических позиций, представляет собой образец своеобразного социокультурного компромисса – компромисса двух цивилизационных мировосприятий, отражавших специфику столь разных культур. В результате Россия получила документ, знаменовавший установление договорных отношений с дальневосточным соседом. Ничто больше не препятствовало хозяйственному освоению не только Сибири, но и российской части Дальнего Востока. Лишившись на определенное время приамурских земель, Россия продолжала развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. Но самое главное, и это отмечали современники, Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и, выражаясь современным языком, заложил основы системы региональной безопасности. В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обоих сторон... не всчинять», то есть любые конфликты и недоразумения должны были разрешаться исключительно путем переговоров. В течение последующих двух веков России приходилось вести войны практически со всеми своими соседями, а на границе с Китаем не было серьезных конфликтов вплоть до конца XIX века. Цинская империя также объективно выиграла от установления мира в данном регионе. Этот факт можно считать главным результатом межцивилизационного компромисса, достигнутого в 1689 году в Нерчинске. Следует отметить, что Петр I неоднократно высказывался о необходимости строгого соблюдения Нерчинского договора, чтобы не было «договорным статьям нарушения» и «с Китайским государством ссор не чинили»².

После подписания Нерчинского договора между Россией и Китаем стали развиваться регулярные торговые отношения. В его тексте говорилось о том, что поданным обоих государств разрешалось свободно вести торговлю:

«Каким-либо не есть людем с проезжими грамотами из обоих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обоих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет»³.

Основными центрами российско-китайской торговли на русской территории в это время становятся Нерчинск и Селенгинск, а позднее Кяхта. Решающее значение приобретает караванная торговля, при этом торговля некоторыми китайскими товарами, прежде всего ревенем, табаком, золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, становится государственной прерогативой и служит существенным источником пополнения казны.

После заключения Нерчинского договора инициатива налаживания контактов по-прежнему оставалась за Россией, и в марте 1692 года по царскому указу в Китай отправилось посольство во главе с голштинцем Избрантом Идесом. По возвращении Идес был принят русскими царями Петром и Иваном и доложил им о выгодах и перспективах развития торговли с Китаем. В Пекине посол получил согласие цинского императора Канси на посылку русских караванов в Китай, после чего караванная торговля обрела регулярный характер.

Для увеличения поступлений в казну Петр принял решение о сосредоточении торговли с Китаем в руках государства и установил государственную монополию на «китайский торг». Царским указом 1697 года вводилась монополия на ценнейшие виды пушнины (соболь и чернобуряя лисица) и устанавливался жесткий контроль за этим. В указе Петра I о посылке в Сибирь для контроля за караванной торговлей стольника князя В. И. Гагарина говорилось:

«Да ему же, князь Василью, будучи в Сибири, смотрить всякого воровства, чтоб нигде виннаго куреня и продажи заповедной мягкой рухляди, соболей, пупков собольих и лисиц черных и чернобурых, и никакова ни в чем воровства нигде отнюдь не было. А буде где явитца, и о том ссыкывать же всякими ссыки накрепко и чинить им указ против ево великого государя о том посланных указов, чтоб то воровство всеконечно искоренить. А что у кого какой заповедной мягкой рухляди или иных каких заповедных товаров где вынято будет, и то все присыпать к Москве»⁴.

Частным лицам разрешалось направлять свои товары в Китай только в составе казенных караванов, вводились новые таможенные пра-

ла. Однако в первые годы XVIII века, несмотря на ограничения, частная торговля с Китаем продолжала доминировать. Конкретными вопросами организации торговых караванов и перепиской с Лифаньюанем ведали местные сибирские воеводы (см. например: Лист нерчинского воеводы П. С. Мусина-Пушкина в Лифаньюань об отпуске из Цинской империи русских торговых караванов через Нерчинск от 31 декабря 1705 г.⁵).

В январе 1706 года царским указом было запрещено русским купцам совершать поездки в Цинскую империю без разрешения на то Сибирского приказа: «А тем людем, которые явятся в Китаях или с китайскими товарами потому же без всякие пощады учинена будет смертная казнь»⁶. Июньским указом 1706 года частная торговля была полностью запрещена:

«...под прещением смертные казни, чтоб ни за какими нашими великого государя делами в Китаи торговых и служилых, и за границу нашего царского величества ни для какова промыслу русских людей без нашего великого государя указу отнюдь не отпускать ни которыми дель, и для проезду в Китай никаких писем им не давать»⁷,

что еще более укрепило государственную монополию, поставило под контроль правительства столь выгодную сферу внешней торговли и ограничило возможности незаконной торговли. Однако следует заметить, что регламент соблюдался не слишком строго, и доля частных товаров в общей структуре караванной торговли была по-прежнему весьма велика. Кроме того, русско-китайская торговля велась на территории Монголии, в то время входившей в состав Цинской империи, и товары, принадлежавшие частным лицам, проникали в Пекин самыми разными путями.

Непосредственное руководство русско-китайской торговлей и организация казенных караванов, а также контроль за соблюдением государственной монополии сосредотачивались теперь в Сибирском приказе. Караваны на некоторое время стали единственным разрешенным каналом обмена товарами между Россией и Китаем, но отправлялись они нечасто, поскольку их путь из Москвы (а в дальнейшем – из Санкт-Петербурга) до Пекина и в обратном направлении занимал около двух лет. Возглавлялись они обычно пользовавшимся доверием правительства лицом, с которым из России в Китай следовали правительственный комиссар, четыре целовальника, гвардейский офицер с военной охраной в составе 100 казаков [6: 174]. Еще в 1694 году цинское правительство ограничило число прибывающих с караваном в Китай – 200 человек, приравняв русские караваны к тем,

что приезжали из Джунгарии. С 1698 по 1718 год в Китай было направлено всего 10 торговых караванов⁸. Основным товаром, ввозившимся в Китай казенными караванами, была традиционная для русского экспорта того времени пушнина, и ее однозначно следует признать ключевым компонентом всей русской торговли рассматриваемого периода, что, в свою очередь, оказало воздействие на процессы социокультурного характера. Практически неограниченный ввоз пушнины в Китай создавал в Цинской империи вполне определенный образ России как страны холодной, где в дремучих лесах водится много пушных зверей, а, для того чтобы согреться, жители постоянно пользуются мехами⁹. Среди различных видов пушных зверей, шкурки которых казенные караваны везли в Китай, первое место в течение долгого времени удерживал соболь. Это объяснялось красотой и прочностью его меха и, соответственно, высокой ценой. Второе место среди так называемой мягкой рухляди принадлежало шкуркам лисицы (особенно дорого ценились чернобурки). Далее следовали горностай и ласка. Кроме того, заметное место в российском пушном экспорте в Цинскую империю занимали меха бобра, зайца, куницы и позднее белки (вывоз беличьих шкурок в Китай заметно вырастет во второй четверти XVIII века, когда резко сократится количество дорогих пушных зверей).

Современные историки отмечают, что в конце XVII века, как раз накануне воцарения Петра Великого, русский меховой экспорт столкнулся с изменениями мировой экономической конъюнктуры: в Западной Европе впервые за многие годы сократился спрос на русскую пушнину. Это было обусловлено тем, что, во-первых, европейские мануфактуры начали в большом количестве производить качественные шерстяные ткани, во-вторых, были наложены поставки в Европу пушнины (прежде всего меха бобра) из Канады. России в сложившейся ситуации пришлось искать для своего пушного экспорта новые рынки сбыта, и выход был найден в виде необъятного китайского рынка [7].

Основную часть ввозимых в Россию из Китая товаров при Петре I составляли шелковые ткани, в особенности «камка» (кит. 組錦缎 чжэцициньдуань) – двусторонняя тонкая узорная шелковая ткань с цветочным рисунком, образованным атласным переплетением нитей, на матовом фоне. Спрос на эти ткани в России того времени даже стимулировался административными мерами. В 1717 году для ускорения реализации привезенных из Китая тканей и стимулирования русско-китайской торговли Петром I было подписано распоряжение: «...никакого золота и серебра пряденого и волоченого

не носить, а носить только китайские из Сибири шелковые материи»¹⁰. Также в петровское время значительно увеличился ввоз китайских хлопчатобумажных тканей, получивших в России названия «китайка» и «даба». Даба – это хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения типа бязи или холста, отбеленная или крашенная преимущественно в синий цвет, которая пользовалась большим спросом у населения Сибири [20]. Китайка – ткань с рисунком или узорами, которые вплетаются в нее с помощью специального ткацкого станка, появилась в Китае еще при династии Тан (VII–X века н. э.), где для производства такой материи были придуманы ткацкие станки, позволявшие создавать ткани со сложными узорами. В нашу страну такая ткань попала именно из Китая, и этим объясняется ее русское название. При Петре китайку начали массово завозить в Россию, и она пользовалась популярностью не только у населения Сибири, но даже при дворе. Под влиянием такого активного спроса стало развиваться и отечественное производство подобных тканей, которое к началу XIX века позволило не только полностью отказаться от импорта, но и начать экспортirовать китайку в другие страны, включая Китай. В дальнейшем больше всего российской китайки производилось в Костромской губернии, где крупнейшей фабрикой владел предприниматель из города Вичуга Петр Коновалов¹¹.

2 марта 1711 года Петр I, решив расширить масштабы торговли с Китаем, пошел на то, чтобы передать часть торговли с Цинской империей в частные руки, поощряя при этом расширение ассортимента товаров («торг китайской, зделав компанию добрую, отдать»)¹². Эти же вопросы нашли отражение в приговоре Сената об организации компании для торговли с Китаем¹³ и в письме Петра I Сенату от 1 сентября 1711 года по поводу неправильного исполнения его указа о передаче торговли с Китаем частной компании¹⁴, а также в распоряжении сибирскому губернатору М. П. Гагарину предоставить сведения о русско-китайской торговле¹⁵. Подключение к торговле частников-коммерсантов было призвано придать новый импульс внешнеторговым операциям. Эти меры способствовали расширению русского экспорта и одновременно поощряли ввоз в страну драгоценных металлов и необходимых изделий [16].

Активизация русско-китайских торговых связей сопровождалась указами Петра и действиями соответствующих правительственные учреждений, стимулировавшими интерес к китайским шелковым и хлопчатобумажным тканям, фарфоровым изделиям, а в дальнейшем и к китайскому чаю, что дало толчок к возникновению

собственного производства аналогичных тканей и фарфора, развитию чаеторговли. Таким образом, деятельность Петра I повлекла за собой процессы социокультурного порядка.

КИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Развитие русско-китайской торговли и наполнение российского рынка китайскими товарами стимулировали зарождение интереса к китайскому искусству, что также было обусловлено эстетическими представлениями, формировавшимися в России начала XVIII века под воздействием идей, приходивших из Западной Европы. В то время в Европе возникло своеобразное течение, инкорпорированное элементы китайского (шире – восточноазиатского) искусства в европейскую архитектуру, прикладное искусство и интерьеры. В Голландии началось производство фаянса, подражавшего китайскому фарфору, французский фаянс расписывался «на восточный манер». В Европе возникла мода на «китайские» кабинеты, украшенные лаковыми панно и китайской живописью (как подлинной, так и подражаниями). Это течение в западноевропейском искусстве, получившее название *chinoiserie* («шинуазри», «китайщина»), обусловило возникновение у европейцев искаженно-романтизированного представления о Китае как о некой экзотической стране, где жизнь народа такова, как она изображается на шелковых обоях, лаковых панно и фарфоровых вазах. Китайские мастера, в свою очередь, потакая подобным увлечениям, часто сами изготавливали произведения декоративно-прикладного искусства в соответствии со вкусами и желаниями европейцев. По заказам из Европы в Китае производились не только фарфоровые изделия с традиционными китайскими вариантами росписи, но и копии европейских гравюр, окруженные китайским орнаментом и портретами европейцев, весьма своеобразно изображенными китайскими мастерами. Ярким примером здесь могут служить так называемые кантонские расписные эмали конца XVII–XVIII веков, многие из которых являлись вариантами переработки европейских прототипов, значительное количество которых в то время попадало и в Россию, где они также пользовались популярностью [1]. Образцы этих эмалей («горшечек золотой с финифтью», «чашка золотая финифтная», «коробочка золотая финифтная») были переданы в подарок Петру Великому цинским императором Канси через посла Л. В. Измайлова, что подтверждает роспись врученных ему даров¹⁶.

В эру правления Канси в Китае под влиянием западноевропейского искусства и при участии европейцев в дворцовых мастерских было налажено изготовление фарфоровых табакерок, часов и изделий, украшенных росписью эмалевыми красками, а также стеклодувное производство. Эти изделия и мастерские, где они производились, были продемонстрированы русскому посланнику Льву Измайлова, что подробно описал в своих записках сопровождавший его художник и гравер Георг Иоганн Унферцагт¹⁷.

Подобные примеры подтверждают наличие активного социокультурного взаимодействия Китая и Запада в XVII–XVIII веках, а некоторые современные искусствоведы даже говорят о появлении в Китае того времени «европейщины» как китайской версии стиля шинуазри. Процесс социокультурного взаимодействия Китая и Европы постепенно переходил из фазы взаимного узнавания в фазу культурной адаптации, охватившую в тот период достаточно ограниченную сферу. В дальнейшем китайская культура оказала влияние на развитие в Европе стиля рококо, а в XIX веке способствовала появлению эклектики в искусстве Запада.

В силу постоянных и интенсивных связей с Западной Европой в петровский и постпетровский периоды русское искусство XVIII века не могло не испытать на себе воздействия шинуазри. Принято считать, что увлечение «китайщиной» началось в России с Петра Великого, хотя отдельные китайские вещи появлялись в русских интерьерах еще во времена царя Алексея Михайловича.

И все же отправной точкой для развития в России интереса к китайским и японским изделиям, безусловно, послужило пребывание Петра I в Голландии. Находясь в этой стране, Петр увидел большое количество китайских и японских фарфоровых изделий повсюду, даже в домах простых людей. В составе Великого посольства он посещал Фарфоровый кабинет дворца Шарлоттенбург в Берлине, китайские комнаты во дворце Шёнбрунн в Вене, а в 1716 году любовался лаковыми комнатами замка Розенборг в Копенгагене. Именно после возвращения из Дании у Петра появилась идея создания аналогичного лакового кабинета в России.

Возвратившись из поездки в Европу, Петр I настолько заинтересовался Китаем и увлекся китайским искусством, что ему буквально не терпелось создать у себя китайский кабинет по образцу тех, что он видел на Западе. Стремясь воспроизвести китайские интерьеры дворцов европейских монархов и голландской знати, Петр I в 1716 году приказал Лоренцу Лангу

привезти из Китая порцелиновые (фарфоровые) печи¹⁸. По распоряжению императора Канси эти печи были изготовлены лучшими мастерами и снабжены надписями на китайском языке. Однако Ланг не успел их доставить вовремя («с ним не поспели те печи»), и этим вопросом в 1717 году занимался уже М. П. Гагарин¹⁹. Из-за задержки Ланга царь дал распоряжение русским живописцам из адмиралтейского ведомства начать работы по созданию «китайского» кабинета в петергофском дворце Монплезир. Так появились лаковые панно, композиции которых созданы на основе внимательного изучения образцов китайской живописи. Русские мастера достаточно точно воспроизвели предложенные им китайские сюжеты: над камином изображен сад китайского императора, в котором под музыку, исполняемую небольшим оркестром, танцуют изящные девушки, на другом панно можно увидеть сельский пейзаж и работающих крестьян, а над дверью изображен традиционный китайский способ рыбной ловли – с помощью обученного для этой цели баклана. Изделия, позднее привезенные Лангом из Китая, составили основу коллекции Петра I, собранной в Монплезире. Царь дополнил ее некоторыми фарфоровыми предметами европейского производства, а также редкими японскими образцами, попавшими к нему из Голландии. Видя такое увлечение царя, все, кто был связан с русско-китайской торговлей, старались найти и отправить государю наиболее интересные китайские предметы. Например, 2 февраля 1708 года М. П. Гагарин написал царю: «При сем письме послал к тебе, государю, одеяло хинское, ткано з золотом хинским манером»²⁰. Большой популярностью у царя и его приближенных пользовались всякого рода необычные вещи, ввозимые из Китая:

«Особенный интерес и недоумение вызывали “шары в шаре” из резной слоновой кости. Они привозились в Европу как диковинки, дорогие игрушки и попадали в коллекции курьезов. Среди предметов из кабинета Петра I упоминаются четыре подобных шара» [5: 76].

Показательно то, что Петр I на протяжении всей жизни активно интересовался предметами китайского искусства. По его указанию Лоренц Ланг несколько раз ездил в Китай и привозил оттуда подарки императора Канси – предметы быта и различные диковинки. В дальнейшем они составили основу китайской коллекции Кунсткамеры, а впоследствии и других музеев [3], [4], [8]. По примеру царя российская элита также стала проявлять повышенный интерес к китайским изделиям. Казенные караваны привозили из Китая драгоценные камни, фарфоровую, ме-

таллическую и лаковую посуду, шелковые ткани и обои, красивые безделушки – и все это пользовалось большим спросом среди ближайших соратников Петра и придворных. Китайскими вещами увлекались А. Д. Меншиков, Ф. А. Головин, П. П. Шафиров, Ф. М. Апраксин, Ф. Леворт. В описях из дворцов первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга светлейшего князя А. Д. Меншикова значится большое количество китайских шпалер, тканей и вышивок, а в 1716 году он приобрел «кореховый шкаф с китайской посудой за 100 рублей» [2: 209]. Меншиков, подобно Петру, тонко улавливал основные направления научных и культурных веяний того времени. Создавая свой дворец как своеобразный синтез русского и западноевропейского искусства, он, безусловно, не мог обойти стороной популярный в то время в Европе «китайский стиль», и поэтому ряд комнат во дворце был декорирован расписными шелками восточной работы. Во внутренних помещениях были выставлены предметы искусства и быта, привезенные из Китая или изготовленные в Европе как подражание китайским вещам. В спальне находился праздничный умывальный прибор, состоящий из кувшина и блюда в форме раковины, выполненных из металла с цветной эмалью. Эти вещи были изготовлены в начале XVIII века в мастерских Гуанчжоу по европейскому образцу и попали в Петербург благодаря активной торговле, развернувшейся при Петре I. После того как А. Д. Меншиков попал в опалу и был отправлен в ссылку, среди конфискованных у него вещей оказалось много китайских предметов [6: 192–193].

В создании интерьеров на китайский манер проявился возраставший интерес Петра I и его сподвижников к Китаю, их стремление связать судьбу России не только с Западом, но и с Востоком. Можно согласиться с мнением Р. Березкина о том, что Петр рассматривал появление комнат и кабинетов в китайском стиле как своеобразную часть проекта создания мощной, модернизированной Российской империи:

«Эти комнаты также служили политическим целям, поскольку они отражали связи и влияние новой Российской империи в Европе. В дворцовых интерьерах того периода китайские артефакты были представлены наряду с западноевропейскими предметами, которые вместе воплощали открытость к культурным заимствованиям, характерную для эпохи реформ Петра» [14: 152–153].

В увлечении китайскими вещами не отставали от столичной знати и сибирские администраторы, активно собиравшие коллекции китайского искусства и предметов быта. В описи конфискованного имущества бывшего сибир-

ского губернатора князя М. П. Гагарина (казнен за лихомство в 1721 году), хранящейся в РГАДА и опубликованной Н. Ю. Болотиной, перечислено несколько сотен китайских предметов (мебель, сундуки, зеркала, посуда, одежда, обувь, ткани, седла, упряжь, ножи, мечи, колокола, три пуда зеленого чая и т. д.), что свидетельствует о широком разнообразии товаров, ввозимых в то время в Россию из Китая, и их большой популярности у тех, кто понимал их ценность [6: 184–192].

Таким образом, в Петровскую эпоху шинуазри становится заметным явлением. С расширением русско-китайской торговли в Россию попадало все больше и больше произведений китайского декоративно-прикладного искусства, которые использовались для украшения интерьеров и в повседневной жизни.

НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И КОНТАКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Пробуждению интереса Петра I к Китаю и другим странам Восточной Азии, безусловно, способствовали его поездки в Европу и общение с ведущими учеными. В этой связи прежде всего следует упомянуть имя Н. Витсена. Николаас Витсен (1641–1717) – выдающийся голландский картограф, бургомистр Амстердама (1682–1706), с 1693 года – администратор Голландской Ост-Индской компании. В 1664–1665 годах он впервые посетил Россию в составе свиты голландского посланника Якоба Борейля, после чего написал знаменитый труд «Moscovische Reyse» («Путешествие в Москвию»). В 1690 году Николаас Витсен прислал в Москву составленную им карту Северо-Восточной Азии от Новой Земли до Китая с посвящением царям Петру и Ивану. Он переслал ее через голландского резидента в Москве Йохана Виллема ван Келлера, приложив разработанный им проект развития торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем через Сибирь, и был награжден благодарственной грамотой, скрепленной царской печатью, за то, что «изобразил и поднес нам, великим государем, нашему царскому величеству под именем нашим государским чертеж тех Сибирского и Хинского государств»²¹. Следует отметить, что Витсен при подготовке карты использовал «Чертеж Сибири», составленный Николаем Спафарием, и его описание путешествия в Китай, где помимо Китая упоминались также Япония и Корея, поэтому голландский картограф смог нанести эти страны на свою карту. С тех пор карта Витсена постоянно находилась в личной библиотеке Петра I. В 1692 году Витсен опубликовал книгу «Noord en Oost Tartarye» («Северная и Восточная Тартария»), в которой

изложил все имевшиеся в то время у европейцев сведения о северной и восточной частях Азии, включая Монголию, Тибет, Китай, Корею и даже Японию. При подготовке книги он также использовал сочинения средневековых арабских авторов и другие редкие источники. Второе расширенное издание этой книги увидело свет в 1705 году.

Труды Витсена и составленная им карта сыграли важную роль при подготовке и отправке в Китай российского посольства во главе с Избрантом Идесом, который написал по этому поводу следующее:

«Должен признать, что первые представления об этих областях я получил по карте от правящего бургомистра города Амстердама, высокоблагородного и высокопочтенного господина Николая Витсена, чьи заслуги навеки останутся в памяти и в почете всех людей науки и культуры, поскольку он первый познакомил европейский мир со всей Сибирью, странами калмыков, монголов и других орд, расположенным вплоть до самой Китайской стены, и изобразил их на карте, каковая и служила мне путеводителем в моем путешествии и основой к моей последующей карте, приложенной к настоящему труду»²².

В дальнейшем именно Витсен разобрал, отредактировал, перевел на голландский язык и подготовил к публикации записки Избранта Идеса о посольстве в Китай, первоначально написанные им по-немецки²³.

Следует признать, что своим знаниям о Восточной Азии, а также стремлению установить контакты со странами этого региона Петр I во многом был обязан Витсену. Во время Великого посольства царь несколько раз заезжал к нему и привозил с собой данные, полученные русскими экспедициями, а также предметы быта народов Сибири, которые помогали голландскому ученному в научной деятельности. К тому же у себя дома Витсен собрал большую коллекцию ост-индских и античных редкостей, заинтересовавшую Петра I. Тогда же царь посетил «Ост-Индский дом» (Oost-Indisch Huis) – резиденцию Голландской Ост-Индской компании в Амстердаме, где были выставлены коллекции китайского и ост-индского оружия, китайские картины и карты, японские фарфоровые изделия. По возвращении домой Петр начал собирать аналогичную коллекцию, которая в дальнейшем легла в основу отечественных музеиных собраний восточноазиатских редкостей [4].

Не менее существенную роль в формировании у Петра Великого научного и практического интереса к Китаю сыграл великий немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), ставший советником Петра по вопросам орга-

низации первых научных учреждений России. Лейбниц активно интересовался Китаем, изучая имевшуюся в то время научную литературу, общаясь с возвращавшимися из Китая миссионерами и переписываясь с теми из них, кто в то время находился в пределах Цинской империи. В 1689 году Лейбниц познакомился в Риме с приехавшим из Китая итальянским иезуитом Филиппе-Мария Гриимальди, служившим при цинском дворе математиком и астрономом, и, полагая, что тот будет возвращаться в Китай через Россию, хотел через него передать письмо Петру I, однако Гриимальди не получил разрешения на проезд по российской территории и был вынужден возвращаться в Китай иным путем²⁴. В одном из писем, адресованных Гриимальди, Лейбниц указывал, что Европа и Китай являются двумя дополняющими друг друга половинками цивилизованного мира, а расположенная между ними Россия призвана играть роль своеобразного медиатора – посредника. Известный специалист по китайско-германскому социокультурному взаимодействию Адриан Ся в послесловии к вышедшей под его редакцией книге «Немецкие мыслители о Китае» писал, что, по мнению Лейбница, Китай более преуспел в практической философии, в то время как Европа – в трансцендентальной, поэтому взаимодействие культур необходимо и тем, и другим. По этой причине Лейбниц считал желательным обмен книгами, идеями и даже студентами между Европой и Китаем в целях глубокого проникновения в суть противоположной культуры, и подключение России к этому процессу было желательно и необходимо [15: 376]. Когда Петр пригласил Лейбница принять участие в разработке проектов реформы системы образования в России, увлекавшийся Востоком ученый обратил внимание русского царя на то, что именно в России в силу ее особого географического положения следует развивать востоковедение. Предлагая организовать в Петербурге Академию наук по образу Королевского Прусского научного общества, создателем и президентом которого он являлся, и говоря о необходимости открытия внутри нее учебных заведений, в программы которых можно было бы включить восточные языки, в особенности китайский, Лейбниц также обратил внимание на важность создания хорошей библиотеки восточных книг и рукописей²⁵. Он мечтал о том, что подобная Академия наук появится и в Пекине. В переписке с Петром I Лейбниц несколько раз поднимал вопросы взаимодействия России со странами Восточной Азии. В одном из писем, отправленном 26 октября 1713 года из Вены и опубликованном в XIX веке академиком Петербургской Академии наук П. П. Пекарским (1827–

1872), немецкий ученый писал царю о необходимости устройства «сообщения между Россией и Китаем» сухопутным маршрутом, проходящим по территории России. Он призывал императора «не ограничиваться меню одних товаров, но также знаний и искусств»²⁶.

Петр Великий увлекся многими идеями, которые развивал Лейбниц, и вскоре, благодаря усилиям царя, в России появились первые коллекции китайских старопечатных и рукописных книг, которые были привезены из Пекина Лоренцом Лангом, имевшим на этот счет специальные распоряжения государя. Таким образом, при Петре I и при его личном участии начала создаваться источниковая база отечественного китаеведения.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЯПОНИЯ

Как уже отмечалось выше, при Петре I в процессе социокультурного взаимодействия России и Японии наступает стадия идентификации. В этой связи можно полностью согласиться с мнением профессора А. В. Филиппова, который пишет о том, что именно при Петре возникает фаза непосредственных («прямых») контактов русских и японцев, что, безусловно, повлияло на процесс формирования образа Японии в России. Он также отмечает, что Петр I стремился установить отношения с Японией и развивать с ней торговлю. При Петре были заложены основы социокультурного взаимодействия России и Японии и фундамент отечественного японоведения [19: 42].

Петр I многое узнал о Японии в 1697–1698 годах, когда находился с Великим посольством в Нидерландах и трудился на одной из голландских верфей. Он видел торговые корабли Ост-Индской компании, приплывавшие в нидерландские порты из далекой страны, и любовался изящными японскими изделиями из фарфора и лака, которые можно было увидеть в домах горожан. Как уже говорилось, Петр I был знаком с бургомистром Амстердама Н. Витсеном, географом, занимавшимся обобщением материалов плаваний кораблей Голландской Ост-Индской компании к берегам Японии. Все это было очень важно для молодого русского царя, мечтавшего развивать связи России с государствами Восточной Азии, ведь в те времена Голландия была единственной европейской страной, имевшей право направлять свои суда в японский порт Нагасаки и вести там торговлю. Для остальных европейцев Япония оставалась почти неизвестной и загадочной страной, поражавшей воображение писателей и мыслителей. О ее несметных богатствах ходили легенды, а привозимые оттуда изделия прикладного искусства вызывали восторг и ценились очень дорого. Немало фантастиче-

ских вещей было написано о Японии в литературе того времени. Можно вспомнить хотя бы знаменитые «Путешествия Лемюэля Гулливера» Джонатана Свифта, где после посещения таких сказочных стран, как Лапута, Бальнибарби, Глаббдробриб и Лаггнегг, Гулливер попадает в Японию, откуда на голландском корабле плывет в Амстердам. Роман Свифта, действие которого относилось как раз к началу XVIII века, подтверждает, что для европейцев того времени Япония находилась где-то на границе сказочного и реального миров. Таким же, одновременно и сказочным, и реальным, казалось европейцам и японское искусство, с которым благодаря голландской торговле смогли познакомиться в европейских странах. Находясь в Нидерландах, Петр I не мог не заинтересоваться далекой дальневосточной страной, о которой в России почти ничего не знали.

Интерес Петра I к Японии вспыхнул с новой силой в 1702 году, когда он впервые встретился с реальным японцем. Произошло это в селе Преображенском под Москвой. Звали японца Дэмбэй, он был матросом с корабля, потерпевшего кораблекрушение у южного побережья Камчатки, родом из города Осака. В Москву его доставил казачий атаман Владимир Атласов. Дэмбэя не могли отправить из России на родину по двум причинам: во-первых, над всеми японцами, покинувшими пределы родной страны, пусть даже не по своей воле, висела угроза наказания, во-вторых, путь в Японию из России еще не был открыт. Царь принял решение о создании первой школы японского языка:

«1702 года, января в 8 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича великия и малыя и белыя России самодержца присланный из Якутского иноземец Денбей ставлен пред великого государя в Преображенском. И великий государь... указал его, Денбяя, в Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбю дать в научение из русских робят человек три или четыре – учить их японскому языку и грамоте» (цит. по: [13: 51]).

Царь постоянно интересовался их успехами, не забывал он и о японском моряке, определив ему «государево жалованье». Тем самым Петр I положил начало преподаванию японского языка в России. Вторично он встречался с Дэмбэем в 1710 году. В том же году Дэмбэй принял православие, получив при крещении имя Гавриил. Он женился на русской девушке, и у них родился сын, который в дальнейшем работал в Петербургской Академии наук.

В 1715 году из Тобольска в Санкт-Петербург прибыл еще один японец – Санима (Санъэмон Санъима), также потерпевший кораблекрушение

у берегов Камчатки в апреле 1710 года и попавший в плен к камчадалам. Из плена его вместе с другими японцами освободил казачий атаман Чириков. После крещения Санима получил имя Иван. В 1719 году Санима имел долгую беседу с российскими чиновниками, которые подробно расспрашивали его о Японии, ее природе, полезных ископаемых, жизни населения. О содержании беседы было доложено Петру I.

Лейбниц, которого очень заинтересовало появление японцев в России, в письме, написанном Петру 12 декабря 1712 года, просил сообщить ему «сведение о японце, которого бурею прибило к берегам Камчатки и о котором будто бы г. Виниус знает обстоятельно (ежели японец еще жив, то можно бы расспросить его самого)»²⁷. Однако не совсем ясно, о ком здесь идет речь: о Дэмбэе или Саниме.

Как отмечал американский историк-востоковед Дж. Ленсен, «обнаружение Дэнбэя стало отправной точкой поисков Японии через Камчатку» [18: 31], его рассказы о преуспевании Японии и ее близости к берегам России «побудили русских купцов и правительство предпринять усилия для установления отношений» [17: 6]. Действительно, японцы, появившиеся в России при Петре I, дали возможность россиянам получить сведения о своей стране из первых уст и положили начало преподаванию японского языка в России. Увлекательные рассказы Дэмбэя и Санимы натолкнули русских мореплавателей и купцов на мысль о необходимости найти морской путь в Японию и начать с ней торговлю. В августе 1714 года корабельный мастер и российский морской агент в Лондоне Ф. С. Салтыков, сын тобольского воеводы С. И. Салтыкова, являвшийся активным сторонником петровских преобразований, направил докладную записку, названную им «Изъявления, прибыточные государству», в которой в том числе обосновал необходимость поисков морского пути из Архангельска в Тихий океан, так как это, по его мнению, могло способствовать расширению морской торговли России и обогащению государства:

«И ежели оной проход до китайских и до японского берегов сыщется свободной, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому из всех государств, как из Англии, из Галандии и из иных, посылают в Ост-Индию корабли»²⁸.

Российские посланники, посещавшие Китай, также скрупулезно собирали сведения о Японии. Например, Избрант Идес, описывая порт Тунчжоу (通州), расположенный близ китайской столицы на северном конце Великого канала, определил примерное время плавания оттуда до берегов Японии:

«По словам жителей, в такой джонке за три или четыре дня при попутном ветре они могут достичь Корейского моря, а оттуда в четыре или пять дней опять-таки при благоприятном ветре – Японского государства»²⁹.

Вместе с подарками императора Канси, полученными посланником Львом Измайловым, в России появилось не только много уникальных предметов китайского искусства, но и первые изделия японской работы (лаковые коробочки и шкатулки, фарфоровая посуда и т. д.)³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад Петра Великого в процесс социокультурного взаимодействия России с Китаем и Японией, равно как и с другими странами Востока, поистине неоценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи.

В Петровскую эпоху не только в России стали больше знать о Китае, но и в Цинской империи заинтересовались Россией. В 1708 году

в Пекине по повелению императора Канси было создано Училище русского языка, что в значительной мере ускорило развитие российско-китайского культурного обмена [12: 76–80]. Китайский историк Ли Суйань отмечает, что с эпохи Петра Великого в России начал расти интерес к Китаю и китайская культура широким потоком устремилась в Россию, однако распространение русской культуры в Китае все еще было ограниченным [21]. Конечно, такой дисбаланс в культурном обмене, на который указывает Ли Суйань, обусловлен причинами социально-экономического и социокультурного порядка. Однако, по нашему мнению, деятельность Петра I по активизации и расширению связей с Китаем была столь велика, а его личный вклад в процессы социокультурного взаимодействия столь значителен, что это также можно отнести к числу факторов, ускоривших с российской стороны процесс социокультурного взаимодействия. Что же касается Японии, то именно интерес Петра к этой стране во многом обусловил дальнейшее развитие российско-японских связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 10.
- ² Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. С. 75.
- ³ Русско-китайские отношения. 1689–1916... С. 10.
- ⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 93.
- ⁵ Там же. С. 72–74.
- ⁶ Там же. С. 74–75.
- ⁷ Там же. С. 86.
- ⁸ Там же. С. 15–16.
- ⁹ Там же. С. 572.
- ¹⁰ Цит. по: Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М.: Тип. Г. Малинского, 1882. С. 170.
- ¹¹ Зайцев К. Очерк развития и настоящего положения китайского производства. Казань: Губ. типография, 1858. 46 с.
- ¹² Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 120.
- ¹³ Там же. С. 122–123.
- ¹⁴ Там же. С. 125.
- ¹⁵ Там же. С. 123–124.
- ¹⁶ Там же. С. 276–277.
- ¹⁷ Там же. С. 571.
- ¹⁸ Там же. С. 174.
- ¹⁹ Там же. С. 177.
- ²⁰ Там же. С. 97.
- ²¹ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и comment. М. И. Казанина. М.: Глав. ред. восточной лит., 1967. С. 385–386.
- ²² Там же. С. 268–269.
- ²³ Там же. С. 48.
- ²⁴ Там же. С. 312.
- ²⁵ Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Авт. предисл. и изд. В. И. Герье. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 372 с.
- ²⁶ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1862. С. 30.
- ²⁷ Там же. С. 29–30.
- ²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. С. 86.
- ²⁹ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)... С. 205.

³⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 276–277.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Т. Б. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – первой четверти XVIII в. (К истории культурных контактов Китая и России в XVII–XVIII вв.) // Общество и государство в Китае: 15-я науч. конф. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 205–211.
2. Арапова Т. Б. Китайские расписные эмали: Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1988. 292 с.
3. Благодер Ю. Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 35–37.
4. Благодер Ю. Г. Произведения китайского искусства в дворцовых резиденциях российских правителей XVIII века // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 5–8.
5. Благодер Ю. Г. Формирование академических и частных коллекций предметов китайского прикладного искусства в России (XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 2-2. С. 74–82.
6. Болотина Н. Ю. «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 173–210.
7. Волынец А. Как экспорт в Китай сохранил Россию при Петре и Александре I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://south-insight.com/node/848> (дата обращения 30.01.2021).
8. Меньшикова М. Л. Китайские коллекции при дворе в Петербурге и в Эрмитаже в XVIII в. // Санкт-Петербург – Китай: три века контактов. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 49–67.
9. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
10. Самойлов Н. А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2009. № 1-2. С. 209–214.
11. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение, африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.
12. Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2002 / Под ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Вост. лит., 2002. С. 52–106.
13. Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М.: Наука, 1999. 256 с.
14. Вегезкин Р. Chinese objects in Eurasian Empire: On the cultural meaning of Chinese art in Russia in the late 17th – early 18th centuries // Frontiers of History in China. 2018. Vol. 13 (1). P. 127–159.
15. Deutsche Denker über China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1985. 392 s.
16. Foust C. M. Muscovite and Mandarin: Russia's trade with China and its setting. 1727–1805. Chapel Hill (N. C.): University of North Carolina Press, 1969. 424 p.
17. Lenssen G. Report from Hokkaido: The remains of Russian culture in Northern Japan. Hakodate: Municipal Library of Hakodate, 1954. 216 p.
18. Lenssen G. The Russian push toward Japan: Russo-Japanese relations, 1697–1875. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1959. 553 p.
19. Philippov A. V. A glimpse of Japan in Old Russia – How to find ways and means to trade // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Материалы конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 42–46.
20. 殷剑平. 早期的西伯利亚对外经济联系. 哈尔滨: 黑龙江人民出版难舍, 1998. 242 页. (Инь Цзяньлин. Внешнеэкономические связи Сибири в ранний период. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1998. 242 с.)
21. 李随安. 洪流与溪涧: 中俄文化交流的不平衡问题 // 中俄关系的历史与现实. 开封: 河南大学出版社, 2004. 页117–132 (Ли Суйань. Бурный поток и маленький ручеек: проблемы дисбаланса во взаимодействии культур России и Китая // История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 117–132).

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

PETER THE GREAT'S CONTRIBUTION TO THE SOCIO-CULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND EAST ASIAN COUNTRIES

Abstract. The article examines the role of Peter the Great in the process of socio-cultural interaction of Russia with China and Japan at the beginning of the XVIII century. His contribution to this process was truly invaluable. Through

his activities, the first Russian emperor laid the foundations for the creation of a unified Eurasian socio-cultural space and formed the paradigm of Eurasian policy of the Russian Empire. During this period, Russian-Chinese trade began to develop actively bringing a large number of Chinese goods to Russia and generating a keen interest in Chinese art. Peter's personal attention to Japan largely determined the further development of Russian-Japanese relations and the emergence of Japanese studies in Russia. The novelty of the article lies in the fact that it presents the first comprehensive analysis of the problem, raising theoretical and methodological issues and determining the place of Peter the Great's era in the process of socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. The Relevance of the topic today is due to the need for a deeper study of the history of the inter-civilizational dialogue.

Key words: Peter the Great, Russia and East Asian countries, China, Japan, socio-cultural interaction, Russian-Chinese trade, chinoiserie, Dembei

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

For citation: Samoylov, N. A. Peter the Great's contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658

REFERENCES

1. Arapova, T. B. Chinese decorative arts in Russian interior decorating from the XVII to the early XVIII century. (The history of cultural contacts between China and Russia in the XVII and XVIII centuries). *15th research conference "Society and State in China"*. Vol. 2. Moscow, 1984. P. 205–211. (In Russ.)
2. Arapova, T. B. Chinese cloisonné in the State Hermitage Museum collection. Moscow, 1988. 292 p. (In Russ.)
3. Blagoder, Yu. G. The products of Chinese arts and crafts in Kunstkamera funds (XVIII century). *History, philosophy, politics and law, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2009;3(4):35–37. (In Russ.)
4. Blagoder, Yu. G. Works of Chinese art in the palaces of Russian emperors of the XVIII century. *Cultural Studies of Russian South*. 2011;2(40):5–8. (In Russ.)
5. Blagoder, Yu. G. Formation of academic and private collections of Chinese applied art objects in Russia (17–18th centuries). *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2009;151(2-2):74–82. (In Russ.)
6. Bolotina, N. Yu. "I travel on my trade business": Chinese goods in eighteenth-century Russia. *Historical Archive*. 2006;4:173–210. (In Russ.)
7. Volynets, A. How exports to China preserved Russia under Peter the Great and Alexander I. Available at: <https://south-insight.com/node/848> (accessed 30.01.2021). (In Russ.)
8. Menshikova, M. L. Chinese collections at court in Petersburg and in the Imperial Hermitage in the XVIII century. *Saint Petersburg – China: three centuries of contacts*. St. Petersburg, 2006. P. 49–67. (In Russ.)
9. Myasnikov, V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
10. Samoylov, N. A. Periodization of the history of Sino-Russian socio-cultural interaction (before 1917): methodological approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Philology. Asian Studies. Journalism*. 2009;1-2:209–214. (In Russ.)
11. Samoylov, N. A. Russia and China between the XVIII and the early XX centuries: tendencies of interaction and mutual influence. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian Studies. African Studies*. 2010;2:3–15. (In Russ.)
12. Su, Fenglin. History of China's cultural relations with Russia until the middle of the XIX century. *East – West: Historical and literary almanac: 2002*. (V. S. Myasnikov, Ed.). Moscow, 2002. P. 52–106. (In Russ.)
13. Cherevko, K. E. The origin of Russian-Japanese relations. XVII–XIX centuries. Moscow, 1999. 256 p. (In Russ.)
14. Berezkin, R. Chinese objects in Eurasian Empire: On the cultural meaning of Chinese art in Russia in the late 17th – early 18th centuries. *Frontiers of History in China*. 2018;13(1):127–159.
15. Deutsche Denker über China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Mein, 1985. 392 s.
16. Foust, C. M. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its setting. 1727–1805. Chapel Hill (N. C.), 1969. 424 p.
17. Lensen, G. Report from Hokkaido: The remains of Russian culture in Northern Japan. Hakodate, 1954. 216 p.
18. Lensen, G. The Russian push toward Japan: Russo-Japanese relations, 1697–1875. Princeton, N. J., 1959. 553 p.
19. Philippov, A. V. A glimpse of Japan in Old Russia – How to find ways and means to trade. *Topical issues of studying history, international relations and cultures of Oriental countries: Conference proceedings*. Novosibirsk, 2019. P. 42–46.
20. 殷剑平. 早期的西伯利亚对外经济联系. 哈尔滨: 黑龙江人民出版难舍, 1998. 242 页.
21. 李随安. 洪流与溪涧: 中俄文化交流的不平衡问题 // 中俄关系的历史与现实. 开封: 河南大学出版社, 2004. 页117–132.

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела Дальнего Востока

Институт восточных рукописей Российской академии наук;
доцент Департамента востоковедения и африканистики
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0007-1143; vshepkin@gmail.com

РОССИЯ И ПЕТР I В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯПОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ СИБА РЁТАРО

Аннотация. Сиба Рётаро (1923–1996) – один из наиболее популярных и читаемых в Японии писателей второй половины XX века. Он работал в жанре исторического романа, уделяя особое внимание новой истории Японии, и в том числе ее отношениям с соседними странами. Сиба имел свой собственный взгляд на историю и культуру России и даже посвятил ей отдельную книгу-эссе. Популярность произведений писателя и снятых по их мотивам телевизионных сериалов и фильмов в Японии позволяет предположить сильное влияние его идей на историческое сознание современных японцев. В статье рассматривается контекст и причины обращения Сиба Рётаро к теме истории российско-японских отношений и истории России в целом. Анализируются наиболее значимые тексты писателя, посвященные России, выявляются основные аспекты образа России в них. Определяются две основные функции России в текстах Сиба: как фактор истории Японии и как «другой» Японии для формирования национальной идентичности. Отдельно рассматривается образ Петра I на страницах книг Сиба Рётаро, выявляется его амбивалентный характер: с одной стороны, Петр предстает как инициатор модернизации и создатель новой России, с другой – остается воплощением российского самодержавия со всеми его минусами. Именно в последнем Сиба видит причину успеха российской модернизации, что наделяет ее двойственным смыслом. Статья является первым в российском японоведении опытом обращения к текстам Сиба Рётаро как источнику для изучения образа России и Петра I в Японии, что составляет научную новизну. Творчество японского писателя наглядно показывает, что история, в том числе история двусторонних отношений, продолжает играть важную роль в восприятии России в Японии, а потому обращение к вопросам исторической памяти и ее формирования представляется актуальным.

Ключевые слова: Сиба Рётаро, Петр I, период Мэйдзи, российско-японские отношения, модернизация, историческая литература, образ России, образ Петра I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

Для цитирования: Щепкин В. В. Россия и Петр I в исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы исторической памяти и исторического сознания чрезвычайно актуальны в современной Японии, учитывая тот факт, что международные отношения в Восточной Азии до сих пор определяются ситуацией, сложившейся в регионе в результате Второй мировой войны и послевоенного противостояния советского и американского блоков. Эта ситуация стала прямым следствием более чем полувековой военной активности Японской империи на мате-

рике. Оценка этого периода японской истории самими японцами остается важным фактором в диалоге со странами-соседями, зачастую вызывая в них вспышки негодования и критики. Не последнюю роль в формировании исторического сознания современных японцев играют художественная литература и кинематограф.

В данной статье для изучения некоторых аспектов исторического сознания в Японии мы посчитали необходимым обратиться к творчеству писателя Сиба Рётаро (1923–1996).

За пределами Японии он известен не так широко, однако на родине является популярнейшим автором второй половины XX века и «народным писателем». Он работал преимущественно в жанре исторической прозы, из-под его пера вышло 44 крупных романа, 156 небольших повестей и рассказов, а количество эссе, диалогов, интервью, записей его лекций и выступлений на круглых столах не поддается исчислению. На 2016 год совокупный тираж его книг превышал 150 миллионов экземпляров: это означает, что буквально в каждом японском доме есть книги Сиба Рётаро. По мотивам его произведений снято около двух десятков фильмов и телевизионных сериалов, пользующихся неизменной популярностью зрительской аудитории. При этом Сиба Рётаро чрезвычайно далек от статуса популярного беллетриста. Как отмечает К. О. Саркисов, в своем творчестве японский писатель прошел эволюцию «от уровня увлекательных исторических романов Пикуля к толстовской традиции гуманистической истории, отраженной в “Войне и мире”»¹. Отличительной особенностью его поздних романов, в том числе посвященных истории российско-японских отношений, были пространные отступления с экскурсами в отдельные вопросы истории или собственными размышлениями на связанные с основным повествованием темы. Именно эти отступления позволили автору сформировать свой неповторимый стиль, столь полюбившийся японскому читателю и предопределивший популярность его книг, в том числе нехудожественных. Все это делает Сиба Рётаро одним из наиболее влиятельных интеллектуалов Японии, чье творчество формирует историческое сознание современных японцев, а исследователям позволяет обращаться к его текстам для реконструкции их представлений об истории – как собственной, так и соседних стран.

Изучение и осмысление творчества Сиба Рётаро в России и на Западе только начинается. Американский японовед Дональд Кин включил его в число пяти современных японских классиков в своей книге, основанной в том числе на личном опыте общения с писателями [8]. Наследию Сиба Рётаро посвящена также глава в коллективной монографии «Японский культурный национализм: на родине и в Азиатско-Тихоокеанском регионе» под редакцией Роя Старрза [9]. Примерно в то же время, что и упомянутые исследования, стали выходить переводы романов Сиба Рётаро на английский язык: «Кукай» (2003), «Последний сёгун: жизнь Токугава Ёсинобу»

(2004), «Маньчжурский ураган» (2007) и «Облака на вершине склона» (2015).

В России переводы Сиба Рётаро начали появляться раньше, чем на Западе. Еще в 1999 году увидело свет русское издание его эссе «О России: изначальный облик Севера»². В 2005 году вышел перевод романа «Последний сёгун». Тогда же началась публикация перевода диалогов Сиба Рётаро и Дональда Кина под названием «Японцы и японская культура» [4] (главы 2 и 3 вышли значительно позже, см. [5], [6]). При этом объектом исследования творчество Сиба Рётаро пока становится нечасто. Одним из первых, кто обратился к трудам писателя в контексте российско-японских отношений, был А. Бух с его книгой «Япония: национальная идентичность и внешняя политика», русский перевод которой вышел в 2012 году [1]. В главе «“Оригинальные формы” Японии и России у Сибы» ученый подробно анализирует нарратив японского писателя о России и устанавливает, каким образом его тексты способствовали «углублению и популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России» [1: 133]. Своего рода обзором книги Сиба «О России» и ее анализа А. Бухом можно назвать статью М. П. Герасимовой [2].

В данной статье мы рассмотрим основные аспекты образа России в творчестве Сиба Рётаро, уделив особое внимание его сравнительному анализу российской и японской модернизации, а также взглядам писателя на фигуру Петра I и его место в истории России.

РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СИБА РЁТАРО: КОНТЕКСТ И АСПЕКТЫ ОБРАЗА

Сиба Рётаро можно отнести к послевоенному поколению японских интеллектуалов, в центре внимания которых был поиск новых основ для идентичности японцев, или же – в терминологии Сиба – «изначальной формы», то есть того неизменного в характере и сущности жителей страны, что определяет ход ее истории. Япония потерпела сокрушительное поражение во Второй мировой войне, стала первой и единственной страной, испытавшей на себе ядерные бомбардировки, пережила период унизительной оккупации, послевоенного экономического упадка и краха пестуемых на протяжении нескольких поколений ценностей. Довоенная идеология имела своим главным инструментом миф и историю: божественное происхождение Японии и японцев, непрерывное правление императорской династии, многочисленные примеры верноподданничества. Теперь же история оказалась скомпрометирована, и на первый

план вышли идеи и теории этнологов, археологов, психологов. Разрушенный миф и возвращение в островные границы создали пространство для дискуссий о происхождении японцев: взгляды ученых и общественности были устремлены в глубокую древность, чтобы заново обрести свои корни и связь с архипелагом [3: 232–253].

После того как Япония оправилась от ужасов войны и оккупации и начался период бурного экономического роста 1960-х годов, осмысление истории своей страны, особенно предшествующего столетия, определение того, что было нормой, а что отклонением от нее, стало все больше занимать умы японских интеллектуалов. В особенности эти дискуссии активизировались накануне и во время празднования столетия революции Мэйдзи в 1968 году. Пожалуй, неслучайно, что именно в этом году началась публикация романа Сиба Рётаро «Облака на вершине склона» — центрального в его творчестве.

Одну из главных своих задач как автора исторических романов и общественного деятеля Сиба видел в поиске путей примирения японцев с собственным прошлым, особенно недавним. Он высоко оценивал «созидаательные» и основанные на политическом реализме эпохи Эдо (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912), но критично относился к периоду от победы в Русско-японской войне до поражения во Второй мировой, когда в политике взял верх догматизм³. Такая позиция выгодно отличала его в глазах рядовых японцев как от большинства историков 1950–1960-х годов с их марксистскими взглядами, так и от консерваторов, которые либо игнорировали довоенный период японской истории, либо пытались его обелить [1: 137].

В восьмитомном романе «Облака на вершине склона» (1968–1972) Сиба Рётаро рисует картину Японии периода Мэйдзи, создающей новое современное государство, открытое миру. Главные герои книги — братья Акияма Ёсифуру (1859–1930), генерал армии и «отец японской кавалерии», и Акияма Санэюки (1868–1918), вице-адмирал и герой Цусимского сражения, а также их друг детства, писатель и реформатор японской поэзии Масаока Сики (1867–1902). Все они ровесники революции Мэйдзи и зримое воплощение страны, идущей по пути обновления через обучение у Запада. На протяжении романа мы видим, как вместе со всей страной они проходят этот нелегкий путь: ищут места приложения своих талантов, едут учиться за границу, преодолевая языковые и культурные барьеры, переживают унижения и первые победы. Кульмина-

цией романа становится Русско-японская война, в которой новая молодая Япония убедительно демонстрирует всему цивилизованному миру свое превосходство над самодержавной консервативной Россией. Однако Россия становится антагонистом Японии не только в заключительных главах романа: благодаря тому что один из героев отправляется на учебу именно в Россию, автор имеет возможность неоднократно прибегать к скрытым сравнениям плодов и самого хода модернизации в двух странах. В результате, если Запад становится для Японии ориентиром и объектом устремлений, то роль России амбивалентна: с одной стороны, она — живой пример модернизации, способный продемонстрировать все ее плюсы и минусы, то есть, как и Запад, сыграть роль учителя; с другой стороны, Россия — главный соперник не только в борьбе за влияние в Северо-Восточной Азии, но и в самом ходе модернизации как условии успеха в этой борьбе.

Еще один роман, где Сиба много места отводит России и истории отношений с ней, — «Море цветущего рапса» (1979–1982). Главным героем книги стал торговец Такатая Кахээ (1769–1827), известный тем, что проложил пути морских перевозок между островами Хоккайдо, Итуруп и Кунашир в 1799–1802 годах, когда эти земли перешли в прямое подчинение военного правительства Токугава, а также своей ролью в освобождении из японского плена российского капитана флота В. М. Головнина в 1813 году. Таким образом, на страницах этого романа Сиба Рётаро «сводит» уже столетие назад вступившую на путь модернизации Россию и еще «закрытую» и спящую мирным сном Японию. Однако закрытость и «сон» — лишь видимость и стереотип. Сиба неслучайно делает своим героем морского торговца: это дает ему повод, во-первых, подробно описать меркантилистскую экономику второй половины периода Эдо с ее справедливым распределением доходов, высокой грамотностью населения и миролюбивым отношением к соседним странам, а во-вторых, сравнить «морские» потенции Японии и Запада (в лице России): ведь если на Западе флагманом развития морского дела и навигации является военно-морской флот, то в Японии — такие, как Такатая Кахээ, мирные торговцы, связывающие Японию сетью прибрежных маршрутов в единое рыночное пространство, нацеленное на равномерное распределение благ.

Наконец, в книге «О России: изначальный облик Севера», написанной, по признанию самого автора, в результате длительных размышлений

о нашей стране в ходе работы над вышеупомянутыми романами, Сиба Рётаро берется за поиск «изначальной формы» России. Как точно формулирует А. Бух, наиболее константными национальными характеристиками России в его представлении выступают шовинизм, экспансия и «ненормальная» вера в военную силу как средство решения любых проблем, а их источниками он видит монгольское влияние на формирование Русского государства в XV–XVI веках [1: 145]. При этом, повествуя о России, Сиба постоянно прибегает к своему излюбленному приему неявных сопоставлений российского и японского прошлого. Так, например, он отмечает примерно одновременное появление в двух странах огнестрельного оружия в XVI веке, однако в России оно становится основным средством победы над бывшими властителями – «кыпчакскими ханами» и дальнейшей вооруженной экспансии в Сибирь, в то время как в Японии служит объединению и возвращению в страну мира и процветания⁴.

Итак, в трех наиболее значимых текстах Сиба Рётаро, затрагивающих историю России и отношений с ней, Россия выступает по большому счету в двух ипостасях: 1) как фактор истории Японии – от первых попыток установления торговли в конце XVIII века, через переходный период Бакумату, когда Россия играет позитивную роль в «открытии» Японии миру, к колониальному соперничеству в Северо-Восточной Азии на рубеже XIX–XX веков; 2) как «другой» Японии – в непрерывном процессе национальной самоидентификации, также начавшемся около середины XIX века и продолжающемся до сих пор.

СИБА РЁТАРО О ПЕТРЕ I И ЕГО МЕСТЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Выше мы определили причины интереса Сиба Рётаро к России, основные сюжеты российской истории, на которые он обращает внимание, а также составляющие «изначальной формы» России в концепции писателя. Далее рассмотрим место Петра I в истории России в представлении Сиба Рётаро и его значение для японской истории.

В книге «О России: изначальный облик Севера» Сиба уделяет Петру довольно мало места. Поскольку в центре его внимания находится история российско-японских отношений и, как их предпосылки, история освоения Сибири, он указывает лишь на значение деятельности Петра по созданию и развитию российского флота, в том числе судостроения на Дальнем Востоке, широкому внедрению артиллерии, а также

упоминает о приеме Петром в 1702 году японского моряка Дэмбэя, потерпевшего крушение у берегов Камчатки, и об интересе царя к рассказу Дэмбэя о Японии. Лишь вскользь Сиба замечает, что «за исключением сельского хозяйства в России все началось с Петра I»⁵, указывая тем самым на революционную сущность его деятельности, однако содержательная ее сторона, равно как и оценка, остаются вне поля зрения писателя.

Гораздо более подробное описание деятельности Петра и его места в истории России мы обнаруживаем во втором томе романа «Облака на вершине склона». В главе «Великие державы», посвященной троистальному вмешательству России, Германии и Франции в итоги Японо-китайской войны 1894–1895 годов, Сиба помещает пространное отступление, раскрывающее его видение сути России и ее исторического пути⁶. Согласно Сиба Рётаро, в домонгольский и монгольский периоды своей истории русские представляли собой мирный оседлый земледельческий народ Восточной Европы без собственного государства, знатки государственности были привнесены в их земли норманнами – Рюриком и его потомками, позже русские были завоеваны монголами и стали частью их империи. Начало формирования русской государственности он относит ко времени правления Ивана III, а окончательное становление – к царствованию первых Романовых. В это же время происходит стремительный процесс покорения Сибири, приведший к тому, что в самом начале XVIII столетия Россия и Япония стали соседями. Собственно, здесь Сиба и переходит к описанию Петра I и его заслуг. Он называет его «выдающимся человеком» (кёдзин 巨人 – великан, гигант), царем-революционером, разграничившим собой историю России на до и после. Именно с правлением Петра Сиба связывает наступление в России Нового времени (近代), то есть того периода, который в Японии однозначно ассоциируется с периодом Мэйдзи. Он подробно пишет о детских годах Петра и его увлечениях механизмы, оружием, навигацией, кораблестроением, оканчивая каждый пассаж фразой о том, что если бы Петр не родился царем, то стал бы лучшим в России плотником, инженером, мореплавателем или артиллеристом. Далее Сиба говорит о том, что эта любовь Петра к технике сформировала его механистический, абсолютно рациональный, «прямой» взгляд на мир и предопределила приверженность ко всему западному.

Говоря о наиболее известных реформах Петра, Сиба постоянно приводит им в пару аналогичные реформы императора Мэйдзи в Японии: «Великое посольство» Петра в Европу и «миссия Ивакура Томоми», налог на ношение бороды и запрет самурайской прически *тёммагэ* и т. д. При этом Сиба ни разу не сравнивает Петра с самим императором Мэйдзи, вероятно, прекрасно осознавая, что последний был лишь знаменем в руках ближайших подданных и зримым символом модернизации, но не ее инициатором. Однако в попытке объяснить японскому читателю масштаб личности Петра Сиба все же находит сопоставимые с ним фигуры в японской истории: это Симадзу Нариакира (1809–1858) и Набэсима Кансо (1815–1871) – два князя-даймё, которые в самом конце периода Эдо возглавляли княжества Сацума и Сага, сформировавшие костяк оппозиции правительству Токугава. Оба князя еще задолго до начала переговоров центрального правительства с западными странами активно увлекались западными науками и технологическими новшествами, а также начали в своих владениях реформы под общим лозунгом «Богатая страна – сильная армия», укрепляя финансовое положение и обороноспособность и стремясь превратить свои княжества в подобие современных европейских государств. Именно под руководством Симадзу Нариакира начинали свою политическую карьеру будущие лидеры революции Мэйдзи Сайго Такамори (1828–1877) и Окубо Тосимити (1830–1878), позже претворившие многие его идеалы и замыслы на общенациональном уровне.

При этом, сравнивая этих японских деятелей с Петром I, Сиба отмечает, что в отличие от них Петр совершенно не обладал хорошим воспитанием и не был силен в гуманитарных науках (в традиционном для Восточной Азии широком понимании этого термина как антонима военного дела), в то время как Симадзу Нариакира был знатоком китайской истории и литературы, а Набэсима Кансо – одним из лучших поэтов Японии своего времени. Петр же, по его словам, не мог написать без ошибки ни единого документа, а во время путешествия в Европу был в центре любых бесчинств, устраивавшихся его спутниками. Тем не менее его работа на верфи рядовым плотником как пример личной вовлеченности в дело реформирования государства является для Сиба определяющей чертой характера русского царя и обнаруживает в нем элемент «чудесного», чего-то, чем не мог похвастаться ни один правитель Востока и Запада. Тем не менее свой

панегирик Петру Сиба Рётаро заканчивает мыслью о том, что весь успех реформаторской деятельности российского государя определялся не столько его личными «чудесными» качествами, сколько неограниченной самодержавной властью, которой он обладал. Он перечисляет сильнейших правителей Японии – Минамото Ёритомо, Тоётоми Хидэёси, Токугава Иэясу и приходит к выводу, что все они были менее свободными, чем Петр, его предшественники или потомки. «Великую культурную революцию, совершенную Петром, мог осуществить только российский царь»⁸, – завершает свое повествование Сиба.

Таким образом, в воззрениях Сиба Рётаро Петр I предстает как положительный герой российской истории, который собственно-ручно вывел свою страну из полуварварского прошлого. Он – безусловный пример ускоренной модернизации не только в военно-технической, но в культурной и гуманитарной сферах. В то же время он остается воплощением российского самодержавия с его, с одной стороны, невероятными возможностями в мобилизации ресурсов, а с другой – самодурством, чрезмерным увлечением силой и враждебностью к соседям. Такая характеристика Петра дает повод рассматривать российскую модернизацию как вынужденную или даже случайную, половинчатую и норовящую обернуться вспять. На этом фоне начавшаяся на полтора столетия позже японская модернизация воспринимается писателем как предопределенная судьбой⁹.

Комментируя взгляды Сиба на российскую историю, Такахаси Сэйтиро приводит замечание известного японского просветителя Фукудзawa Юкити о том, что Россия спустя столетие после Петра и во многом благодаря его начинаниям одержала великую победу над наполеоновской Францией (как и Япония, в результате успешной модернизации сумевшая одолеть Россию в Русско-японской войне), однако после этого имел место консервативный «откат», особенно в правление Николая I, когда запрещались многие западные газеты, журналы и книги, а школьники и студенты облачились в форму, напоминающую военную [10: 29].

Россия и Япония заключили свой первый договор о торговле и границах в последний год правления Николая I. К этому времени Петр I все еще мог оставаться для японцев ярким примером успешной модернизации и источником вдохновения [7], однако современная им Россия таким примером могла стать уже едва ли. В этом смыс-

ле Сиба высоко оценивал симпатии мэйдзийских лидеров к странам Западной Европы, а не к России и с досадой воспринимал очарованность одного из ключевых деятелей периода Мэйдзи маршала Ямагата Аритомо (1838–1922) блеском российского императорского двора во время его посещения коронации Николая II в 1896 году [10: 23], а также считал большой ошибкой аннексию Кореи после Русско-японской войны, проводя аналогию с присоединением Россией Царства Польского по результатам Венского конгресса [10: 46–47].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что на страницах книг Сиба Рётаро Петр I предстает своего рода олицетворением России и ее истории. Он прямой продолжатель и приверженец самодержавной традиции, унаследовавший от своих предшественников как методы управления, так и цели. Начатая им модернизация –

результат необходимости противостоять мощи западных стран в реализации своих экспансионистских устремлений, но не логическое продолжение предшествующего развития. При этом ее реализация и поддержание осуществляются исключительно за счет неограниченной власти. Отсюда и ее половинчатый характер, уже спустя столетие приведший к регрессу и консервации элит. При этом амбивалентный характер образа Петра во многом отражает и восприятие японским писателем России. Именно в петровское правление Россия фактически обретает общие границы с Японией и становится фактором японской истории, спустя полтора столетия подтолкнувшим ее на тот же путь модернизации. Однако к этому времени Россия представляет собой негативный пример реформирования, а рост ее могущества в Восточной Азии приводит к тому, что она становится еще и главной причиной реализации лозунга «Богатая страна – сильная армия» в Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Нумано М., Саркисов К. О. Вступительная статья // Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / Пер. с яп. С. А. Быковой и С. Кавамуры. М.: МИК, 1999. С. 13.
- 2 Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / Пер. с яп. С. А. Быковой и С. Кавамуры. М.: МИК, 1999. 200 с.
- 3 司馬遼太郎. 東と西 (Сиба Рётаро. Восток и Запад. Токио, 1990. С. 9–10).
- 4 Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера. С. 49–50.
- 5 Там же. С. 91.
- 6 司馬遼太郎. 坂の上の雲 (Сиба Рётаро. Облака на вершине склона. Т. 2. Токио, 2011. С. 331–359).
- 7 Там же. С. 341–342.
- 8 Там же. С. 343.
- 9 Там же. С. 339.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как другое Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
2. Герасимова М. П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора // Японские исследования. 2019. № 3. С. 6–22.
3. Мещеряков А. Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда: Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020. 352 с.
4. Симонова Е. В. Японцы и японская культура // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. № 3. С. 140–152.
5. Симонова Е. В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 10. С. 108–116.
6. Симонова Е. В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура (Глава 3) // Японские исследования. 2017. № 4. С. 19–32.
7. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490
8. Keene Donald. Five modern Japanese novelists. New York: Columbia University Press, 2005. 144 p.
9. Starrs Roy (Ed.). Japanese cultural nationalism: at home and in the Asia Pacific. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2004. 295 p.
10. 高橋誠一郎. 司馬遼太郎とロシア. 東京, 2010. 64頁 (Такахаси Сэйитиро. Сиба Рётаро и Россия. Токио, 2010. 64 с.)

Original article

Vasili V. Shchepkin, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; HSE University – St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-0007-1143; vshchepkin@gmail.com

RUSSIA AND PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL CONCEPTION OF JAPANESE WRITER SHIBA RYOTARO

A b s t r a c t. Shiba Ryotaro (1923–1996) is one of the most popular Japanese writers of the second half of the XX century. He worked in the genre of historical novel focusing on the history of early modern and modern Japan, including its relationship with the neighbouring countries. Shiba had his own view on the history and culture of Russia and even wrote a separate book about it. The popularity of Shiba's works, as well as television series and films based on them in Japan suggests a strong influence of his ideas on the historical consciousness of the contemporary Japanese. This article examines the context and reasons for Shiba Ryotaro's appeal to the history of Russia-Japan relations and the history of Russia as a whole. The author analyzes Shiba's most significant texts about Russia and identifies the main aspects of this country's image in them. Two main functions of Russia in Shiba's texts are identified: as a factor in Japanese history and as the "Other" for Japan in the formation of its national identity. The image of Peter the Great on the pages of Shiba's books is also considered to reveal its ambivalent nature: on the one hand, Peter is portrayed as the initiator of modernization and the creator of a new Russia, while on the other hand, he remains the embodiment of the Russian autocracy with all its faults. It is in the latter that Shiba sees the reason for the success of Russian modernization, which also gives it a dual meaning. This paper is the first-of-its-kind Russian analysis of Shiba Ryotaro's texts as a source for studying the images of Russia and Peter the Great in Japan. Shiba's books clearly illustrate that history, in particular the history of Russia-Japan relations, remains important for how Russia is perceived in Japan, therefore, studying the concept of historical memory and the mechanisms of its formation is highly relevant.

K e y w o r d s : Shiba Ryotaro, Peter the Great, Meiji Japan, Russia-Japan relations, modernization, historical fiction, image of Russia, image of Peter the Great

A c k n o w l e d g e m e n t s . The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

F o r c i t a t i o n : Shchepkin, V. V. Russia and Peter the Great in the historical conception of Japanese writer Shiba Ryotaro. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659

REFERENCES

1. B u k h , A . Japan's national identity and foreign policy. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
2. G e r a s i m o v a , M . P . Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity. *Japanese Studies in Russia*. 2019;3:6–22. (In Russ.)
3. M e s h c h e r y a k o v , A . N . Staying Japanese: Yanagita Kunio and his crew: Ethnology as a form of existence for the Japanese people. Moscow, 2020. 352 p. (In Russ.)
4. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2005;4(3):140–152. (In Russ.)
5. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan. Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016;15(10):108–116. (In Russ.)
6. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro. *Japanese Studies in Russia*. 2017;4:19–32. (In Russ.)
7. S h c h e p k i n , V . V . Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490 (In Russ.)
8. K e e n e , D o n a l d . Five modern Japanese novelists. New York, 2005. 144 p.
9. S t a r r s , R o y (E d .) . Japanese cultural nationalism: at home and in the Asia Pacific. Folkestone, Kent, 2004. 295 p.
10. 高橋誠一郎. 司馬遼太郎とロシア. 東京, 2010. 64頁.

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Национальный парк «Водлозерский»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ГРОБНИЦ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация. На основании новых архивных документов впервые рассматривается вопрос об официальном освидетельствовании гробниц и мест захоронений местночтимых святых Олонецкого уезда в 1721 и 1722 годах, проведенном по синодальному указу настоятелем Александро-Свирского монастыря архимандритом Кириллом. Выявленные письменные источники содержат важные сведения о том, как на локальном уровне воплощались петровские нововведения в церковной сфере. Принятые в первой четверти XVIII века новые законы о «несвидетельствованных гробах» нарушили сложившиеся в многочисленных российских монастырях благочестивые традиции почитания местных святынь и не позволяли епархиальным архиереям прославлять новых подвижников. Выясняется, что обнаруженные в ходе проведенных в 1721 и 1722 годах раскопок в монастырях костные останки не были восприняты участниками их освидетельствования как «нетленные мощи». Упомянутые в документах мемориальные храмы, стоявшие над могилами родоначальников монастырей, молитвенные и агиографические тексты, составленные в их честь, а также существовавшие иконы с изображениями подвижников подтверждают факт установленного к началу 1720-х годов местного празднования памяти основателей Задней Никифоровой, Андрусовой и Сяндемской пустыней Олонецкого уезда.

Ключевые слова: местночтимые святые, Петр I, монастыри, Олонецкий уезд, Александро-Свирский монастырь, Андруса пустынь, Сяндемская пустынь, Задняя Никифорова пустынь, мощи

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034. Искренняя признательность за помощь М. М. Шахновичу.

Для цитирования: Кожевникова Ю. Н. Освидетельствование гробниц местночтимых святых Олонецкого уезда в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 84–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.660

ВВЕДЕНИЕ

Почитание святых, прославленных своими прижизненными подвигами и посмертными чудотворениями, является важной частью православного благочестия. По представлениям верующих, «честные останки» (мощи) подвижников после их кончины сохраняют особую связь с Духом Святым, поэтому к ним относятся с особым благоговением [2: 268]. Кроме общероссийских святых, в пределах отдельных епархий с разрешения правящих епископов чтились местные подвижники: им устанавливались празднования в определенный день, сочинялись жития и молитвенные тексты, они изображались на иконах. Части из них служились только панихиды и заупокойные литургии (не молебны). Мощи большинства таких святых находились «под спудом», то есть в земле, и никогда не были открыты. Над их могилами сооружались гробни-

цы-кенотафы в подражание ракам¹ с обретенными мощами и строились часовни².

В первой четверти XVIII века в монастырях Олонецкого уезда³ все местночтимые подвижники в чине преподобных иноков покоились «под спудом», а места их погребений отмечали простые деревянные гробницы, укрытые покровами. «Открыто почивали» мощи только общероссийского святого, преподобного Александра Свирского. Они были обретены в 1641 году в созданном им монастыре при строительстве Преображенской церкви и положены для поклонения верующих в серебряную раку⁴.

В краеведческой литературе второй половины XIX века можно встретить скучные сведения на предпринятое по указанию Петра I освидетельствование мощей некоторых местночтимых святых⁵. Вопросы о причинах беспрецедентного для Олонецкого края осмотра гробниц подвижников, обстоятельствах его проведения, сама

процедура освидетельствования отечественными исследователями ранее не изучались.

Сохранившиеся в фонде Новгородской духовной консистории документы (ГАНО. Ф. 480) – синодальные указы, отправленные на имя епархиального архиерея, распоряжения Новгородского архиерейского разряда и рапорт «заказчика» настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Кирилла о результатах его поездки по монашеским обителям – подтверждают факт освидетельствования гробниц местночтимых святых и предоставляют новые уникальные сведения о важных для уездного монашества событиях церковной жизни первой четверти XVIII века. Данная статья продолжает цикл работ по изучению монастырей и монашества Олонецкого уезда в Петровскую эпоху [7], [8].

* * *

Несколько предварительных замечаний о «нетленных мощах». Как утверждает Е. Е. Голубинский со ссылкой на жития святителя Антония Новгородского и других древнерусских святых, в XV–XVII веках вслед за греческой традицией слово «мощи» означало кости, а под «нетленными мощами» подразумевались целые (не-распавшиеся) скелеты⁶. При этом для канонизации усопшего подвижника не требовалось обретать его «честные останки»: главным признаком святости всегда был дар чудотворения. В редких случаях мощи представляли собой «целые тела», не подверженные тлению, что считалось только дополнительным доказательством особой близости умершего человека к Богу.

Когда нетленность («целость») тела святого после его кончины наряду с благоуханием стала восприниматься верующими как непременное доказательство подлинно благочестивой жизни? Вопрос остается дискуссионным в отечественной историографии. Г. П. Федотов полагает, что «неправильное представление» о мощах укрепилось в народном сознании в синодальный период [14: 15]. А. С. Лавров говорит о смешении «рационалистических идей» проводившихся Петром I церковных реформ и сложившегося «народного взгляда на нетленность» [9: 209]. По мнению П. Г. Рогозного, уже во второй половине XVI века нетление рассматривалось как основной показатель святости [13: 993].

Корни православной традиции благоговейного отношения к «честным останкам» подвижников уходят в историю ранней Церкви и связаны с почитанием останков первомучеников, которое получает юридическое оформление во втором правиле Карфагенского собора 345–348 годов. Как особые святыни мощи требовались для ос-

вящения новых храмов: после 7-го Вселенского собора (787 год) их обязательно закладывали в основание престола, устанавливаемого в середине алтаря. Византийские духовные и светские власти стремились регламентировать сложившиеся обычаи поклонения реликвиям, частицы которых могли быть церковной собственностью или находиться в частном владении. В начале V века принимаются первые законы по борьбе с фальсификацией мощей⁷. Святитель Августин Блаженный говорил о необходимости доказательства их подлинности и свидетельства о подвигах мученика [3].

Византийское гражданское право запрещало самочинное «гробокопательство» с целью получения мощей и предусматривало суровые наказания вплоть до смертной казни виновника. Церковь, в свою очередь, жестко наказывала за разорение погребений святых многолетним отлучением от участия в таинствах. Для разрешения противоречия между законодательством и сложившейся практикой были внесены поправки в законы «о разорении могил». Благодаря им уже существовавшие реликвии могли разделяться, а могилы святых раскапываться для обретения новых святынь, но только с разрешения иерархов и светских властителей [3: 66–69].

Русская православная церковь с середины XVII века также стремится упорядочить сложившиеся на местах практики почитания реликвий. Вопрос о «нетленных телесах» рассматривался на Московском соборе 1667 года, одно из постановлений которого призывало различать истинные и ложные (то есть никем не освидетельствованные) святыни: «нетленных телес обретающихся в нынешнем времени да не дерзаете кроме достоверного свидетельства и соборного повеления во святых почитати»⁸. Считалось, что подлинные останки святого источают чудеса и благоухают. Верным же признаком покойника, отлученного при жизни от Церкви, было его неразложившееся тело безобразного вида и с дурным запахом. С XVI века существовали подробные инструкции для различения останков праведника и находившегося под анафемой грешника, которого «не принимала земля» [3: 69–70]. Только в конце XVIII века преподобный Никодим Святогорец осторожно заметит, что физическое состояние тела умершего может зависеть от характеристик почвы и других природных факторов [3: 70].

В первой четверти XVIII века важной частью петровской церковной реформы стало ужесточение борьбы с объяснимым стремлением приходского духовенства и монастырского начальства иметь «честные останки» местных святых, кото-

рые привлекали бы паломников и богомольцев: «священники или монахи спешили объявлять их за святые мощи, чтобы от пения над ними панихид или молебнов получать доход»⁹.

В 1716 году по решению Петра I в текст обещания (присяги), произносившегося епископами при хиротонии, вносятся существенные дополнения с целью религиозного дисциплинирования духовенства и мирян [5: 201–204]. Одним из новых его пунктов правящие архиереи обязывались следить за поведением верующих, «дабы неведомых и от Церкви несвидетельствованных гробов за святыню не почитали»¹⁰, и наказывать их за поклонение мощам непрославленных подвижников. Копии обновленного архиерейского обещания рассыпались во все епархии с разъяснением, что его должны принести и «прежде поставленные» епископы, чья хиротония состоялась ранее 1716 года.

В «Духовном Регламенте» (1720 год) от епископов требуется «о мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано»¹¹. Они должны были искоренять все суеверия, связанные с почитанием местных подвижников, подлинность мощей которых не была официально подтверждена духовными властями или тела которых не были обретены, а «почивали под спудом»¹².

Принятые при Петре I законы о «несвидетельствованных гробах» нарушали сложившиеся в многочисленных российских монастырях благочестивые традиции почитания местных святынь и не позволяли архиереям прославлять новых подвижников. Так, в 1721 году в Олонецком уезде синодальным указом было запрещено поклоняться могиле некоего монаха Маркелла, подвизавшегося и погребенного в Александро-Свирском монастыре предположительно во второй половине XVII века¹³.

Настоятелем Александро-Свирского монастыря в то время был недавно назначенный архимандрит Кирилл, выбранный в конце 1719 года из числа наследников «образцового» Александро-Невского монастыря в Петербурге, который создавался под особым надзором царя-реформатора¹⁴. Прежний архимандрит Александр (Пахомов), обвинявшийся в серьезных государственных преступлениях¹⁵, был расстрижен 8 января 1720 года, подвергнут страшным пыткам и колесован по личному указанию Петра I¹⁶.

Архимандрит Кирилл, помня о трагической судьбе предшественника, предусмотрительно оповестил епархиального архиерея о народном обычай почитания монаха Маркелла. В своем донесении от 14 июля 1721 года он сообщает нов-

городскому архиепископу Феодосию (Яновскому) о том, что у них «в роще под березою» стоит малая деревянная часовня, в которой будто бы «въ давнехъ летехъ» погребено тело монаха Маркелла, которого окрестные крестьяне считали святым¹⁷. Неизвестный автор сочинил в честь него тропарь, кондак и сказание с описанием чудес, творимых подвижником. Приходившие в монастырь богомольцы обязательно посещали часовню и поклонялись образу Маркелла, призывая его в молитвах «как прославленного святаго». Они брали «из под березы, с того места, которое считают местом его погребения, песок по домам своим»¹⁸.

В ответ на свой рапорт архимандрит Кирилл получает из Синода указание освидетельствовать тело умершего монаха Маркелла. Официальная процедура проводилась в присутствии специально прибывшего из Александро-Невского монастыря иеромонаха Иоасафа (Маевского), протопопа Троицкого собора в Олонце Петра Гаврилова, местного духовенства и всей братии:

«Взяв в церковь стоявший в часовне образ Маркелла и разобрав часовню, они выкопали земли на две сажени в длину и ширину и на сажень в глубину; но ни тела монаха Маркелла, ни других погребенных и оставшихся невредимыми тел “не явилось”; открыты были только лежавшие по разным местам три человеческих черепа и кости, но “самых сухих” и, очевидно, “погребенных издавна”, а “тела от тех костей истлели все без остатка”»¹⁹.

Найденные при раскопках разрозненные костные останки участники освидетельствования не рассматривали как возможные мощи усопшего праведника. В первой четверти XVIII века, как уже отмечалось выше, обязательным признаком святости умершего человека была именно «невредимость» его тела («как будто заснул»).

Синодальное постановление, подписанное 6 апреля 1722 года, определило «за святаго того Маркелла отнюдь не почитать»²⁰. Его образ, рукописные тексты молитв и сказание о нем были увезены в Петербург. Остатки разобранной часовни сровняли с землей. Народная традиция почитания монаха Маркелла как местного подвижника была пресечена и со временем забыта: «в памяти монастыря не сохранилось никаких преданий»²¹. Обнаруженные в начале XX века в монастырском архиве сведения об этом воспринимались как исторический курьез из далекого прошлого прославленной обители.

Составитель очерка об Александро-Свирском монастыре Я. И. Ивановский в 1874 году лаконично сообщает о том, что архимандриту Кириллу пришлось проводить освидетельствование гробниц некоторых местночтимых святых

Олонецкого уезда. При этом, к сожалению, историк ошибся в датировке важного события (не в 1721, а в 1722 году) и его результатах, а также не смог объяснить, «какова цель была у этого освидетельствования»²².

Скорее всего, решение о масштабной проверке мест погребения святых принималось после показательной истории с архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем богатого Переяславского Даниловского монастыря. В феврале 1722 года его обвинили в том, что он содействовал почитанию официально не канонизированных Церковью местных подвижников и установил для поклонения верующими в храме выкопанные им «подложные мощи» преподобного Даниила Переяславского [1]. На допросах в Синоде архимандрит сознался в том, что «вынял из под земли человеческую весма распавшися кости под именемъ ево Данииловыхъ мощей», поместил их в раку и «вместо груди и рук и ног положил доволно бумаги хлопчатой и башмаки ветхие приложилъ»²³. Кроме этого, без архиерейского благословения он приказал вскрыть в женском Феодоровском монастыре погребение его строителя Сергия и перенес найденные кости в церковь.

Покаявшийся архимандрит Варлаам избежал сурогового наказания только благодаря заступничеству своих духовных детей из ближайшего петровского окружения, Екатерины I и Александра Даниловича Меншикова. Царской волей он был оправдан²⁴. Его красноречивая и пространная исповедь с подробным описанием всех «дерзостей» была размножена и разослана Синодом в назидание архиереям по всем российским епархиям.

После описанных событий Синод 15 марта 1722 года обязал правящих епископов провести освидетельствование всех «подозрительных» гробниц, установленных в городских и монастырских церквях «над не обретенными почитаемых от церкви святых телесами»²⁵. Как показали материалы следственного дела архимандрита Варлаама, в таких гробницах иногда «вместо телес» находились «резные и издолбленные колоды, которые покрыты покровами», и простолюдины к ним «приступают с великим страхом и целуют положенные на тех колодах покровы»²⁶.

В синодальном указе специально подчеркивалось, что поставленные над почивавшими в земле мощами местных святых гробницы должны быть «праздны» (то есть пусты) «ради токмо воспоминания» этих подвижников. По петровскому требованию упомянутые «резные и издолбленные колоды» следовало немедленно изымать и высыпать в Петербург, а «оные гробницы

и раки покрыть досками, на которых бы были иконы тех святых».

Итак, архимандрит Кирилл, будучи «заказчиком» Олонецкого уезда, наблюдавшим за поведением местного духовенства, должен был проверить содержимое гробниц, поставленных над могилами местночтимых святых в основанных ими монастырях. Первыми для посещения он выбрал ближайшие Андрусову пустынь на восточном побережье Ладожского озера и соседние с ней Заднюю Никифорову и Сяндемскую пустыни²⁷. Результаты поездки подробно изложены архимандритом в рапорте от 5 октября 1722 года, написанном на имя архиепископа Феодосия (Яновского)²⁸. Согласно этому уникальному документу, сохранившемуся в фонде Новгородской духовной консистории, настоятель не ограничился полным осмотром местных гробниц (в них не были найдены резные колоды). Он решил действовать так же, как в случае со вскрытием предполагаемого захоронения монаха Маркелла: велел копать большие ямы глубиной в одну сажень (2,13 м), а шириной и длиной по две сажени.

В Задней Никифорой пустыни, расположенной на южном берегу озера Важе, над могилами основателей Геннадия и Никифора стояла небольшая часовня, внутри которой находились две деревянные гробницы, покрытые «пеленами тафтянными с крестами». Сверху на них лежали «двои вериги железные с крестами, в которых весу есть двенадцать фунтов»²⁹. В часовне же хранилось житие игумена Никифора³⁰ и пребывала икона «на красках» схимонаха Геннадия, а «для празднования ему написана вечерня и утреня и пречная служба»³¹. При раскопках «никаких целых тел не объявилось. А объявилось шесть глав человеческих самых сухих и прочие сухие человеческие кости без тел»³². Из текста рапорта остается неясным, разбиралась ли предварительно часовня или же яма копалась внутри нее.

Что известно о месте погребения основателей пустыни? По преданию, первым здесь обосновался старец Геннадий. В тексте посвященной ему церковной службы упоминается, что он «в пещере пребывал», которую вырыл в песчаном склоне над озером [12: 661]. Ученики похоронили его по средневековому монастырскому обычаю на месте прижизненных молитвенных подвигов, завернув в старую монашескую мантию [4], [10]. Преподобного Никифора, позднее официально основавшего монастырь и получившего в 1557 году царскую жалованную грамоту

от Ивана IV, погребли по его духовному завещанию рядом с преподобным Геннадием.

Деревянная часовня, «построенная издревле» на небольшом холме недалеко от монастырских храмов Преображения Господня и Успения Богородицы, упоминается в имущественной описи 1711 года, составленной строителем монахом Зосимой³³. Скорее всего, ее возвели (возможно, восстановили) после страшного разорения Задней Никифоровой пустыни в первой четверти XVII века, когда обе церкви были сожжены «литовцами», а оставшиеся в живых монахи долгие годы «скитались между дворъ»³⁴. Точные данные о месторасположении могил основателей за прошедшие века могли быть утрачены, и часовню поставили на старом братском кладбище, которое когда-то возникло рядом с погребениями родоначальников. Ее строительство свидетельствовало о начале местного церковного празднования памяти подвижников. Как следует из рапорта архимандрита, особой реликвией Задней Никифоровой пустыни были вериги (железные цепи) преподобных Геннадия и Никифора, которые после их смерти сохранялись в обители для поклонения братией и паломниками.

В Сяндемской пустыни в деревянной церкви во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, как сообщал архимандрит Кирилл, «за правым крылом подле церковной стены» стояла деревянная гробница, «покрыта крашеною, да над тою гробницею поставлен был во имя оного игумена Афонасия и образ писанной на доске на красках». При земляных работах внутри храма были найдены только «одна глава человеческая и прочие человеческие сухие кости»³⁵.

Преподобный Афанасий, по преданию, был погребен «в роще» на мысу Рощинского озера в последней четверти XVI века. Нет достоверных письменных свидетельств о том, что его могилу когда-либо отмечала часовня. Первая церковь во имя двух святителей над местом погребения подвижника была построена при новгородском митрополите Корнилии, который освящал для нее антиминс 26 сентября 1679 года³⁶. Из более поздней дополнительной надписи на этом антиминсе следует, что после сильного пожара сяндемские монахи восстановили деревянный храм. Его освящал «соборне» в мае 1720 года протопоп Троицкого собора в Олонце Петр Гаврилов. Именно в этой новой церкви спустя два года проводил освидетельствование гробницы архимандрит Кирилл³⁷.

Основатель Андрусовой пустыни преподобный Адриан, по преданию, был убит местными крестьянами. Его найденное в болоте тело ученики с почестями погребли возле северной

стены каменной Никольской церкви, построенной при жизни подвижника [6: 48–50, 61–66]. Не позднее 1685 года над его могилой была поставлена деревянная часовня³⁸. Архимандрит Кирилл докладывал архиепископу Феодосию:

«...по левую сторону вне церкви в преждебывшей часовни над погребенным строителем монахом Андрианом построена была деревянная гробница и под той гробницей <...> объявилс гроб, а в том гробе верх весь истлел без остатку, а пртчая гробница кроме верха была еще цела, толко малое число поверху изгнило, а внутри оного гроба объявилась глава и пртчие человеческие сухие кости»³⁹.

По-видимому, в 1722 году по указанию архимандрита было вскрыто погребение преподобного Адриана. После упразднения Андрусовой пустыни по секуляризационной реформе 1764 года отмечавшая его могилу часовня возле каменного храма стояла до начала XIX века. Внутри нее находился «ларь для означения, что на том месте погребен первой сей пустыни здешней схимонах Адриан, а по местному названию Андрус»⁴⁰.

В конце рапорта архимандрит Кирилл просит владыку освободить его от других поездок в дальние монастыри Олонецкого уезда из-за старческой немощи и приближавшейся осенней распутицы⁴¹. Таким образом, проверка гробниц в 1722 году ограничилась посещением трех местных обителей.

В каждом монастыре при освидетельствовании гробниц составлялись подписанные «сторонними людьми» акты, согласно которым в раскопанных могилах вещи из органических материалов не были обнаружены. Одеяния погребенных монахов уже истлели к тому времени. Иноческие средневековые параманы, представлявшие собой кожаные плетеные ремешки с изображением креста, в документах не упомянуты (возможно, участники освидетельствования не обратили внимания на их уцелевшие фрагменты).

Находившиеся в часовнях и церквях образы преподобных Геннадия и Афанасия настоятель забрал с собой в Александро-Свирский монастырь. Архиепископ Феодосий, однако, требовал присыпать в Петербург только «резные колоды» в случае их обнаружения внутри гробниц. Вывезенные образа олонецких подвижников, скорее всего, вернулись на свои прежние места. Они упоминаются в имущественных описях, составленных при упразднении монастырей Олонецкого уезда при Екатерине II. В Сяндемской пустыни внутри храма святителей Афанасия и Кирилла Александрийских «за правым крылом» пребывал «писан краски» образ преподобного Афанасия, а «над тем образом покров

полотняной с кистми»⁴². В Задней Никифоровой пустыни «образ преподобного Геннадия, на нем два венчика серебряных малых, писан краски», отмечен при описании Преображенской церкви⁴³.

Епархиальное начальство, ознакомившись с полученным рапортом, осталось недовольно своевольными действиями настоятеля Александро-Свирского монастыря, вышедшего за рамки поставленной перед ним задачи. Как говорилось в указе от 18 октября 1722 года из архиерейского разряда, «о свидетельстве умерших и положенных телес в часовнях и в других местах и о досмотре их <...> чинить ему дерзновенно не надлежало, а что тако чинил, о том возответствовать»⁴⁴. Как был наказан архимандрит Кирилл, документ не сообщает. После освидетельствования гробниц он возглавлял братскую общину Александро-Свирского монастыря еще в течение десяти лет и умер в декабре 1732 года⁴⁵.

Каким образом беспрецедентные действия архимандрита Кирилла по вскрытию погребений подвижников были восприняты местными монашескими общинами и окрестным населением, неизвестно из-за отсутствия сведений в имеющихся источниках. Народные или монастырские предания об этом значительном событии в жизни мужских обителей не сохранились. Именитые авторы – валаамский игумен Дамаскин (Кононов), Е. В. Барсов, К. А. Докучаев-Басков, создавшие во второй половине XIX века исторические очерки, посвященные Задней Никифоровой, Андрушовой и Сяндемской пустыням, о нем ничего не сообщают⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные в фонде Новгородской духовной консистории документы содержат ценные сведения о том, как воплощались в Олонецком уезде петровские нововведения в церковной сфере. Впервые в 1721–1722 годах на его территории по синодальному указу целенаправленно проводилось официальное освидетельствование мест захоронений и гробниц местночтимых подвижников, погребенных в основанных ими обителях. Как видно из документов, архимандрит Кирилл не везде обнаружил единичные погребения, которые в наши дни можно было бы интерпретировать как могилы святых. Сведения о расположении погребений родоначальников монастырей, по-видимому, оказались утрачены. Во второй половине XVII века в Задней Никифоровой и Сяндемской пустынях первые монашеские захоронения уже не имели внешних признаков после разорения обителей во время русско-шведских войн. Из-за неверно выбранных мест земляных работ могли остаться нетронутыми, не попав

в границы раскопанной территории, и до сих пор пребывают *in situ*. Остатки гробовины с фрагментированным костяком были найдены только в Андрушовой пустыни: здесь монахи знали точное место погребения основателя благодаря надежному ориентиру – каменному храму, построенному при его жизни. Выдолбленные сосновые колоды, в которых хоронились подвижники, за долгие десятилетия пребывания в почве, вероятно, не сохранились или находились в плачевном состоянии. Архимандрит Кирилл проводил «непрофессиональные раскопки», поэтому при рытье глубоких ям остатки гробовин могли быть ненамеренно выброшены вместе со снятым слоем земли. Кроме того, по археологическим данным, в XVI веке сохранялась практика грунтовых погребений без гробов (тела покойников обертывались берестой) [11: 69]. Поэтому нельзя полностью исключать вероятность именно такого варианта захоронения основателей местных монастырей. В понимании архимандрита Кирилла и его современников «сухие» черепа и кости «без тел», обнаруженные ими при вскрытии монашеских погребений в Задней Никифоровой, Сяндемской и Андрушовой пустынях, не являлись обретенными мощами святых. Тем не менее результаты прошедшего в 1722 году освидетельствования никак не повлияли на сложившуюся традицию почитания преподобных Геннадия, Никифора, Афанасия и Адриана.

Сложившаяся к началу 1720-х годов практика народного поклонения монаху Маркеллу, включавшая молитвенные обращения к его образу, в допетровское время послужила бы достаточным основанием для «местной канонизации» подвижника епархиальным архиереем в чине преподобных иноков и установления ему празднования памяти в Александро-Свирском монастыре. В синодальную эпоху, однако, прославление «новых чудотворцев» уже не находилось в компетенции правящего епископа: для этого требовалась санкция высших церковной и государственной властей.

Выявленные сведения о традициях почитания отцов-основателей монастырей имеют важное значение для изучения агиографии Олонецкого края. Благодаря обнаруженным документам известно, что над могилами подвижников в первой четверти XVIII века «издавна» стояли мемориальные храмы, в интерьере которых пребывали иконы этих святых; в их честь уже существовали молитвенные и агиографические тексты. Все это подтверждает факт установленного к тому времени местного празднования памяти создателей Задней Никифоровой, Андрушовой и Сяндемской пустыней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рака – погребальное сооружение с останками человека внутри, которое устанавливается в интерьере часовни или церкви.
- ² Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Университетская типография, 1903. С. 269–273.
- ³ В первой четверти XVIII века Олонецкий уезд, образованный в 1649 году, включал территорию Заонежских и Лопских погостов.
- ⁴ Сказание о обретении мощей Преподобного Отца нашего Александра Игумена Свирского Чудотворца // Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб.: Царское дело, 1999. С. 131–142.
- ⁵ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. С. 54; Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. П. Майкова. СПб., 1886. С. 17.
- ⁶ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 28–34, 298.
- ⁷ Например, 91-е правило Карфагенского собора 401 года.
- ⁸ Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 8 об.
- ⁹ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 439.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 5. № 2985.
- ¹¹ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 6. № 3718.
- ¹² Там же.
- ¹³ Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 450–452. № 391.
- ¹⁴ Ранее архимандрит Кирилл несколько лет успешно управлял в Московской епархии Давидовой Вознесенской пустыней. См.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1877. Стб. 235.
- ¹⁵ Его судили за нарушение богослужебного порядка в царские праздники и присвоение денег, пожалованных лично Петром I монастырской братии. См.: Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. С. 146.
- ¹⁶ Акты о назначении архимандрита в Александров Свирский монастырь. 1719 года (сообщ. А. Воронов) // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 54. С. 548.
- ¹⁷ Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 450.
- ¹⁸ Там же. Стб. 450–451.
- ¹⁹ Там же. Стб. 451.
- ²⁰ Там же. Стб. 452.
- ²¹ Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1901. С. 92.
- ²² Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. С. 54–55.
- ²³ Титов А. Архимандрит Варлаам Высоцкий (Из архивных дел XVIII века) // Русский архив. 1901. № 3. С. 358.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 9–9 об.
- ²⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 9 об.
- ²⁷ Кроме указанных монастырей в Олонецком уезде, архимандрит Кирилл побывал с проверкой в Введенском Островском монастыре на реке Оять в Новгородском уезде.
- ²⁸ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7–8.
- ²⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7.
- ³⁰ «Сказание о преподобном отце нашем Никифоре Важеозерском» впервые было опубликовано в 1889 году. См.: Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1889. № 49. С. 586; № 50. С. 598–599.
- ³¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7. Один из списков церковной службы хранится в собрании Е. В. Барсова. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699.
- ³² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.
- ³³ Архив СПБИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 649. Л. 7.
- ³⁴ Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 76.
- ³⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.
- ³⁶ В начале XX века он хранился в Олонецком епархиальном древлехранилище. См.: Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого Епархиального Церковного Древлехранилища // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 28. С. 485.
- ³⁷ В краеведческой литературе есть скромные сведения о том, что еще в 1720 году «при копании рва под фундамент» обнаружилось благоухающее «нетленное тело» преподобного Афанасия. Таким образом, реальный факт освидетельствования гробницы мог трансформироваться в народное предание о чудесном событии.

- См.: Никодим, архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники (Исторические сведения о церковном их почитании) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 21. С. 698.
- ³⁸ Архив СПБИИ РАН. Кол. 115. Д. 851. Л. 4 об.
- ³⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 18/189. Л. 9а–10; Там же. Оп. 7. Д. 15/1. Л. 4 об.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 8.
- ⁴² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 82.
- ⁴³ Там же. Л. 1 об.
- ⁴⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 9.
- ⁴⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 15. Д. 5. Л. 4.
- ⁴⁶ Ондрусова-Николаевская пустынь. Историко-статистический очерк. Составлен усердием настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина в пользу пустыни. СПб., 1856; Сяндемская-Успенская пустынь: Историко-статистические заметки, изданы усердием А. Устинова в пользу пустыни. М., 1860; Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 69–84; Барсов Е. В. Андрей Завалишин и его пустынь // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1884. Кн. 4. С. 1–16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. И. Варлаам // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 588–589.
- Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж, 1989. 406 с.
- Герд Л. А. Реликвии в византийском и поствизантийском каноническом праве // Античная древность и средние века. Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 60–78.
- Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 153–170.
- Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.
- Кожевникова Ю. Н. Николаевская Ондрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск: VERSO, 2017. 400 с.
- Кожевникова Ю. Н. Петропавловская Лобанова пустынь: предания о царских дарах // Словесность и история. 2020. № 2. С. 96–111.
- Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581
- Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 577 с.
- Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Версии. СПб.; Псков: Изд-во ИИМК РАН, 1997. С. 85–90.
- Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.
- Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 49. С. 660–663.
- Рогозный П. Г. Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 989–1004. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.411
- Федотов Г. П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Мартис, 2000. Т. 8. 382 с.

Поступила в редакцию 04.06.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Research Associate, Vodlozersky National Park (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

EXAMINATION OF THE TOMBS OF THE LOCALLY VENERATED SAINTS IN THE OLONETS UYEZD DURING THE PETRINE ERA

A b s t r a c t. The author uses new archival documents for a first-of-its-kind study of the official examination of the tombs and burial places of the locally venerated saints of the Olonets uyezd in 1721 and 1722 conducted by Archimandrite Kirill, the rector of the Alexander Svirsky Monastery, under the synodal decree. The identified written sources contain important information about how Peter the Great's church innovations were implemented at the local level. New laws on "non-attested coffins" adopted in the first quarter of the XVIII century violated the pious traditions of venerating

local shrines of numerous Russian monasteries and did not allow diocesan bishops to glorify new ascetics. It turns out that the bone remains discovered during the 1721 and 1722 excavations in the monasteries were not perceived as “imperishable remains” by those conducting the examination. The memorial temples mentioned in the documents, which stood over the graves of the founders of the monasteries, the prayers and hagiographic texts compiled in their honor, as well as the existing icons with the images of ascetics confirm the fact that the local tradition of commemorating the founders of the Zadnyaya Nikiforova, Andrusova and Syandemskaya hermitages of the Olonets Uyezd had been established by the beginning of the 1720s.

Key words: local saints, Peter the Great, monasteries, Olonets Uyezd, Alexander Svirsky Monastery, Andrusova Hermitage, Syandemskaya Hermitage, Zadnyaya Nikiforova Hermitage, relics

Acknowledgments. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the “Petrine Era” grant of the Russian Foundation for Basic Research for 2020–2022 (project No 20-09-42034). The author expresses her sincere gratitude to Mark Shakhnovich for his help.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Examination of the tombs of locally venerated saints in the Olonets Uyezd during the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):84–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.660

REFERENCES

1. Alekseev, A. I. Barlaam. Orthodox encyclopedia. Moscow, 2003. Vol. 6. P. 588–589. (In Russ.)
2. Bulgakov, S. The Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church. Paris, 1989. 406 p. (In Russ.)
3. Gerd, L. A. Relics in Byzantine and Postbyzantine canon law. *Antiquity and the Middle Ages*. Issue 40: The 50th anniversary of the Ural school of Byzantine studies. Yekaterinburg, 2011. P. 60–78. (In Russ.)
4. Gruznova, E. B. The burial customs in Russia in XV–XVI centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2005;3:153–170. (In Russ.)
5. Zhivov, V. The church history of Peter the Great’s epoch: Research and materials. Moscow, 2004. 360 p. (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N. St. Nicholas Andrusova Hermitage. XVI–XX centuries. Petrozavodsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, Yu. N. The Peter and Paul Lobanova Hermitage: folk legends about royal gifts. *Texts and History*. 2020;2:96–111. (In Russ.)
8. Kozhevnikova, Yu. N. Monasticism of Olonets and Kargopol uyezds in the times of “prohibitive” decrees. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581 (In Russ.)
9. Lavrov, A. S. Sorcery and religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000. 577 p. (In Russ.)
10. Musin, A. E. The funeral rites of Old Russian monasteries: the Stoudios Charter, written monuments, archaeological data. *Ancient monuments. Concepts. Discoveries. Versions*. St. Petersburg, Pskov, 1997. P. 85–90. (In Russ.)
11. Panova, T. D. The realm of death. The funeral rites of medieval Russia in the XI–XVI centuries. Moscow, 2004. 181 p. (In Russ.)
12. Pigin, A. V. Nikephoros and Gennadius. Orthodox encyclopedia. Moscow, 2018. Vol. 49. P. 660–663. (In Russ.)
13. Rogozny, P. G. Bolsheviks and the holy relics. *Modern History of Russia*. 2020;10(4):989–1004. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.411 (In Russ.)
14. Fedotov, G. P. Collected works in 12 vols. Moscow, 2000. Vol. 8. 382 p. (In Russ.)

Received: 4 June, 2021; accepted: 26 July, 2021

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ МЕЛЬНОВ

кандидат исторических наук, ученый секретарь

Выборгский объединенный музей-заповедник
(Выборг, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2901-6984; alexmelnov@yandex.ru

УСТАНОВКА ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I В ВЫБОРГЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. В городском пространстве Выборга в начале XX века формировались памятные места основных культур городского сообщества: шведской, финской и русской. Закономерным итогом процесса была установка памятника своему герою. Установка монументов становилась причиной противостояния элит, которая отражалась на страницах прессы Великого княжества Финляндского. В настоящей статье впервые рассматриваются культурные противоречия, а также столкновения политических интересов и идеологий в регионе на примере установки памятника Петру I в городе Выборге в 1910 году. Конфликт исторической памяти городских культур рассматривается в рамках исследований коллективной памяти и формирования национальной идентичности в одном из самых обособленных регионов Российской империи. Установка памятника Петру I в рамках празднования 200-летия взятия Выборга была актом политики русификации Финляндии и враждебно воспринималась местными шведско- и финноязычными элитами.

Ключевые слова: Петр I, памятник Петру I, Леопольд Бернштам, Великое княжество Финляндское, Выборг, Терваниеми, памятные места

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Для цитирования: Мельнов А. В. Установка памятника Петру I в Выборге: по материалам периодической печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.661

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX–XX веков происходил мировой бум установки монументов монархам, полководцам и национальным героям. Установка памятников на символическом уровне формировалась национальную идентичность, а также отражала политическую и идеологическую конъюнктуру. В Великом княжестве Финляндском Выборг был важнейшим городом с многовековой историей, где переплелись шведская, немецкая, финская и русская культуры. Тем не менее в рассматриваемый период между представителями элит обострилась борьба за установку памятников своим национальным героям. Данной проблеме ранее уделяли свое внимание такие исследователи, как Свен Хирн [17], Любовь Кудрявцева [6], Мария Ляхтеенмяки [18] и др. Однако комплексный анализ публикаций в прессе по вопросу подготовительных работ и открытия памятника Петру I в Выборге рассматривается впервые.

МИКАЭЛЬ АГРИКОЛА – ТОРГИЛЬС КНУТССОН – ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Еще в 1862 году выборгская общественность инициировала возведение памятника отцу финской письменности – Микаэлю Агриколе¹ [12]. Однако этому начинанию противостояла городская элита Або (Турку), бывшей столицы герцогства Финляндского, считавшая само собой разумеющимся установить памятник в своем городе. Выборгскому городскому совету пришлось побороться за право установки монумента с другими городами княжества, а также с российскими властями, которые считали проект выраженно националистическим. Разрешение на установку памятника было получено в 1903 году. Закончить работы по установке скульптуры работы Эмиля Викстрёма планировалось к 400-летию со дня рождения М. Агриколы. Памятник был торжественно открыт в рамках Выборгского певческого праздника 21 июня 1908 года перед Новым кафедральным собором финской лютеранской общины². Примечательно, что монумент находился

напротив резиденции Выборгского генерал-губернатора и здания губернского правления, после чего этот район в культурном и политическом отношении стал восприниматься местом финской памяти [13].

Статуя Агриколы была не единственным памятником, открытым в 1908 году, поскольку у шведскоязычной элиты существовал конкурирующий проект. Еще в 1882 году было принято решение в честь 600-летия Выборгского замка (в 1893 году) установить памятник его основателю – шведскому маршалу Торгильсу Кнутссону, но российские власти противились этому. Через четыре года инициатор, архитектор Якоб Аренберг, был вынужден обратиться к бывшему выборгскому генерал-губернатору, в ту пору начальнику комитета по гражданским делам Финляндского сената, Вольдемару фон Дену, который был чрезвычайно заинтересован в монументе и беспокоился о том, чтобы скульптор Вилле Вальгрен «правильно сделал щит с гербом и костюм и не допустил ошибок против истории и геральдики» [5: 159–160], [14]. В 1890-х годах именно вопрос об установке памятника шведскому военачальнику послужил причиной появления юридического прецедента, отраженного в Высочайшем объявлении, в котором Александр III повелел

«не воздвигать монументов, статуй и иных памятников на площадях или других публичных местах в городах... без испрошения Высочайшего Нашего на то соизволения» [6: 424], [7: 435–436].

Некоторые фенноманы также выступили против установки статуи шведского маршала, так как считали Торгильса Кнутссона врагом финского населения [18: 187–189]. Но Высочайшее соизволение на установку памятника все же последовало при подаче эскиза императору в Царском Селе 11 (24) апреля 1907 года³. Монумент был воздвигнут рядом с замком на фоне бывшего здания городской ратуши, в которой размещался Выборгский исторический музей. Открытие памятника состоялось 4 октября 1908 года, когда в княжестве впервые праздновался день шведской культуры [6: 425–426]. Факт открытия памятника вызвал бурную полемику на страницах русской прессы и шведскоязычных газет Великого княжества [7]. Новый памятник установил визуальную связь между замком и Старым городом, став символическим центром района шведской памяти [18: 189]. Именно в противовес фигуре шведского маршала через пролив, с другой стороны Выборгского замка, через два года будет установлен памятник Петру Великому. Примечательно, что отреставрированный незадолго до этого замок получил облик эпохи своего рас-

света в русский период его истории, то есть XVIII века, хотя военные инженеры постарались сохранить и подчеркнуть средневековый или шведский характер памятника [19: 193–196].

Процесс подготовки к возведению памятника Петру I в Выборге протекал на фоне противостояния национальных элит во время политического кризиса, вызванного курсом русификации Великого княжества Финляндского [4: 379–381, 391–412, 431–442], [16: 594–724]. Инициатива установки монумента русскому царю была ответом на вызов местных шведских и финских элит в процессе формирования памятных мест важнейших городских культур.

ГАРНИЗОННЫЙ СОБОР КАК ПРЕДТЕЧА ПАМЯТНИКА

Идея установки памятника Петру Великому в Выборге, по-видимому, принадлежала русской военной администрации и чиновникам. В одной из публикаций в финноязычной рабочей газете «Тюёмиес»⁴ сообщалось, что в 1904 году выборгский губернатор Н. А. Мясоедов, когда дело дошло до обсуждения установки памятника Агриколе, напомнил генерал-губернатору Н. И. Бобрикову о статуе Петра I. Губернатор Мясоедов в своих рассуждениях сослался на работы по установке статуи Торгильса Кнутссона⁵. Вероятно, конфликт национальных элит послужил резоном к установке монумента императору. Как и в случае с памятниками М. Агриколе и Т. Кнутссону, установка монумента русскому императору создавала лишь символический акцент в уже сформировавшемся месте памяти.

На протяжении двухсот лет нахождения Выборга в составе Российской империи (1710–1917) в исторической памяти русскоязычного населения города формировалось собственное памятное место – Петровская гора, связанная с историей победоносной осады Выборга в 1710 году и личностью императора Петра Великого. Взятие города русскими войсками в ходе Северной войны служило отправной точкой в русской истории края [1], [3], [8: 63–66], [10: 183], [11: 562–564]. А к началу XX века эти события получили дополнительный идеологический акцент: «...эти шведские твердыни издревле принадлежали русской державной корельской земле»⁶. В номере Финляндской газеты⁷ от 11 (24) октября 1900 года вышла статья, посвященная достопримечательным местам в Выборге, где особое внимание уделено Петровской горе, которая в публикации получила наименование «Место ставки Императора Петра I». Корреспондент сообщал:

«В кронверке Св. Анны, на скале, в городском саду, находится место ставки графа Апраксина. С этого

пункта Император Петр I руководил осадою Выборга. На этом месте имеется высеченная в скале буква II₁ и крест. В 1872 году, при чествовании 200-летия рождения Петра I, здесь была отслужена панихида при строем войск выборгского гарнизона. В 1882 году это место обнесено решеткою усердием русского населения г. Выборга. Давнее желание русских жителей поставить на этом месте часовню до настоящего времени еще не удалось осуществить...»⁸.

Через год после выхода публикации, 18 июня (1 июля) 1901 года, генерал-губернатор Н. И. Бобриков с официальным визитом посетил Выборг, в ходе которого комендант крепости генерал-лейтенант Н. Н. Кайгородов подал докладную записку о необходимости сооружения нового крепостного собора ввиду тесноты и ветхости старой деревянной госпитальной гарнизонной церкви [9: 91–93]⁹. В качестве места расположения будущего собора комендантом была предложена «бывшая ставка Петра Великого в 1710 году». Территория была лично осмотрена и одобрена генерал-губернатором. В Свеаборге 29 июня (12 июля) 1901 года выборгский комендант получил телеграмму из Петергофа с сообщением, что идея «одобрена и Его Величество на святое это Всемилостивейше пожаловал пять тысяч рублей» [17: 119]¹⁰. В 1902–1903 годах полковником Клевезалем и инженер-капитаном Апышковым были разработаны несколько вариантов проекта православного трехпрестольного собора во имя Христа Спасителя в русско-византийском стиле на 1000 человек по образцу Ревельского Александро-Невского собора¹¹. Планы по строительству собора были отсрочены из-за начавшейся Русско-японской войны 1904–1905 годов [2: 36].

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СПОР

Основная полемика вокруг оформления русского памятного места в Выборге развернулась в прессе из-за земельного вопроса. Несмотря на то что Петровская скала располагалась посреди военной крепости Корона-Санкт-Анна, эта территория находилась в пользовании городского магистрата. В 1846 году при деятельном участии губернатора Казимира фон Котена высочайшим повелением городу была передана «в условное пользование» [2: 36] территория на мысе Терваниеми «для устройства сада»¹². В последующем у подножия скалы и наверху был разбит городской парк, для чего высажены дубы и лиственницы. Помимо панорамного вида на замок и город парк также привлекал людей рестораном «Фоффэнганс»¹³, как его называли в просторечии. В 1875 году был возведен новый павильон ресторана «Св. Анна», неподалеку от которого вскоре был построен кегельбан. Во-

прос об экспроприации переданной в пользование городу территории поднимался русской администрацией княжества еще в 1890-х годах [17: 120–122].

Финноязычные газеты «Виипури»¹⁴ и «Аамулехти»¹⁵ обращали внимание читателей на то, что Выборгская инженерная команда обращалась с иском в суд, который был отклонен во всех судебных инстанциях, после чего дело рассматривалось в Сенате, где военным властям также было отказано. В конечном итоге те обратились к генерал-губернатору Н. И. Бобрикову с просьбой отменить решение Сената и принудительно выкупить место за счет Финляндской казны¹⁶. Однако этот вопрос так и не был благополучно решен в пользу армии до наступления юбилейного года. В конечном итоге им пришлось обращаться напрямую к Великому князю Финляндскому. Во время доклада 29 апреля (12 мая) 1910 года Николай II повелел незамедлительно передать в распоряжение военных властей земельные участки

«в размерах, признанных военным ведомством необходимыми для возведения собора и памятника Императору Петру I... чтобы формальности по отчуждению оных были совершены в установленном законом порядке лишь впоследствии, дабы закладка собора и открытие памятника могли беспрепятственно состояться... 14 июня текущего года»¹⁷.

Официальный текст монаршей воли был опубликован в выпуске «Финляндской газеты» от 16 (29) мая¹⁸. Таким образом, русские власти признавали, что строительство собора и установка памятника Петру Великому будут производиться на формально не принадлежащей Военному министерству земле и что вопрос о передаче будет решаться «задним числом». Городской совет Выборга 26 мая 1910 года утвердил передачу земли, однако оставил за собой право потребовать компенсацию в размере 44 000 марок [17: 122]. Вопрос компенсации безуспешно рассматривался вплоть до 1917 года [2: 37] и, по мнению коменданта Выборгской крепости А. К. Петрова, не был решен из-за высокой цены компенсации в условиях больших расходов на ведение войны¹⁹.

Формальная сторона земельного вопроса мало смущала командование гарнизона и начальство. Номер шведскоязычной газеты «Виборс нюхетер»²⁰ от 29 апреля 1910 года вышел под заголовками «Статуя Петра Великого. Экспроприация парка Св. Анны – Снос построек». В заметке сообщалось, что начальник 22-го армейского корпуса, исполняя повеление императора, направил в Сенат через генерал-губернатора просьбу как можно скорее снести расположенные

на отчуждаемой земле кегельбан, а также беседку и ресторан. Автор заметки обращал внимание читателей на то, что

«запрос об экспроприации и о “сдаче места военным властям” поступил, как известно, запоздало. Помнится, как прошлым летом русские военные просто завоевали парк, они разбили лагерь и из-за выставленных вооруженных часовых публика лишилась доступа в это общественное место города Выборга»²¹.

Описание инцидента, произошедшего в июне 1909 года, опубликовано в одном из номеров столичной газеты «Хувудстадсбладет»²²:

«...не запрашивая разрешения у городских властей и даже не сообщая о ситуации, военные теперь установили целый платочный городок на территории бывшего постоянного двора, а на бывших бастионах, где помимо прочего находится памятное место Петра I, расположили батарею»²³.

ПЕРВЫЕ НОВОСТИ О ПАМЯТНИКЕ И ПУБЛИКАЦИИ О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

О планах установить в Выборге памятник Петру Великому общественность Великого княжества узнала из газет. Примечательно, что местные шведско- и финноязычные издания, первым из них была «Виборс Нюхетер», перепечатали новость из петербургских газет. В публикациях отмечалось, что скульптор Бернштам (в газетах – Бееренштам) получил заказ от Николая II на выполнение двух памятников царю Петру, которые будут оплачены заказчиком; один будет установлен в Санкт-Петербурге, а другой – в Выборге²⁴. Одной из последних об этой новости сообщила русскоязычная «Финляндская газета»²⁵. В начале февраля 1910 года главная шведскоязычная газета «Хувудстадсбладет» и региональные финноязычные газеты сообщали, что еще в начале 1908 года Николай II во время аудиенции выразил пожелание командующему Выборгской крепостью о том, чтобы 14 июня 1910 года при праздновании 200-летия взятия крепости Петром Великим «память о нем должна быть увековечена посредством возведения памятника и закладки камня в основание храма...»²⁶. Если сообщения о планах строительства гарнизонного собора долгое время печатались на страницах прессы, публикаций о воле потомка Петра ранее сентября 1909 года не удалось обнаружить.

Поспешность подготовительных работ к празднованию 200-летия взятия Выборга русскими войсками и принятие решений кулуарно, вероятно, не давали городским элитам благодатной почвы для реакции на страницах газет. В качестве редкого примера можно привести заметку в «Виборс Нюхетер» от 28 мая 1910 года:

«...через месяц исполнится двести лет с того момента, как шведский флаг был спущен с Выборгской крепости и она перестала оборонять Финляндию, здесь будет заложен камень в фундамент статуи завоевателя...»²⁷.

Таким образом, через год после всеимперского празднования юбилея Полтавской битвы местная шведскоязычная элита Выборга выразила свое отношение к образу Петра Великого и установке монумента царю в родном городе.

Несмотря на крайне сдержанное отношение прессы к навязанному памятнику, на ее страницах публиковались небольшие заметки, которые освещали некоторые детали работы над новым русским символом Выборга. Так, в номере «Хаминаан Лехти»²⁸ от 19 апреля сообщалось, что подряд на поставку гранита, как и другие работы с камнем при возведении памятника, получила компания АО «Восточно-Финляндский гранит»²⁹. А уже 25 мая «Виборс Нюхетер» в разделе «Ежедневная хроника» опубликовала новость о доставке из карьера Хямеенкуоля в Ведерлаксе на место установки гранитного постамента для скульптуры Петра Великого: «...постамент квадратный, высотой 3½ метра и весит около 40 000 кг»³⁰. Примечательно, что в более поздних публикациях торгового журнала «Меркатор»³¹ сообщалось, что вес постамента достигал 43 тонны, а в позднем русскоязычном выпуске – 32 тонны³².

ПРАЗДНОВАНИЕ 200-ЛЕТИЯ ВЗЯТИЯ ВЫБОРГА ВОЙСКАМИ ПЕТРА I И ОБРАЗ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Подготовка к празднованию 200-летия взятия Выборга проходила в больших хлопотах для гарнизона Выборга и среди русскоязычного населения княжества. Во избежание провокаций военные власти объявили, что на празднество можно попасть только по специальным приглашениям [17: 126]. В городе ходили слухи о прибытии на торжества императора, которые, однако, оказались не соответствующими действительности³³.

Подготовка внешнего убранства города закончилась вечером 12 (25) июня 1910 года. Наиболее подробные репортажи с места торжеств публиковались в «Финляндской газете» под псевдонимом «А. Шин»³⁴, а уже затем эти тексты перепечатывались на языках местной прессы. По словам русского корреспондента:

«...внимание привлекает величественно высящийся на горе, на особой возвышенной площадке, новый памятник Великому Завоевателю, благодаря государственной мудрости, энергии и самоотвержению которого пала шведская твердыня»³⁵.

В главный день юбилейных торжеств, 14 (27) июня, в 8 часов утра с Петровской горы были

даны пять пушечных выстрелов, которые известили горожан о начале торжеств. В это же время полурота крепостной артиллерии приняла от коменданта Императорский штандарт и отнесла к флагштоку у открываемого памятника³⁶. Пространные описания церемонии открытия монумента содержали перечисление делегаций, порядок церемонии, некоторые из них передавали пафос события:

«По провозглашению вечной памяти Державному Завоевателю Выборга, пелена спала, и глазам присутствующих предстал облик Великого Петра. Опираясь на орудие, Петр окидывает взглядом покоренный Выборг. Бронзовая статуя работы Беренштама на гранитном пьедестале, поставленном, на господствующей над городом возвышенности, весьма эффектна»³⁷.

Корреспонденты описывали праздничное убранство города государственными флагами, гербами, гирляндами и портретами покойного и здравствующего императоров. Особо подчеркивался факт «великолепной погоды», а все в совокупности создавало праздничное настроение: «...войско и русское население ликуют»³⁸.

Иная картина праздника и совсем другие настроения транслировались шведскоязычными элитами города. В номере «Виборс Нюхетер», вышедшем в кульмиационный день торжеств, на первой полосе под заголовком «Празднество...» помещена колонка, сообщавшая, что

«...местные жители холодно и подозрительно наблюдали за приготовлениями, они воспринимают их как демонстрацию ужасной судьбы, доставшейся им от злайшего врага из России. Стоит ли удивляться, что местные жители, несмотря на то что празднуется падение города их предков... стараются держаться от праздника настолько далеко, насколько это возможно»³⁹.

Описанное нарочитое дистанцирование от торжеств объясняется не только навязыванием нового русского мемориального комплекса местному населению, но и значением события в исторической памяти шведскоязычных горожан: «...над нами побежденными дует победный горн». В то время как многогранная личность царя-реформатора находила отклик в их сердцах:

«...государь, восставший против старорусского духа... прошли столетия, мы смогли забыть деспота, его кровожадность и стремление к завоеванию, которое погрузило нашу страну в невообразимое зло... помнить его тем, кто хотел научиться всему у нас, побежденных, и отсюда взять свет и воздух для могущественной державы, к которой нашу страну присоединили»⁴⁰.

Более того, автор смог найти примиряющую концовку своей заметки и актуализировать образ Петра Великого:

«Мы, возможно, могли бы... забыть наши разоренные дома и наших уведенных в рабство предков, а также в изменяющихся исторических обстоятельствах пре-возносить Великого, который нарушил сон жителей востока...»⁴¹.

В финноязычной прессе не удалось обнаружить столь эмоциональных откликов, как в шведскоязычной. Одной из причин был недопуск репортеров финских газет на празднование, поэтому они были вынуждены перепечатывать официальные сообщения Петербургского телеграфного агентства⁴².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ публикаций в прессе Великого княжества Финляндского дает возможность реконструировать картину социального конфликта национальных элит как Выборга, так и княжества вокруг установки памятника Петру I и формирования мемориального комплекса, включавшего гарнизонный православный собор. Поскольку конфликт разворачивался на фоне противоборства местных шведско- и финноязычных сообществ против политики русификации Финляндии и ущемления прав автономии, то, несомненно, установка памятника рассматривалась ими как враждебный акт «русского национализма». Стоит отметить, что наибольший эмоциональный отклик на события удалось обнаружить именно в шведскоязычных газетах, в которых предпринималась попытка интегрировать в свою историческую память образ русского царя в судьбе города и края. Авторами публикаций особое внимание уделялось любви Петра Великого к западным образцам, заимствованиям из Швеции, а также стремлению царя противопоставить себя «старой Москве» и «азиатскости», что, несомненно, было противопоставлением оппонентам – современникам славянофильских убеждений. Примечательна нарочитая сдержанность финноязычной прессы, которая лишь переводила на язык своих читателей официальные новостные колонки русско- и шведскоязычных изданий, занимая скорее позицию нейтралитета. Даже в социалистических и младофинских газетах не удалось обнаружить самостоятельных публицистических высказываний на рассматриваемую тему. Таким образом, в начале XX века споры вокруг установки памятника Петру I в Выборге проистекали в контексте борьбы национальных элит за формирование национальных мест памяти в городском пространстве поликультурного города, а также в политической борьбе за судьбу автономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первая в Выборге скульптура герою карело-финского эпоса «Калевала» Вяйнemейнену работы Г. Борупа была установлена в имении Монрепо в 1831 году и, по словам Д. С. Лихачева, была «первым в Европе памятником литературному герою». См.: [15: 26–29].
- ² Wiipuri. 1904. № 56. Heinäkuuta, 13. S. 2; Helsingin Kaiku. 1908. № 25–26. Kesäkuu, 27. S. 298.
- ³ Все даты приведены по Григорианскому календарю, использовавшемуся в Великом княжестве Финляндском; даты из русскоязычных источников приводятся по старому и новому стилям.
- ⁴ Tuomies (фин. Рабочий) – финноязычная рабочая газета, транслировавшая идеи социализма среди финских иммигрантов в США, издавалась с 1903 года.
- ⁵ Tuomies. 1908. № 173. Heinäkuu, 31. S. 4.
- ⁶ Финляндская газета. 1901. № 105. 17 (30) июля. С. 2.
- ⁷ Финляндская газета – официальная русскоязычная газета русского правительства на территории Великого княжества Финляндского, учрежденная генерал-губернатором Н. И. Бобриковым в 1900 году. Распространялась среди русскоязычного населения княжества, в первую очередь в гарнизонах Русской императорской армии, расквартированных в Финляндии.
- ⁸ Финляндская газета. 1900. № 116. 28 сентября (11 октября). С. 2.
- ⁹ Госпитальная церковь Свв. апп. Петра и Павла в Нейтсютниеми.
- ¹⁰ Финляндская газета. 1901. № 105. 17 (30) июля. С. 2.
- ¹¹ Kansallisarkisto (Mikkeli), Viipurin insinöörikomennuskunta, Viipurin insinöörikomennuskunnan linnoitus- ja rakennepiirustusten arkisto, P. Anna ja Tervaniemi, Aluekartta 1904–1904 (8:87); РГАВМФ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 217. Л. 1; Д. 218. Л. 1–8; Д. 219–211.
- ¹² Копия плана города Выборга с показанием сада предполагаемом при высотах занимавшихся лагерем Петра Великого от 18 января 1846 года. 1895 год // Kansallisarkisto (Mikkeli), Viipurin insinöörikomennuskunnan linnoitus- ja rakennepiirustusten arkisto, P. Anna ja Tervaniemi, Aluekartta 1846–1846 (8:28).
- ¹³ Ресторан «Фоффенган» (швед. fäfänga) – праздник, тщеславие.
- ¹⁴ Wiipuri (фин. Выборг) – финноязычная газета Восточной Финляндии, издававшаяся в Выборге с 1893 года, редакция с 1906 года придерживалась идей партии «старых финнов».
- ¹⁵ Aamulehti (фин. Утренняя газета) – финноязычная газета, издававшаяся в Тампере с 1881 года, редакция с 1905 года придерживалась идей партии «старых финнов».
- ¹⁶ Wiipuri. 1910. № 24. Tammikuu, 30. S. 4; Aamulehti. 1910. № 24. Tammikuu, 30. S. 4.
- ¹⁷ Финляндия. 1910. № 9. 10 (23) мая. С. 361. Редакторы двухнедельного русскоязычного журнала «Финляндия» П. Гусев и Д. Д. Протопопов старались дать «освещение так называемого “финляндского вопроса” и отражение несправедливых шовинистических нападков», журнал издавался в 1908–1910 годах.
- ¹⁸ Финляндская газета. 1910. № 72. 16 (29) мая. С. 1.
- ¹⁹ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2175. Л. 94.
- ²⁰ Wiborgs Nyheter (швед. Выборгские новости) – главная городская шведскоязычная газета Выборга, которая издавалась с 1899 года, с 1906 года редакция поддерживала Шведскую народную партию.
- ²¹ Wiborgs Nyheter. 1910. № 97. April, 29. S. 2.
- ²² Hufvudstadsbladet (швед. Столичная газета) – крупнейшая шведскоязычная газета, выпускалась с 1864 года в Гельсингфорсе. С 1906 года официальный печатный орган Шведской народной партии.
- ²³ Hufvudstadsbladet. 1909. № 166. Juni, 23. S. 9.
- ²⁴ Wiborgs Nyheter. 1909. № 205. September, 7. S. 2; Lappeenranta. 1909. № 102. Syyskuu, 9. S. 2; Tuomies. 1909. № 207. Syyskuu, 9. S. 4; Wiipuri. 1909. № 103. Lokakuu, 10. S. 2; Otava. 1909. № 208. Syyskuu, 10. S. 2; Sosialisti. 1909. № 208. Syyskuu, 10. S. 5; Haminan Lehti. 1909. № 101. Syyskuu, 11. S. 3; Wasa-Posten. 1909. № 73. September, 12. S. 3.
- ²⁵ Финляндская газета. 1909. № 135. 5 (18) сентября. С. 3.
- ²⁶ Hufvudstadsbladet. 1910. № 28. Januari, 29. S. 3; Aamulehti. 1910. № 24. Tammikuu, 30. S. 4; Wiipuri. 1910. № 24. Tammikuu, 30. S. 4–5; Kaleva. 1910. № 25. Helmikuu, 1. S. 3.
- ²⁷ Wiborgs Nyheter. 1910. № 120. Maj, 28. S. 1–2.
- ²⁸ Haminan Lehti (фин. Газета Хамины) – городская финноязычная газета, выпускавшаяся в Хамине с 1907 года, редакция придерживалась идей партии «старых финнов».
- ²⁹ Haminan Lehti. 1910. № 42. Huhtikuu, 19. S. 3.
- ³⁰ Wiborgs Nyheter. 1910. № 117. Maj, 25. S. 2.
- ³¹ Mercator – торгово-экономический журнал, изначально издавался на шведским языке А. Андерсоном в Гельсингфорсе, затем появились немецко-, французско- и англоязычные версии журнала. Совместно с издательством Капупалехти с 1912 года выпускался русскоязычный журнал «Экономист Финляндии».
- ³² Mercator: the trade journal of Finland. 1911. № 12. S. 186; Экономист Финляндии: ежемесячный журнал. 1915. № 6–7. С. 87.
- ³³ Helsingin Sanomat. 1910. № 144. Kesäkuu, 28. S. 3.
- ³⁴ А. Ш-ин – предположительно псевдоним генерал-лейтенанта М. М. Бородкина, одного из первых русскоязычных исследователей истории Финляндии, сподвижника Н. И. Бобрикова, активно печатавшегося в Финляндской газете.
- ³⁵ Финляндская газета. 1910. № 89. 17 (30) июня. С. 1.
- ³⁶ Финляндская газета. 1910. № 90. 19 июня (2 июля). С. 1.
- ³⁷ Финляндская газета. 1910. № 89. 17 (30) июня. С. 2.
- ³⁸ Финляндская газета. 1910. № 88. 15 (28) июня. С. 2.

³⁹ Wiborgs Nyheter. 1910. № 143. Juni, 25. S. 1.

⁴⁰ Ibid. S. 1.

⁴¹ Ibid. S. 1.

⁴² Suomalainen. 1910. № 71. Kesäkuu, 29. S. 3. Суомалайнен (фин. Финн) – финноязычная газета, выпускавшаяся в Ювяскюля с 1888 года, редакция придерживалась идей консервативной партии «старофиннов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Л. Г. Выборгская виктория // Северная война. Взгляд из Выборгского замка: Сб. ст. / Под ред. С. А. Абдулиной. Выборг: ГМ «Выборгский замок», 2010. С. 118–127.
2. Дмитриев В. В. Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Цитадель. 2004. № 11. С. 21–40.
3. Жирнова А. С., Мельнов А. В. Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 161–168.
4. Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. И. Соломеща и др. СПб.: Коло, 2005. 614 с.
5. Костоломов М. Н. Wiborgiana: Краеведческие очерки / Сост. С. И. Ковнер. СПб.: Остров, 2018. 632 с.
6. Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутссону // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 417–434.
7. Кудрявцева Л. Память, конфликт, памятник: публикация документов // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 435–447.
8. Лапин И. С. Путешествие в ближнюю Финляндию: Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVIII – начала XX веков. СПб.: Гйоль, 2021. 136 с.
9. Лапин И. С. Храмы Карельского перешейка. От старой до новой границы. СПб.: Остров, 2019. 272 с.
10. Мельнов А. В. Сколько лет исполнилось городу Выборгу? 725? 615? 308? 74? // Страницы Выборгской истории: Сб. ст. Книга третья / Под ред. А. В. Мельнова. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, 2019. С. 181–184.
11. Мельнов А. В. Историческая память о Петре Великом в полиэтническом Выборге XVIII–XIX веков // Образ Петра Великого в мировой культуре: Материалы XII Междунар. петровского конгресса (Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 г.). СПб.: Европейский дом, 2020. С. 561–572.
12. Михалкова Т. К. Память о Микаэле Агриколе в Финляндии и на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 21 (1). С. 9–18.
13. Мошник Ю. И. «Лишил чертеж остался у нас в руках...» (Нереализованные проекты монументального оформления городского центра Выборга) // Страницы Выборгской истории: Сб. ст. Книга третья. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, 2019. С. 120–134.
14. Мошник Ю. И., Ефимов М. В. Владимир Александрович фон Ден (1838–1900) – выборгский губернатор и статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского: страницы биографии // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. 2018. № 11. С. 92.
15. Мошник Ю. И., Ефимов М. В. Монрепо от «А» до «Я». Выборг: ГБУК ЛО ГИАПМЗ «Парк Монрепо», 2016. 184 с.
16. Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / Пер. с фин. В. М. Авцинова и др; Под ред. акад. А. Ю. Румянцева. Хельсинки: Ruslania, 2009. 844 с.
17. Hirn S., Härkäpää K. Rajatapaauksia: vanhan Viipurin ja Karjalan kulttuurimuistoja. Helsinki: Otava, 1964. 270 s.
18. Lähteenmäki M. The struggle for political space: A geohistory of public monuments in the Finnish town of Vyborg // Meanings of an urban space. Understanding the historical layers of Vyborg / K. Katajala. Zürich: LIT, 2016. S. 177–194.
19. Tainio K. Rajalinna politiikan näyttämönä Venäläisiä näkökulmia Viipurin linnan restaurointiin 1880–1890-luvuilla // Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura Toimitteita 22. Monumenteista tanssiaskeliin: Taiteiden ja kulttuurin Viipuri 1856–1944 on ilmestynyt / A. Ripatti, N. Koivisto. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura, 2020. S. 188–214.

Поступила в редакцию 02.06.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Alexey V. Melnov, Cand. Sc. (History), Research Coordinator, Vyborg's Associated Heritage Museum (Vyborg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-2901-6984; alexmelnov@yandex.ru

INSTALLATION OF MONUMENT TO PETER THE GREAT IN VYBORG: PERIODICAL PRESS COVERAGE

Abstract. At the beginning of the XX century, sites of memory for the main urban cultural communities – Swedish, Finnish, and Russian one – were formed in the urban space of Vyborg. This process resulted in the installation of

monuments to relevant cultural “heroes”. This installation caused confrontation between urban elites, which was reflected on the pages of the periodical press of the Grand Duchy of Finland. This article for the first time examines the collision of cultures, interests, and ideologies in Vyborg revealed by the installation of a monument to Peter the Great in 1910. The conflict between historical memories of urban cultures is investigated in the context of studies that address collective memory and the formation of national identity in one of the most detached regions of the Russian Empire. The installation of the monument to Peter the Great, which was meant to commemorate the 200th anniversary of the Siege of Vyborg, was received with hostility by Swedish and Finnish elites.

Keywords: Peter the Great, monument to Peter the Great, Leopold Bernstamm, the Grand Duchy of Finland, Vyborg, Tervaniemi, sites of memory

Acknowledgments. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the “Petrine Era” grant of the Russian Foundation for Basic Research for 2020–2022 (project No 20-09-42034).

For citation: Melnov, A. V. Installation of monument to Peter the Great in Vyborg: periodical press coverage. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.661

REFERENCES

1. Volkova, L. G. Vyborg's victory. *The Great Northern War. A view from the Vyborg Castle*. Vyborg, 2010. P. 118–127. (In Russ.)
2. Dmitriev, V. V. St. Anne's Crown fortress in Vyborg. *Citadel*. 2004;11:21–40. (In Russ.)
3. Zhirnova, A. S., Melnov, A. V. Petrovskaya cliff in Vyborg as a historic site of Russian town history: before and after 1917. *Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe*. 2018;19(2):161–168. (In Russ.)
4. Klinge, M. Imperial Finland. St. Petersburg, 2005. 614 p. (In Russ.)
5. Kostolomov, M. N. Wiborgiana: Essays on local history. St. Petersburg, 2018. 632 p. (In Russ.)
6. Kudryavtseva, L. Struggle for a “place of memory” in the Empire: the history of the monument to Tyrgils Knutsson, the founder of Vyborg. *Ab Imperio*. 2004;2:417–434. (In Russ.)
7. Kudryavtseva, L. Memory, conflict, monument: publication of documents. *Ab Imperio*. 2004;2:435–447. (In Russ.)
8. Lapin, I. S. Travelling to neighboring Finland (Vyborg, Kexholm and the Karelian Isthmus) through the eyes of Russian travelers between the XVIII and the early XX centuries. St. Petersburg, 2021. 136 p. (In Russ.)
9. Lapin, I. S. Churches of the Karelian Isthmus: from the old to the new border. St. Petersburg, 2019. 272 p. (In Russ.)
10. Melnov, A. V. How old is Vyborg? 725? 615? 308? 74? *Pages of Vyborg history: Collection of articles. Book three*. Vyborg, 2019. P. 181–184. (In Russ.)
11. Melnov, A. V. Historical memory of Peter the Great in multiethnic Vyborg of the XVIII–XIX centuries. *Image of Peter the Great in world culture: Proceedings of the XII Peter the Great International Congress*. St. Petersburg, 2020. P. 561–572. (In Russ.)
12. Mikhalkova, T. K. Memory of Mikael Agricola in Finland and Karelia. *Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe*. 2019;21(1):9–18. (In Russ.)
13. Moshnik, Yu. I. “Only the drawing remained in our hands...” (Unrealized projects of the monumental design of Vyborg city center). *Pages of Vyborg history: Collection of articles. Book three*. Vyborg, 2019. P. 120–134. (In Russ.)
14. Moshnik, Yu. I., Efimov, M. V. Vladimir Aleksandrovich von Daehn (1838–1900), the Governor of Vyborg and the State Secretary for the Grand Duchy of Finland: pages of biography. *Germans in Saint Petersburg: The biographical aspect. XVIII–XX centuries*. 2018;11:92. (In Russ.)
15. Moshnik, Yu. I., Efimov, M. V. Monrepos from A to Z. Vyborg, 2016. 184 p. (In Russ.)
16. Jussila, O. The Grand Duchy of Finland, 1809–1917. Helsinki, 2009. 844 p. (In Russ.)
17. Hirn, S., Häkämäki, K. Rajatapauksia: vanhan Viipurin ja Karjalan kulttuurimuistoja. Helsinki, 1964. 270 s.
18. Lähteenmäki, M. The struggle for political space: A geohistory of public monuments in the Finnish town of Vyborg. *Meanings of an urban space. Understanding the historical layers of Vyborg*. Zürich, 2016. S. 177–194.
19. Tainio, K. Rajalinna politiikan näyttämöön Venäläisiä näkökulmia Viipurin linnan restaurointiin 1880–1890-luvulla. *Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura Toimitteita 22. Monumeteista tanssiaiskeliin: Taiteiden ja kulttuurin Viipuri 1856–1944 on ilmestynyt*. Helsinki, 2020. S. 188–214.

Received: 2 June, 2021; accepted: 26 July, 2021

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЧЕЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6541-244X; evg-pchelov@yandex.ru

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОГО ЦАРСТВА В ТИТУЛЬНОЙ ТЕРРИОРИАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию территориальных гербов XVI–XVII веков, которые служили обозначением земель Предуралья и Зауралья, постепенно входивших в сферу влияния Московского государства. В центре внимания – комплекс шести таких гербов: Югорского, Пермского, Вятского, Удорского, Обдорского и Кондинского. Авторставил задачу проследить историю этих гербов и эволюцию их изображений, определив те принципы, в соответствии с которыми создавались и изменялись гербы. Комплекс территориальных гербов теснейшим образом связан с историей царского титула. Уже в середине XV века Московское княжество установило протекторат над землями Вятки и Перми, что обусловило включение этих названий в формировался территориальный титул русских государей. Причиной новой редакции территориального титула (1484) стал успешный поход на Югру, а появление в титуле новых названий земель этого региона было связано с походом 1499–1500 годов. Таким образом, к 1514 году сложился тот комплекс титульных наименований, который является объектом исследования в данной работе. Первые геральдические печати этих земель известны со второй половины XVI века и зафиксированы на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов. Изображения на них отражали охотничий промысел, характерный для этих территорий и связанный в основном с добычей пушных зверей. Иными словами, первые геральдические изображения символизировали местные природно-хозяйственные особенности. Но уже в правление Михаила Федоровича началось постепенное дополнение старых гербов новой символикой, а в 1670-х годах некоторые гербы даже были созданы заново (часть из них под влиянием западноевропейской геральдики). В результате семантика гербов этих земель стала более сложной. В гербах была усиlena христианская символика: появились крест и евангелие. Этот процесс был характерен и для других титульных гербов Московского царства. Первоначальная геральдическая визуализация местных особенностей регионов была дополнена общегосударственной религиозно-идеологической эмблематикой.

Ключевые слова: геральдика, Московское царство, титул, территории, эмблематика

Благодарности. Статья подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSZG-2020-0019 (регистрационный номер ААА-А20-120070890028-5).

Для цитирования: Пчелов Е. В. Северо-восточные земли Русского царства в титульной территориальной геральдике XVI–XVII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.662

ВВЕДЕНИЕ

В Большом государственном гербе Российской империи, который был утвержден в 1882 году, среди шести щитов с территориальными гербами в верхней части композиции один щит, согласно описанию, соединял в себе гербы «Северо-Восточных областей Империи» [5: 58]. Он состоял из пяти гербов – Пермского, Вятского, Болгарского, Обдорского и Кондийского, из которых четыре действительно символизировали обла-

сти, расположенные к северо-востоку от основного ядра формирования Московского царства, а один герб, Болгарский, означал территории в верховьях Волги, то есть земли бывшей Волжской Болгарии (Булгарии), и к «северо-восточным» мог быть причислен лишь весьма условно. В другом объединенном гербе, «Княжеств и областей Великороссийских», присутствовали еще два герба, относящихся к северо-восточным областям, – Югорский и Удорский. Иными сло-

вами, можно говорить о целом комплексе титульных гербов – Пермском, Вятском, Югорском, Удорском, Обдорском и Кондинском, которые означали земли Приуралья и Зауралья, вошедшие в орбиту формирования Русского государства на протяжении XV – начала XVI века. Перечисленные топонимы маркировали северо-восточную часть тех территорий, на которые простиралась (реально или номинально) власть московских государей в этот период, то есть еще до начала дипломатического, а затем и военного подчинения Сибирского ханства. В более раннее время некоторые из этих земель оказывались в зоне влияния Новгородского государства, но включение их в орбиту Московского великого княжества было столь значимым для его правителей, что их наименования пополнили территориальный титул московских государей. Каждый раз этому предшествовали определенные военные или политические события, а само появление новых названий в титуле объяснялось также общими, этапными изменениями в его структуре.

* * *

Самым ранним из рассматриваемого комплекса титульных обозначений по времени возникновения стало наименование «permский». Впервые в титуле московских великих князей оно появилось в 1449 году в докончании Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV¹. В нем в титуле Василия II упоминаются четыре территориальных наименования: «московский и новгородский и ростовский и permский». По-видимому, такой территориальный титул был обозначен в грамоте по аналогии с территориальным титулом Казимира, который также состоял из четырех наименований. Однако в последующих документах московского двора до времени правления Ивана III территориальный титул великих князей не употреблялся, а название «permский» возникло в нем вновь только в 1484 году [1: 241]. Теперь оно занимало последнее место среди других семи титульных объектов, вслед за «югорским» и «вятским», которые впервые оказались в числе таковых. Иными словами, именно в 1484 году произошла определенная реформа территориального титула, в который вошли и наименования северо-восточных областей. Одной из причин этого, по всей видимости, было конкретное военно-политическое событие – поход на Югру московских воевод князя Федора Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыкова Травина, который состоялся летом 1483 года. Тогда «князей югорских воивали и в полон повели»² (впоследствии князья были отпущены на свои земли). С этого момента в ти-

туле обозначался протекторат московских правителей над Юграй. Что же касается Перми, то ее присутствие в титуле еще в 1449 году объясняется, по-видимому, тем, что Пермь, считавшаяся новгородской волостью уже с конца XIV века, попала в сферу подчинения московских князей. Так, в 1386 году Дмитрий Донской отвоевал у новгородцев свои вычегодские волости, а на рубеже 1440–1450-х годов князья как Великой Перми, так и Вычегодской стали вассалами Василия II (см. [3: 58], [10: 36–37]). Вятская же земля попала под сюзеренитет московских князей после присоединения Великого княжества Нижегородского, а владением Ивана III стала по завещанию Василия II в 1462 году, чему предшествовал успешный поход на Вятку московского войска под началом князя Ивана Юрьевича Патрикеева в 1459 году [1: 298–299]. Таким образом югорский, вятский и пермский титулы окончательно установились в составе территориальной части титула московских государей с 1484 года.

Три других рассматриваемых титульных обозначения – удорский, обдорский и кондинский – появились в титуле в 1514 году уже при Василии III. Впервые они зафиксированы в договорной грамоте великого московского князя с императором Максимилианом I от 4 августа 1514 года. При создании нового титула в Москве ориентировались на структуру титула императора (см. [8]), а интересующие нас наименования вошли во вторую часть великокняжеского территориального титула, заняв в нем заключительные места. В целом территориальный титул теперь состоял из двух частей, каждая из которых заканчивалась перечислением земель на северо-востоке великокняжеских владений: первая часть – обозначениями «и Югорский, и Пермский, и Вятский, и Болгарский и иных», а вторая – «и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных». Это, безусловно, показывает, что новые наименования выступали как бы парой к старым. Здесь особенно любопытным представляется сочетание «Удорский и Обдорский». Удорская земля находилась в Предуралье и соседствовала с Пермской и Вятской, в то время как Обдорское и Кондинское княжества располагались в Зауралье по берегам Оби и ее притоков. Тем самым получалось, что Удорская земля во второй части территориального титула как бы соотносилась с положением Пермской в первой его части. Заслуживает внимания тот факт, что наименование «Пермский» поменялось местами с «Вятским» титулом, заняв положение в первой части титула, точно соответствующее месту «Удорского» титула во второй. Однако и само сочетание «Удорский и Обдорский» рождало определенное созвучие. Подобно-

го рода созвучные соседние наименования были и в территориальных титулах европейских монархов (в титуле императора – «Голландский и Зеландский», в титуле польско-литовских государей – «Русский и Прусский»), на которые ориентировались создатели московского титула. Однако появление в титуле Василия III наименований Обских княжеств также было связано с конкретными предшествующими военно-политическими событиями. В 1499–1500 годах состоялся большой поход в Зауралье под началом воевод князя Семена Федоровича Курбского, князя Петра Федоровича Ушатого и Василия Ивановича Бражника Заболоцкого, в результате которого было захвачено более 40 городков и взято в плен почти 60 местных князьков [11: 103]. Эта масштабная военная экспедиция и позволила включить наименования Обских княжеств в территориальный титул московских правителей. Таким образом, с 1514 года все шесть рассматриваемых территориальных объектов нашли свое место в титуле и с тех пор оставались в нем до конца истории российской монархии.

Геральдическое обозначение этих земель, как и других титульных объектов, впервые зафиксировано на Большой печати Ивана Грозного, создание которой датируется концом 1570-х годов [12: 178–180], [13], [14]. Центральные изображения с двуглавыми орлами на двух сторонах этой печати окружены печатями земель, расположенных в точном соответствии с порядком их перечисления в царском титуле, который дан в легенде. На каждой из сторон представлено по 12 территориальных эмблем, но 5 из них – это заимствования из западноевропейской геральдики, поэтому собственно к русской геральдической традиции можно отнести только 19. Из этих 19 четыре печати имеют символические изображения, носящие чисто эмблематический характер. В остальных случаях изображения на земельных печатях очень просты и представляют собой фигуры различных животных (12) или предметов вооружения (3). Эмблемы интересующих нас титульных объектов относятся как раз к этой категории, однако в ряде случаев в силу условности изображений точная идентификация животных затруднена.

На печати Югорской изображена белка – один из важных объектов охотничьего промысла лесной полосы и традиционный объект сбора дани. Сопряжение Югорской земли с распространностью там белки известно и по другим древнерусским источникам. Так, в Ипатьевской летописи под 1114 годом говорится о том, что, по рассказам ходивших «за Югру и за Самоядь», «яко видивше сами на полунощных странах спаде туча и в тои тучи спаде веверица млада акы топер-

во рожена и възрастъши и расходится по земли»³. В отличие от Югорской печати четвероногий зверь, изображенный на Пермской, не поддается точной идентификации. Длина его хвоста не позволяет соотнести его с лисицей или волком. Возможно, это росомаха, во всяком случае ясно, что и здесь на печати изображен представитель местной фауны. На печати Вятской изображен лук со стрелой, символизирующий, по-видимому, традиционный охотничий промысел местных жителей. На печатях Удорской и Обдорской также помещены хищные пушные звери, напоминающие лисиц. Поскольку впоследствии именно лисицы стали геральдическими эмблемами этих земель, то можно думать, что появились они еще на печати Ивана Грозного. Наконец, на печати Кодинской помещен олень с небольшими рогами, возможно, это и какой-то другой представитель копытных того же семейства. Эти примеры показывают, что на данных земельных печатях (как и на большинстве других) нашли отражение прежде всего местные особенности. Иными словами, первые территориальные эмблемы непосредственным образом соотносились с теми территориями, которые они символизировали. Это вполне традиционный путь для земельной геральдики, который был характерен для нее и в период Российской империи.

Следующие памятники, на которых представлены земельные титульные эмблемы (гербы), относятся уже к эпохе первых Романовых. Однако до «Титулярника» 1672 года в нашем распоряжении нет источников, в которых были бы отражены все территориальные эмблемы, поэтому об эволюции некоторых из них (а анализируемые эмблемы, напомним, относятся к завершающим частям титула) нет достоверных сведений. 1626 годом датируется первая сохранившаяся до нашего времени роспись печатей, в которых описываются изображения на некоторых из них⁴. В ней из интересующих нас печатей упоминается только Вятская – «лук да стрела, да человечья рука», которая повторяет печать конца 1570-х годов, за исключением добавленной к луку со стрелой руки. Именно так изображена вятская эмблема и на саадачном покровце Большого наряда, сделанном, вероятно, в конце 1620-х годов, когда происходило создание целого комплекса новых регальных предметов для Михаила Федоровича. Помимо вятской печати на покровце также представлена и печать Пермская, на которой показан идущий медведь с поднятой передней лапой. Как помним, на печати Ивана Грозного Пермскую землю символизировал какой-то хищный пушной зверь с хвостом, на медведя не похожий. Но медведь на той же Большой печати служил эмблемой Тверской. На самом деле

он должен был быть эмблемой Смоленской, поскольку медведь представлял собой герб Смоленской земли в составе Великого княжества Литовского, но на Большой печати произошла инверсия двух изображений – тверской и смоленской печатей из-за зеркального соотношения матрицы и оттиска [7: 172–173]. На саадачном покровце тверская печать «восстановила» свое первоначальное изображение (трон с лежащим на нем венцом («шапкой»)), а медведь, который должен был символизировать Смоленскую землю, был атрибутирован Пермской земле. С этого момента и началась история пермского геральдического медведя, который также вполне естественным образом отражал местные природные особенности этого края. Пермская и вятская печати с теми же изображениями помещены и на еще одном саадачном покровце, сделанном, по-видимому, в период царствования Алексея Михайловича⁵.

Следующим памятником, на котором изображены некоторые титульные печати, является так называемое гербовое (или «гербовое») знамя, сделанное по царскому указу от 13 октября 1665 года (работа над ним была закончена в 1666 году, а встречающаяся в историографии датировка – 1678 год – ошибочна) [4: 74–78]. В источниках, связанных с его созданием, приводятся описания этих печатей, среди которых есть печать Пермская – «медведь идущий» и Вятская – «рука человека стреляет из лука». Пермский медведь встречается среди других земельных эмблем и на двух саадаках – царевича Алексея Алексеевича 1667 года и царя Алексея Михайловича 1673 года⁶. Удивительным образом на всех этих памятниках отсутствует югорская печать, несмотря на то что в титуле это наименование следует перед пермским и вятским.

Наконец, полный состав всех территориальных эмблем (гербов) можно видеть на страницах «Царского Титулярника» – «Большой Государевой книги», работа над которой велась в Посольском приказе с конца 1671 года по конец мая 1672 года (с первого экземпляра в том же 1672 году было сделано еще две копии). В нем среди прочих гербов были представлены 33 земельных эмблемы, которые охватывали весь территориальный царский титул. Именно в «Титулярнике» эти эмблемы приобрели свой почти окончательный вид. Из интересующих нас гербов в Пермском и Вятском была усиlena христианская символика – тенденция, хорошо заметная и в отношении других титульных гербов «Титулярника». Так, в Пермском гербе на спине медведя оказалось евангелие, увенчанное крестом, а в Вятском крест был добавлен в верхнюю часть щита, заняв место над луком со стрелою. Полнотостью новым был Югорский герб. Он представлял

собой две выходящие из облаков руки, держащие перекрещенные иксобразно копья. Таким образом, вновь композиционно получался крест. В трех гербах из заключительной части территориального титула, напротив, христианская символика не нашла никакого отражения. Гербы Удорский и Обдорский были совершенно одинаковы. И тот, и другой представляли лисиц, даже объединенных в одном картуше. Кондинский же герб изменился. Теперь на нем помещалось изображение дикого лесного человека с дубиной (сильвана), который в западноевропейской геральдике символизировал «дикие», северные территории. Здесь, возможно, сказалось влияние скандинавской, прежде всего шведской, титульной геральдики, где подобная фигура символизировала Лапландию [9]. Иными словами, к эмблематике с Большой печати Ивана Грозного восходили в чистом виде только три из рассматриваемых гербов – Вятский, Удорский и Обдорский. Очевидно, что в некоторых случаях в новых вариантах титульных гербов большое место отводилось христианской символике (прежде всего в виде креста), однако природные и географические особенности этих земель сохранились в этом комплексе изображений.

Изображения гербов из «Титулярника» оказывали влияние и на геральдические рисунки на других памятниках. Так, в 1675 году мастер Юрий Фробос сделал для Алексея Михайловича золотую тарель, богато увенчанную эмалевым декором с изображением титульных гербов (см. [6: 123–124]). В этих изображениях, впрочем, объединились как бы обе геральдические традиции – и традиция «Титулярника», и предшествующая ей. На тарели отсутствует изображение Югорского герба, зато представлены Пермский, Вятский, Удорский и Обдорский. Пермский медведь лишен евангелия с крестом, а в Вятском гербе крест также отсутствует – ясно, что Фробос опирался при этом на те источники, которые были созданы еще до создания «Титулярника». Однако о знакомстве мастера с «Титулярником» говорит характерное расположение удорского и обдорского гербов: они объединены в одном щите. В обоих случаях это белые лисицы, но на полях разных цветов: удорская на зеленом, а обдорская – на красном.

По-видимому, в те же годы было создано и «Описание гербам» – древнерусский текст, в котором представлены описания земельных гербов царского титула. В целом они соответствуют рисункам «Титулярника», хотя и не во всех деталях. Югорский герб описан в нем так: «Две руки из облака держат копья накрест». Пермский: «Медведь белой, на нем Евангелие со крестом». Вятский: «Рука из облака держит лук со стрелою,

поверху крыж». Удорский и Обдорский: «Две лисицы». Кондинский: «Человек наг с палкою в травном венце» [2: 86–87]. На этом изобразительная эволюция гербов северо-восточных земель Московского государства завершилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, территории Предуралья и Зауралья начали попадать в зону влияния московских князей еще в конце XIV века. Уже в середине XV века Московское княжество установило протекторат над землями Вятки и Перми, и, хотя это подчинение во многом оставалось формальным, именно оно обусловило включение этих наименований в формировавшийся территориальный титул русских государей. Поход на Югру 1483 года вызвал к жизни новую редакцию территориального титула, а поход в Зауралье московских воевод в конце XV века открыл возможность для пополнения титула новыми территориальными названиями Зауралья в 1514 году. Геральдическое воплощение этих земель, известное со второй половины XVI века, первоначально отражало охотничий промысел на их территории, преимущественно связанный с добычей пушных зверей. Но уже в царствование Михаила Федоровича начался процесс постепенного

дополнения гербов христианской символикой, а в 1670-х годах некоторые геральдические изображения были изменены кардинально. Усиление христианской семантики этих гербов (которое заметно и в титульных гербах других территорий) привело к тому, что первоначальный принцип формирования гербов, согласно которому они должны были отражать местные, прежде всего природно-хозяйственные, особенности земель, оказался менее выраженным, уступив место иным символическим коннотациям. Идея христианского характера Московского царства была последовательно проведена в корректировке гербовых эмблем, в том числе и земель с изначально нехристианским населением. Кроме того, комплекс титульных гербов испытал влияние и западноевропейской геральдической традиции, откуда были заимствованы не только принципы структурного построения титульных эмблем, но и сами некоторые эти эмблемы (сильван в Кондинском гербе). В результате символический характер визуализации местных природных особенностей северо-восточных территорий Московского царства стал семантически более насыщенным и отражал уже не только (и не столько) местную специфику, но и общие идеино-религиозные ориентиры государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 53. С. 160.
- ² Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 49. Ср. с. 95.
- ³ Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 277.
- ⁴ РГАДА. Ф. 136. Д. 1. Л. 3.
- ⁵ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. III. М., 1885. С. 340–341.
- ⁶ Там же. С. 327–328, 330–331.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А го ш т о н М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. 462 с.
2. Б е л о б р о в а О. А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. № 85. М., 2005. С. 81–88.
3. В е р ш и н и н Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. 504 с.
4. Г о л о в а н о в а М. П. Знамена второй половины XVI–XX века. Т. 1. Знамена второй половины XVI – начала XVIII века: Каталог собрания ГИКМЗ «Московский Кремль». М., 2019. 351 с.
5. Л у к о м с к и й В. К., Т и п о л ё т Н. А. Русская геральдика. М., 1996. 97 с.
6. М а р ты н о в а М. В. Московская эмаль XV–XVII веков: Каталог. М., 2002. 304 с.
7. П ч е л о в Е. В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV – XVII вв. М., 2011. 204 с.
8. П ч е л о в Е. В. К истории территориального титула русских государей середины XV – середины XVI в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 81–90.
9. П ч е л о в Е. В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 300–303.
10. С е м ё н о в О. В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 34–45.
11. С к р и н и к о в Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 256 с.
12. Х о р о ш к е в и ч А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 16–376.
13. L i n d J. Ivan IV's Great State Seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian War // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 33. München, 1985. P. 481–494.

14. Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. Westdeutscher Verlag Opladen, 1972. 87 s.

Поступила в редакцию 24.05.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Evgeniy V. Pchelov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-6541-244X; evg-pchelov@yandex.ru

NORTHEASTERN LANDS OF THE RUSSIAN TSARDOM IN TERRITORIAL TITULAR HERALDRY OF THE XVI–XVII CENTURIES

A b s t r a c t. The article presents the study of the territorial coats of arms of the XVI and the XVII centuries used to identify the lands in the Pre-Urals and Trans-Urals that gradually entered the sphere of influence of the Moscow state. The author focuses on the complex of six such coats of arms – for Yugra, Perm, Vyatka, Udmuria, Obdoria and Kondia territories. The author aims to trace the history of these coats of arms and the evolution of their images, as well as identify the principles according to which these coats of arms were formed and changed. The complex of territorial coats of arms is closely connected with the history of the Tsar's title. As early as in the middle of the XV century, the Moscow Principality established a protectorate over the lands of Vyatka and Perm, after which their names were added to the territorial title of the Russian sovereigns that was being formed. The reason for a new version of the territorial title (1484) was the successful march on Yugra, and new names of the lands of this region were included into the title after the campaign of 1499–1500. Thus by 1514, the complex of titular names that served as the object of this research was formed. The first heraldic seals of these lands are known from the second half of the XVI century and are depicted on the Great Seal of Ivan the Terrible dating back to the late 1570s. The images on them were connected with hunting, which was a traditional occupation for these territories where people mainly hunted for fur animals. In other words, the first heraldic images symbolized local natural and economic characteristics. However, during the reign of Mikhail Fyodorovich new symbols were gradually added to the old coats of arms, and in the 1670s some totally new coats of arms were created (some of them were influenced by western European heraldry). As a result, the semantics of the coats of arms of these lands became more complicated. Christian symbolism was strengthened, and such Christian symbols as the cross and the Gospel appeared on several coats of arms. This process also affected other titular coats of arms of the Moscow Tsardom. Initial heraldic visualization of regional characteristics was supplemented with national religious and ideological emblems.

К e y w o r d s : heraldry, Moscow Tsardom, title, territories, emblem studies

A c k n o w l e d g e m e n t s . The article was written at the Russian State University for the Humanities as part of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project FSZG-2020-0019 (registration number AAAA-A20-120070890028-5).

F o r c i t a t i o n : Pchelov, E. V. Northeastern lands of the Russian Tsardom in territorial titular heraldry of the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.662

REFERENCES

1. Agoston, M. Grand Ducal Seal of 1497. The history of the formation of Russian state symbols. Moscow, 2005. 462 p. (In Russ.)
2. Belobrova, O. A. Old Russian Description of Coats of Arms of the late XVII century. *Gerboved*. Moscow, 2005;85:81–88. (In Russ.)
3. Vershinin, E. V. Russian colonization of north-western Siberia in the late XVI and the XVII centuries. Yekaterinburg, 2018. 504 p. (In Russ.)
4. Golovanova, M. P. Banners of the period from the second half of the XVI to the XX century. Vol. 1. Banners of the period from the second half of the XVI to the early XVIII century. Moscow, 2019. 351 p. (In Russ.)
5. Lukomskiy, V. K., Tipol't, N. A. Russian heraldry. Moscow, 1996. 97 p. (In Russ.)
6. Martynova, M. V. Moscow enamel between the XV and the XVII centuries: Catalogue. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
7. Pchelov, E. V. Bestiary of the Tsardom of Moscow: animals in the emblems of Moscow Russia between the late XV and the XVII centuries. Moscow, 2011. 204 p. (In Russ.)
8. Pchelov, E. V. The history of the territorial title of Russian sovereigns from the mid-XV to the mid-XVI centuries. *Issues of diplomatics, codicology and archaeography of official records: Proceedings of the XXIV international research conference*. Moscow, 2012. P. 81–90. (In Russ.)
9. Pchelov, E. V. Scandinavian heraldry in Russian territorial symbols of the XVI–XVII centuries. *Supporting historical disciplines within the framework of humanitarian knowledge: Proceedings of the XXI international research conference*. Moscow, 2009. P. 300–303. (In Russ.)
10. Semyonov, O. V. Establishing the time when Perm the Great became a part of the Moscow state. *Izvestia of Ural State University*. 2004;31:34–45. (In Russ.)
11. Skrynnikov, R. G. Yermak's expedition to Siberia. Novosibirsk, 1982. 256 p. (In Russ.)
12. Khoroshkevich, A. L. Coat of arms. *Russia's coat of arms and flag. X–XX centuries*. Moscow, 1997. P. 16–376. (In Russ.)
13. Lind, J. Ivan IV's Great State Seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian War. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 33. München, 1985. P. 481–494.
14. Stökl, G. Testament und Siegel Ivans IV. Westdeutscher Verlag Opladen, 1972. 87 s.

Received: 24 May, 2021; accepted: 26 July, 2021

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ТЕТЕРЕВЛЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0290-9480; t.teterevleva@narfu.ru

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ШУРУПОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова;
научный сотрудник
Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2842-7439; e.shurupova@narfu.ru

ПЕТР I В АРХАНГЕЛЬСКЕ: ОСОБЕННОСТИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ КОММЕМОРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена созданию и трансформации одного из мест памяти, связанных с пребыванием Петра I на Русском Севере. История сооружения и восстановления памятника Петру I в Архангельске, представленная в рамках исследований коллективной памяти, дает возможность проследить взаимодействие между локальной мемориальной культурой и официальным историческим нарративом Российской империи, а затем Советского государства. Цель работы – выявить региональные особенности обоснования монументальной коммеморации исторического деятеля. На основе документов Государственного архива Архангельской области, материалов периодической печати представлены основные этапы конструирования места памяти, впервые приведена характеристика связанных с ним коммеморативных практик, уточнены особенности взаимодействия между их участниками. Авторы показывают, что монументальная коммеморация Петра I не только основывалась на событиях местной истории, но, выделяя в качестве ключевого события Полтавскую победу, ставила в центр внимания военную историю России в целом.

Ключевые слова: памятник Петру I, Архангельск, М. М. Антокольский, коллективная память, монументальная коммеморация

Благодарности. Выражаем признательность сотрудникам Государственного архива Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова.

Для цитирования: Тетеревлева Т. П., Шурупова Е. Е. Петр I в Архангельске: особенности монументальной коммеморации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.663

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы коллективной памяти – разделяемых в обществе представлений об историческом прошлом – уже не первое десятилетие привлекают внимание представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания. Междисциплинарные исследования в рамках *memory studies* представлены многочисленными трудами, освещавшими формирование, эволюцию и способы презентации представлений о прошлом [3], [10], [11], [14], [15], [18]. Важным направле-

нием этих исследований является изучение особенностей коллективного «(вс)поминания» (коммеморации) значимых исторических событий и личностей, которое, с одной стороны, опирается на устоявшиеся образы прошлого, а с другой – является объектом символической политики государства [5], [7], [8], [9], [13]. Значимой формой такого «вспоминания» выступает монументальная коммеморация – создание памятников, мемориальных архитектурных сооружений, а также связанные с ними ритуалы и церемонии [4], [16], [17], [19]. Сооружение памятника Петру I

в Архангельске является одним из примеров такой коммеморации.

* * *

Петр трижды приезжал в Архангельск: в 1693, 1694 и 1702 годах. Первым монументальным свидетельством пребывания Петра на Архангельском Севере стал небольшой бревенчатый дом, срубленный к его третьему приезду на Марковом острове, напротив строившейся Новодвинской крепости и впоследствии получивший известность как «домик Петра I». В первые же приезды царь жил на Мoseевом острове¹ близ Архангельска. В начале XIX века остров, где

«незабвенный преобразователь России Петр Великий, осчастливив в первый раз посещением своим город Архангельск, вышел на берег... 30 июля 1693 года... и изволил иметь пребывание в нарочно устроенных на сей случай домиках, называвшихся светлицами»,

стал местом первых посвященных Петру коммеморативных церемоний:

«В достопамятный день этого события 30 июля сего года, согласно желанию всех сословий города Архангельск на том на самом острове Мoseева совершило было Преосвященным Георгием, Епископом Архангельским и Холмогорским торжественное молебствие, сопровождавшееся после того приличным дню сему празднованием»².

Однако и Мoseев, и Марков острова не являлись частью собственно города, что, вероятно, и обусловило появление идеи о создании связанного с приездами Петра на Север «места памяти»³ в городском пространстве Архангельска. Именно в этом контексте впервые был поднят вопрос о сооружении памятника Петру I в Архангельске. 28 сентября 1841 года, за два года до 150-летнего юбилея первого посещения города Петром, вице-губернатор М. Ф. Ножин направил следующее прошение на имя военного губернатора Архангельска И. И. Сулимы:

«На празднестве 30 июля сего года учрежденном в память первого прибытия к городу Архангельску Великого преобразователя и благодетеля России, бла́женная память императора Петра Великого, вы соизволили быть свидетелем общего желания жителей Архангельска упрочить в память потомства незабвенный для Архангельска день первого прибытия сюда Его величества 30 июля 1693 году, устроением памятника сего события»⁴.

К прошению прилагались подписные листы с почти тремя сотнями подписей жителей города – представителей разных сословий⁵.

Стоит отметить, что для архангелогородцев это был не первый опыт сбора подписей за строительство памятника. В 1829 году в Архангельске был открыт памятник М. В. Ломоно-

сову, сооруженный на собранные по подписке деньги⁶. Эта кампания скорее была общероссийской и столичной инициативой, нежели местной: объявления о сборе средств публиковались в периодической печати, в числе жертвователей был и сам император Николай I. Как отмечает С. А. Еремеева,

«в сборе средств принимали участие и купцы, и Архангельское мещанско общество (правда, как всегда в российском контексте, нельзя понять, связано это с гражданским или с общинным сознанием и привычкой жертвовать на дело, объявленное богоугодным)» [4: 349].

Тем не менее, скорее всего, именно этот пример стал источником вдохновения для начала сбора подписей за сооружение в Архангельске памятника Петру I.

Памятник, который предполагалось создать «из камня здешней губернии в виде колонны», призван был увековечить первое посещение города «преобразователем России». Вызывает интерес обоснование сооружения памятника: приезды Петра в Архангельск представлены в прошении «началом и главным виновником нынешнего благоденствия города и коммерции, от коей зависит существование жителей»⁷. Это не вполне соответствует исторической действительности: известно, что с 1713 года ряд ведущих экспортных продуктов предписывалось вывозить не через порт на Белом море, а через Балтику (Санкт-Петербург). В этой связи отметим мнение архангельского исследователя о том, что

«региональное почитание Петра I несоразмерно с историческим последствием введенных им ограничений для торговли – неблагоприятного фактора развития экономики поморского города» [6: 38].

В октябре 1841 года прошение о памятнике было передано в Министерство внутренних дел, откуда через два месяца пришел ответ:

«По рассмотрении сего дела, входил я с представлением в Комитет [господ] министров, по положению коего Государь император не изъявил Высочайшего соизволения на приведение в исполнение описанного предложения жителей г. Архангельска»⁸.

В письме не представлены причины отказа, но можно предположить, что в ситуации первой половины XIX века, когда городские памятники, тем более императорам, были нечасты и в какой-то мере исключительны [4], небольшой провинциальный город не был сочен достойным подобной чести.

Вплоть до начала XX века самым значимым местом памяти, связанным с пребыванием Петра I в Архангельске, оставался домик Петра, который к этому времени уже неоднократно ре-

монтировался, а в 1877 году был перевезен в центральную часть города, на набережную Северной Двины. Это стало местом проведения коммеморативных церемоний, отсылавших прежде всего к событиям гражданской истории страны, а также к истории Российского флота: здесь отмечались юбилеи приездов Петра I на Север, основания Петербурга и тезоименитства императора.

Идея сооружения монумента Петру I вернулась в контексте коммеморации события, лишь косвенно связывавшего Петра и Архангельский Север, и, можно сказать, благодаря случайному стечению обстоятельств. В 1909 году в России торжественно отмечался 200-летний юбилей Полтавской битвы. В Архангельске по этому случаю также намечался целый ряд мероприятий: выпускались юбилейные издания, посвященные Петру Великому⁹; для учебных заведений города закупались портреты императора¹⁰; начался сбор средств на открытие Народного дома имени Петра Великого в СоломбALE¹¹; разрабатывалась программа городского публичного праздника. В неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» публиковалась серия статей, посвященных Петровской эпохе, под общим заголовком «Добрый гений Севера (про царя Петра Алексеевича, первого императора на Российской земле)»¹².

В рамках подготовки к юбилею по решению Городской думы домик Петра был перенесен вдоль набережной и поставлен напротив кафедрального собора. Над домиком соорудили каменный футляр.

31 мая 1909 года гражданский губернатор И. В. Сосновский направил письмо городскому голове Архангельска Я. И. Лейцингеру, в котором сообщал:

«В настоящее время представляется редкий случай приобрести для гор. Архангельска за ничтожную, сравнительно, цену превосходную бронзовую статую императора Петра Первого в натуральную величину по модели знаменитого (ныне покойного) скульптора Антокольского, находящейся в Петергофском парке»¹³.

За несколько дней до этого Сосновский получил от жившего в столице племянника открытку с изображением петергофского памятника¹⁴, что, вероятно, повлияло на решение обратиться в парижскую мастерскую Я. П. Антокольского (одного из наследников скульптора) для заказа статуи.

Полноростовое скульптурное изображение Петра I в мундире офицера Преображенского полка – одно из самых знаменитых творений М. М. Антокольского¹⁵. Хотя сам Антокольский писал: «Петр у нас единственный» [12: 190], бронзовых статуй впоследствии было от-

лито четыре. Создание копии для Архангельска Я. П. Антокольский оценил в 5000 рублей.

Переписка между И. В. Сосновским и Я. П. Антокольским о заказе статуи началась в июле 1909 года. Однако к сооружению памятника приступить в юбилейном году не удалось: решение вопроса об оплате заказа затянулось. Архангельская Городская дума вначале предлагала оплатить счет двумя платежами (в январе и декабре 1910 года), но Антокольский настаивал на сокращении сроков второго платежа¹⁶. В итоге дума согласилась на эти условия, и Городская управа сделала официальный заказ, согласившись на условия Антокольского («оплата не позже первых чисел апреля 1910 года»¹⁷). Отлитая статуя была отправлена из Парижа в Санкт-Петербург 28 октября 1909 года¹⁸, при этом было получено разрешение на ее беспошлинный проезд¹⁹. Однако из-за разного рода проволочек статуя была доставлена в Архангельск лишь в конце зимы 1910 года²⁰.

Стоит отметить, что сооружение памятника являлось не только социальной – коммеморативной, но и в значительной степени декоративной практикой: губернатор воспринимал скульптурный памятник и как возможность отдать дань памяти императору и, что не менее важно, как способ украсить «свой» город, повод для благоустройства городского пространства. Сам И. В. Сосновский так писал об этом:

«...могло бы соорудить осенью текущего года на городском бульваре или в другом подходящем месте великолепный памятник Петру Великому, который явился бы лучшим украшением нашего бедного художественными сооружениями города»²¹.

Губернатор также выражал готовность, в случае отсутствия у городского управления ресурсов для покрытия всех расходов по сооружению памятника, взять на себя организацию сбора пожертвований на оплату дополнительных издержек.

Для сооружения памятника в июле 1910 года при Городской думе была создана исполнительная комиссия из четырех человек под председательством П. Г. Минейко²². При выборе места установки решающую роль сыграло то, что в Архангельске, как упоминалось выше, уже существовало связанное с Петром I место памяти. Согласно постановлению Исполнительного комитета, памятник предстояло установить

«в скверике, где стоит домик Петра, между этим домиком и соборным проездом, ближе к последнему. Место это должно быть правильно распланировано, поднято и вообще благоустроено»²³.

Статую следовало водрузить на постамент из местного камня, добытого на о. Кондостров, который находился в ведении Соловецкого монастыря²⁴. Примечательно, что настоятель монастыря Иоанникий лично осмотрел заготовленные для памятника камни, о чем написал губернатору И. В. Сосновскому в сентябре 1909 года:

«Камни лежат на скалистом берегу у самой воды, так что судно с осадкой до 10 фут. сможет подойти удобно, почти вплотную к берегу»²⁵.

Тем не менее, указывая в том же письме, что для погрузки камней на судно необходим штиль, Иоанникий предлагал подождать с перевозкой камней,

«так как теперь в осеннее время нельзя ожидать совершенно тихой погоды, и мастера наши находят подъем камней теперь весьма трудным, почти невозможным»²⁶.

В итоге камни были доставлены к Архангельску лишь в 1910 году и выгружены на таможенную пристань, где и пролежали, к неудовольствию начальника таможни, до следующего, 1911 года.

Для разработки проекта постамента Городская управа объявила открытый конкурс, на который было представлено шесть проектов. 9 марта 1911 года конкурсное жюри приняло решение премировать 100 рублями составителя проекта под условным названием «Петух»²⁷, автором которого был младший инженер дорожной части Архангельского губернского комитета С. А. Пец [1]. В том же году в торгах за подряд на изготовление постамента и обустройство места установки победил крестьянин Я. М. Насонов, «мастер монументальных дел»²⁸. Именно поэтому на одной из граней памятника значится 1911 год – год начала работ по сооружению собственно монумента.

Для обустройства сквера вокруг памятника из сада Ревеля и Кессельринга в Петербурге были выписаны декоративные кустарники и деревья: акация, дерен, жимолость, сирень, жасмин, липа и калина²⁹. Хотя работы в целом были закончены к сентябрю 1913 года, комиссия Городской управы отложила приемку памятника до следующего года³⁰.

В конце весны 1914 года городские власти начали готовить торжественное открытие памятника. Сначала праздник был назначен на 29 июня – день тезоименитства Петра I, за что проголосовали большинство членов Городской думы. Однако по просьбе нового губернатора С. Д. Бибикова, который в этот день должен был находиться по делам службы на Мурмане³¹, городские власти перенесли торжества на 27 июня. Из-за этого обстоятельства открытие

памятника оказалось вновь приуроченным к дню Полтавской битвы. Косвенность привязки этой даты к местной истории заметна в формулировке официального обоснования даты открытия памятника:

«Памятник Императору Петру I воздвигнут по случаю 200-летней годовщины, исполнившейся 27 июня 1909 года, со дня Полтавской победы, руководимой великим полководцем Императором Петром I, заботившимся и о возрождении окраин Севера»³².

Следует отметить, что вся деятельность по сооружению памятника проходила без согласований с центральной властью, что подтверждается содержанием поступившей за пару дней до открытия памятника телеграммы из Петербурга: 24 июня 1914 года товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев потребовал от губернатора пояснений, кем и когда утвержден проект памятника Петру I Архангельске. В ответной телеграмме С. Д. Бибиков сообщил, что он таких сведений не имеет³³. Дальнейших запросов не последовало, и открытие памятника состоялось.

Программа городского праздника была обширна, включала в себя молебен, пушечный салют и парад судов и яхт. Газета «Архангельск» опубликовала не лишенный литературности отчет о событии, по которому можно судить не только о масштабе праздника, но и о восприятии праздничного события горожанами, далеко не все из которых понимали смысл происходившего:

«Толпа настраивается, волнуется, ждет, с каждой минутой все нервнее... Говор наполняет всю площадь.

– Говорят, сам царь приехал на торжество...

– Нет, врут. Князь какой-то...

– А что, миленькие, делать тут будут? – вопрошают древняя старушка.

– А вот, бабка. Виши, вон, где флаги-то понавешаны.

Стоит в середке памятник. Виши, покрыт белым-то. Да, эту покрывают-то соймут, из пушек будут палить. Значит, памятник открывать будут, нашему царю Петру Великому.

– А разукрасили хорошо-о-о... – сладко тянет пьяненький. Виши, орлы рассейские везде понаделаны. Флаги наших цветов все больше... <...>

– Сейчас... – вот слово, которое вырывается из уст тысячеголовой толпы...»³⁴.

Окончательное оформление связанного с Петром места памяти в городском пространстве Архангельска произошло в 1915 году, когда вышел императорский указ, согласно которому сквер, где находились памятник и домик Петра, из Михайловского был переименован в Петровский (о чем ходатайствовала Городская дума)³⁵.

Однако бронзовому Петру недолго суждено было простоять на этом месте: согласно Де-

кretу Совета народных комиссаров от 12 апреля 1918 года,

«памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»³⁶,

и практически сразу после восстановления Советской власти в Архангельске в феврале 1920 года памятник Петру I был разобран. «Место памяти» подверглось радикальной трансформации: 9 мая 1920 года в бывшем Петровском сквере состоялось торжественное захоронение большевиков-подпольщиков, расстрелянных в период 1918–1920 годов, а постамент поверженного памятника императору стал основанием обелиска жертвам интервенции. Снятую с постамента статую первоначально перенесли в домик Петра, а к 1934 году (после перевозки остатков домика Петра в Коломенское) передали на хранение в краеведческий музей.

Восстановление памятника Петру I в Архангельске произошло в контексте «национального поворота» во внутренней политике второй половины 1940-х годов, в условиях, когда «сталинская реабилитация дореволюционной военной истории наложилась на уже существующие инициативы по охране архитектурного наследия» [2]. Это предопределило обращение к памяти о Петре I в контексте военной истории, и прежде всего Полтавской победы, 240-летний юбилей которой должен был отмечаться в 1949 году. В риторике послевоенных лет Полтавская битва определялась как «образец русского военного искусства, сумевшего в поразительно короткий срок опередить военное искусство Западных стран»³⁷.

Появившиеся накануне и в год юбилея публикации, подчеркивая единство и преемственность отечественной военной истории, способствовали фактическому соединению мемориальной и геополитической функции памятников:

«Беспощадно уничтожать врагов, покушающихся на независимость родной страны, стало издавна славной традицией русского народа. Эту замечательную традицию с честью продолжают советские люди, граждане великой социалистической державы – Советского Союза»³⁸.

В начале сентября 1948 года архангельский горисполком принял решение о восстановлении памятника Петру I. Было решено отвести для памятника площадку недалеко от прежнего места его установки. Областная газета «Правда Севера» сообщила о восстановлении памятника в маленькой заметке на третьей полосе:

«Все составные части памятника хорошо сохранились... Для монтажа памятника отведена площадка на берегу Северной Двины против четвертой школы. Здесь уже закончена укладка фундамента. В ближайшее время к новому месту будут подвезены гранитный пьедестал, основание памятника и остальные части»³⁹.

Статую водрузили на перевезенный с прежнего места исторический постамент (при этом был сооружен новый памятник жертвам интервенции, торжественно открытый 15 февраля 1949 года). Восстановленный памятник Петру был открыт без широкого публичного празднования. В 1955 году на основании заявки Архангельского горкомхоза было проведено благоустройство территории скверов у памятников жертвам интервенции и Петру I. Вокруг них была возведена металлическая ограда, выполненная на местном заводе «Красная кузница»⁴⁰. В постсоветское время расположенный рядом с памятником парк стал именоваться Петровским.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятник Петру I стал одной из главных достопримечательностей Архангельска. В истории его создания и восстановления нашли отражение характерные черты формирования и изменений российской мемориальной культуры, особенности взаимодействия между локальной исторической памятью и официальным историческим нарративом Российской империи, а затем Советского государства. В качестве ключевого события выделялась Полтавская победа: поводом для сооружения памятника стал ее 200-летний юбилей, а восстановление проходило в контексте подготовки к празднованию 240-летия битвы. Монументальная коммеморация Петра I в Архангельске основывалась не только, а затем и не столько на событиях местной истории, но помещала в центр внимания военную историю России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из островов в дельте Северной Двины, расположенный напротив центра Архангельска.

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 9.

³ Места памяти (*lieux de mémoire*), по замечанию предложившего данное понятие П. Нора, это места, «где память кристаллизуется и находит свое убежище» [10: 17] – «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации» [10: 26]. Нора отмечал, что «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты» [10: 26].

- ⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 3–8. В листах представлены подписи 170 чиновников, 17 священников, 47 купцов, 4 военных, 41 мещанина, 3 крестьян и пр.
- ⁶ Ермилов Н. История сооружения памятника Ломоносову в Архангельске // Исторический вестник. 1889. Т. 36. № 4. С. 174–180.
- ⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 2 об.
- ⁸ Там же. Л. 11 об.
- ⁹ Петр Великий на Севере: популярный очерк с портретом Петра I. Архангельск: Губернская типография, 1909. 20 с.; Петр Великий на Севере: Сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск: Губернская тип., 1909. 168, 66 с.
- ¹⁰ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 1.
- ¹¹ Поселение, возникшее на островах в дельте Северной Двины, тогда (и ныне) исторический район Архангельска, на территории которого по указу Петра I были основаны верфь и адмиралтейство.
- ¹² Архангельские губернские ведомости. Часть неоф. 1909. № 88, 89, 91–99, 101–103, 105, 106, 111–113, 115.
- ¹³ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 17.
- ¹⁴ Там же. Л. 17 а.
- ¹⁵ Идею создания статуи Петра I Марк Матвеевич Антокольский начал реализовывать в Риме, для эскизов использовал фотографии с портретов царя в фас и профиль, эстампы с монет петровского периода и даже мундир Преображенского полка из костюмерной императорских театров, все это в Рим отправил его друг В. В. Стасов. Крамской по просьбе Стасова сделал для скульптора рисунок головы Петра с его посмертной маски. В письмах жаловался на итальянскую глину, с которой было трудно работать: «Сегодня прихожу (в мастерскую. – Т. Т. Е. Ш.) и вижу, что половина ленты на груди Петра отвалилась <...> С досадой принужден делать другую <...> к вечеру <...> вдруг слышу – что-то упало, и вижу, что шарф отскочил. Что вы тут прикажете делать?» (Кузнецова Э. В. Марк Матвеевич Антокольский. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 35). В июне 1872 года статуя была отправлена в Москву на Первую Всероссийскую политехническую выставку, организованную к 200-летию со дня рождения Петра I. После выставки статуя Петра была исправлена скульптором и через пять лет представлена на Всемирной выставке в Париже, где имела большой успех.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 11.
- ¹⁷ Там же. Д. 1648. Л. 4–4 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 1643. Л. 32.
- ¹⁹ Помощник управляющего Санкт-Петербургской сухопутной таможней сообщал в письме от 21 декабря 1909 года, что министр финансов «разрешил Архангельской Городской Думе беспошлиный пропуск статуи императора Петра I, изготовленной за границей и доставленной для постановки в Архангельске в память троекратного посещения г. Архангельска императором Петром I и его царственных трудов на пользу Севера». ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 35.
- ²⁰ Так, в письме Я. П. Антокольского Я. И. Лейцингеру от 21 января 1910 года сообщалось, что таможня грозит отправить статую обратно, потому что ее никто до сих пор не востребовал. Оплату Я. П. Антокольский получил лишь в мае 1910 года. ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 36 об., 38.
- ²¹ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 17 об. –18.
- ²² Петр Герардович Минейко – действительный член Архангельского общества изучения Русского Севера, гласный Городской думы, член губернского Статистического комитета, член Архангельского отделения Императорского общества судоходства. Также руководил работами по сооружению каменного футляра над мемориальным домиком Петра I (1909–1913). См.: Куратов А. А. Минейко Петр Герардович (1868–1920) // Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 246.
- ²³ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 44 об.
- ²⁴ Кондостров был передан Соловецкому монастырю из государственной казны в 1897 году. На острове был основан Никольский скит и устроены каменоломни.
- ²⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1648. Л. 12 об.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Д. 1643. Л. 53.
- ²⁸ На торгах Я. М. Насонов оценил свою работу в 1040 рублей. Впрочем, вскоре он представил в Городскую управу счет на дополнительные расходы на сумму 517 рублей: копка ямы под фундамент, разравнивание, утрамбовка, устройство лесов, вырубка, золочение букв и т. п. ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1648. Л. 56, 129.
- ²⁹ Там же. Д. 1643. Л. 101.
- ³⁰ Там же. Л. 128.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 1460. Л. 13.
- ³² Там же. Л. 14 об.
- ³³ Там же. Оп. 8. Т. 1. Д. 2663. Л. 89–90.
- ³⁴ Дедков Ал. На открытии // Архангельск. 1914. № 143. 28 июня. С. 3.
- ³⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 151.
- ³⁶ Декрет «О памятниках Республики». 12 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 95–96.
- ³⁷ Базилевич К. Памятник русской воинской славы. К 240-летию Полтавского сражения // Правда Севера. 1949. 8 июля. С. 3.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Восстановление памятника Петру Первому в Архангельске // Правда Севера. 1948. 7 сентября. С. 3.

⁴⁰ ГААО. Ф. 222. Оп. 1–4. Д. 122–10. Л. 1–4 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишева В. Д. Сергей Пец – архитектор северного модерна // Техника. Технологии. Инженерия. 2017. № 3 (5). С. 37–42 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/th/8/archive/62/2435/> (дата обращения 16.05.2021).
- Габович М. Скорбь, реставрация, geopolитика: сталинский национальный поворот и военные памятники 1940-х годов: Тез. докл. // Германский исторический институт в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2016/Abstract_2016-01-25_ru.pdf (дата обращения 10.05.2021).
- Емельянова Т. П. Коллективная память о личности Петра I; Петр I и его эпоха в коллективных воспоминаниях // Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 121–162.
- Еремеева С. А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 499–532.
- Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М.: ИИОН РАН, 2014. С. 66–79.
- Залыский Н. П. Экспортно-импортная экономика северных регионов России на перекрестке международных санкций: практика прошлого и настоящего, geopolитика компромисса // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 36–63. DOI: 10.37482/issn2221-2698
- Курилла И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Вып. 3 / Под ред. И. И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 4–12.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
- Нора П. Проблематика места памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: источники и презентации: Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 52 с.
- Шалимова В. П. М. М. Антокольский. Петр I // Из бронзы и мрамора. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 182–196.
- Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Munich: C. H. Beck, 2006. 320 s.
- Beil D. S. A. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54 (1). P. 63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905
- Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook. (A. Erll, A. Nünnin, Eds.). De Gruyter, 2010. 441 p.
- Dimitropoulos H. The character of contemporary memorials // Places. 2009. Vol. 21 (1). Available at: <https://escholarship.org/uc/item/4bj1d7pq> (accessed 10.05.2021).
- Dwyer O. J., Alderman D. H. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. Vol. 73 (3): Collective memory and the politics of urban space. P. 165–178. DOI: 10.1007/S10708-008-9201-5
- Halbwachs M. On collective memory. (L. A. Coser, Ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. 254 p.
- Monuments and memory, made and unmade. (R. S. Nelson, M. Olin, Eds.). University of Chicago Press, 2004. 354 p.

Поступила в редакцию: 24.05.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Tatiana P. Teterevleva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

(Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0290-9480; t.teterevleva@narfu.ru

Elena E. Shurupova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Solovetsky Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve

(Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-2842-7439; e.shurupova@narfu.ru

MONUMENTAL COMMEMORATION OF PETER THE GREAT IN ARKHANGELSK

Abstract. The article addresses the creation and transformation of a site of memory related to the visits of Peter the Great to the Russian North. The history of constructing and restoring the monument to Peter the Great in Arkhangelsk,

being presented in the framework of collective memory studies, makes it possible to identify how the monumental commemoration was discussed in the local community and trace the interaction between the local memorial culture and the official historical narrative of the Russian Empire and later the Soviet state. Based on the documents from the State Archives of the Arkhangelsk Region and local press, the article presents the main stages of constructing the site of memory and commemorative practices associated with it, as well as the specifics of interaction between their participants. The authors show that the monumental commemoration of Peter the Great was not only based on the events of local history, but also focused on the military history of the Russian state highlighting the Poltava victory as the key event.

Keywords: monument to Peter the Great, Arkhangelsk, Mark Antokolsky, collective memory, monumental commemoration

Acknowledgments. The authors express their sincere gratitude to the staff of the State Archives of the Arkhangelsk Region.

For citation: Teterleva, T. P., Shurupova, E. E. Monumental commemoration of Peter the Great in Arkhangelsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.663

REFERENCES

1. A k i s h e v a , V. D. Sergey Petz – the architect of the northern Art Nouveau. *Technics. Technology. Engineering*. 2017;3(5):37–42. Available at: <https://moluch.ru/th/8/archive/62/2435/> (accessed 16.05.2021). (In Russ.)
2. G a b o v i c h , M. Sorrow, restoration, geopolitics: Stalinist national turn and military monuments of the 1940s: Abstract. *German Historical Institute in Moscow*. Available at: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2016/Abstract_2016-01-25_ru.pdf (accessed 10.05.2021). (In Russ.)
3. E m e l ' y a n o v a , T. P. Collective memory of the personality of Peter the Great; Peter the Great and his era in collective memories. *Emel'yanova, T. P. Collective memory of the events of Russian history: socio-psychological approach*. Moscow, 2019. P. 121–162. (In Russ.)
4. E r e m e e v a , S. A. Stone guests: monumental memorials of commemoration. *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past*. (A. N. Dmitriyev, Ed.). Moscow, 2012. P. 499–532. (In Russ.)
5. E f r e m o v a , V. N. Public holidays as instruments of symbolic politics: opportunities for theoretical description. *Symbolic politics*. Issue 2: The debate about the past as the design of the future. Moscow, 2014. P. 66–79. (In Russ.)
6. Z a l y v s k y , N. P. Export-import economics of the northern regions of Russia at the crossroad of international sanctions: past and present, geopolitics of compromise. *Arctic and North*. 2017;28:36–63. DOI: 10.37482/issn2221-2698 (In Russ.)
7. K u r i l l a , I. I. Historical memory and public commemoration. *Memory and monuments*. Issue 3. (I. I. Kurila, Ed.). Volgograd, 2012. P. 4–12. (In Russ.)
8. M a l i n o v a , O. Yu. Commemoration of historical events as instrument of symbolic policy: possibilities of comparative analysis. *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2017;4(87):6–22. (In Russ.)
9. Methodological issues of memory politics research. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). Moscow, St. Petersburg, 2018. 224 p. (In Russ.)
10. N o r a , P. Problems of places of memory. *France—memory*. (P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymègue, M. Vinok). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
11. S a v e l y e v a , I. M., P o l e t a e v , A. V. Social views of the past: sources and representations: Preprint. Moscow, 2005. 52 p. (In Russ.)
12. S h a l i m o v a , V. P. M. M. Antokolsky. Peter the Great. *Of bronze and marble*. Leningrad, 1965. P. 182–196. (In Russ.)
13. A s s m a n n , A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Munich, 2006. 320 s.
14. B e l l , D. S. A. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *British Journal of Sociology*. 2003;54(1):63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905
15. Cultural Memory studies: An international and interdisciplinary handbook. (A. Erll, A. Nünnin, Eds). De Gruyter, 2010. 441 p.
16. D i m i t r o p o u l o s , H. The character of contemporary memorials. *Places*. 2009;21(1). Available at: <https://escholarship.org/uc/item/4bj1d7pq> (accessed 10.05.2021).
17. D w y e r , O. J., A l d e r m a n , D. H. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors. *GeoJournal*. 2008;73(3):165–178. DOI: 10.1007/S10708-008-9201-5
18. H a l b w a c h s , M. On collective memory. (L. A. Coser, Ed.). Chicago, 1992. 254 p.
19. Monuments and memory, made and unmade. (R. S. Nelson, M. Olin, Eds.). University of Chicago Press, 2004. 354 p.

Received: 24 May, 2021; accepted: 26 July, 2021

Дискуссии

От редакции. Вниманию читателей предлагается статья бельгийского слависта Эммануэля Вагеманса (Emmanuel Waegemans) «Царь против царевича, или Первый корабль на Неве». В 1945 году в Амстердаме вышел ныне забытый роман нидерландского писателя Жефа Ласта «Первый корабль на Неве», посвященный голландскому шкиперу Ауке Вибесу, который по преданию первым привел свой корабль в только что основанный Петербург и получил от царя Петра I за это большую награду. Однако замысел романа значительно шире его сюжетной основы. Можно сказать, что этот роман посвящен отношению европейцев к Петру I и – шире – отношению европейцев к России. Их отношение к Петру всегда было двойственным. С одной стороны, Петр занимался европеизацией (иногда пишут «вестернизацией») России. Вспомним А. К. Толстого:

...Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.
Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил

Из-за политики вестернизации, проявившейся в многочисленных поездках царя за границу, широком привлечении иностранцев в Россию, внедрении в России европейских технологий, законов, бытовых норм, правил и т. д., Петр был популярен среди европейцев. С другой стороны, деспотизм и жестокость Петра, «варварскими методами боровшегося с варварством» (удивительно, что эту мысль в разное время высказывали К. Маркс, А. И. Герцен и В. И. Ленин), вызывали отторжение у либеральных западных мыслителей и историков.

Ситуация повторилась в XX веке. Победившие в 1917 году большевики провозгласили построение в России социализма – нового справедливого общества, основанного на идеях Карла Маркса. После ужасов Первой мировой войны, послевоенного хаоса 1920-х годов и экономического кризиса 1929 года европейская левая интеллигенция не могла не сочувствовать социалистическому эксперименту в России. Многие западные интеллигенты стали «друзьями Советского Союза», постоянно туда ездили и высказывались в его поддержку. Среди них был и голландский коммунист писатель Жеф Ласт. Эти поездки позволили интеллигенции Запада ближе познакомиться с жизнью в СССР. Они увидели не только мощный экономический и культурный подъем, энтузиазм великих строек социализма, но и низкий жизненный уровень, тотальный контроль за жизнью граждан, подавление гражданских свобод и другие негативные стороны советской действительности. Довершили эти впечатления репрессии 1937 года.

Многие западные интеллигенты, включая и Ж. Ласта, испытали разочарование и отреклись от идей социализма. Но отреклись не все. Главным врагом демократии в Европе был германский нацизм. И наиболее дальновидные западные левые мыслители и политики понимали, что только Советский Союз может сломить военную мощь нацистской Германии, и продолжали поддерживать СССР. События 1941–1945 годов показали правоту этих идей. Нацистская Германия была повержена, авторитет Советского Союза в мире колоссально вырос, но на повестку дня вновь вышел вопрос о деспотизме советской системы. И, как представляется, Ж. Ласт попытался ответить на этот вопрос в своем романе «Первый корабль на Неве». Можно сказать, что роман Ж. Ласта посвящен не Петровской эпохе, а матрице российской истории – «путь к прогрессу через перенапряжение сил, обеспеченное жестокостью и террором».

*А. М. Пашков, доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ*

DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

УДК 82.09

ЭММАНУЭЛЬ ВАГЕМАНС

доктор славистики, профессор эмеритус
Католический университет Лёвена
(Лёвен, Бельгия)
emmanuel.waegemans@telenet.be

ЦАРЬ ПРОТИВ ЦАРЕВИЧА, ИЛИ ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ НА НЕВЕ

А н н о т а ц и я . Автор представляет ныне забытый роман голландского писателя левых взглядов Жефа Ласта «Первый корабль на Неве» (1945) о голландском шкипере Ауке Вибесе, который

© Вагеманс Э., 2021

первым привел свой корабль в петербургский порт и получил за это награду от царя Петра I. Со временем шкипер разочаровывается в царе и его реформах, так как они основаны на насилии. Автор разоблачает миф о том, что Ауке Вибес первым пришел в петербургский порт. Значение романа заключается в разработке моральной дилеммы, которую решает западный человек: можно ли служить царю, который ни перед чем не останавливается.

Ключевые слова: Жеф Ласт, Петр I, голландский торговый флот, Петербург, Ауке Вибес, Ян Хиллебрантс, царевич Алексей Петрович

Для цитирования: Вагеманс Э. Царь против царевича, или Первый корабль на Неве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

В 1945 году известный голландский писатель Жеф Ласт (1898–1972) опубликовал роман «Первый корабль на Неве»¹. В нем рассказывается история простого фризского юноши Ауке Вибеса, «тихого, крепкого, возможно, немного мягкоксердечного мальчика, очень влюбленного» (18). Он влюблен в дочь мэра фризского городка Хинделопен Ромке Коммертс. Молодые люди питают друг к другу взаимную любовь, омраченную тем, что они придерживаются разных религиозных убеждений. Она – член реформатской церкви, он – баптист. Более того, после драки вспыльчивому Ауке невозможно оставаться в городке, он вынужден отправиться в Амстердам, где его обучают моряки и кораблестроители Ост-Индской компании. В большом торговом мегаполисе он слышит удивительные истории о «царе всех русских», который «сидел в простом кабаке в Архангельске за одним столом» с голландскими моряками и пил водку «из горлышка одной и той же бутылки, которая крутилась» (38). Заандамский шкипер утверждает:

«Я видел царя очень хорошо... Он могучий высокий парень, который имеет голову, большую, чем у своих товарищей, тоже не из самых маленьких, и лицо, которое было бы достаточно приятным, если бы оно не всегда омрачалось неким приступом ярости. Более того, люди дают ему достаточно поводов, потому что, где бы он ни показывался, они сразу толпятся вокруг него, создавая суматоху и топча маленьких кричащих детей. Это также причина того, что он оставался в Заандаме только на неделю. Было досадно видеть такой большой интерес к смертному человеку <...> правителью миллионов, который в такие моменты настолько слабо контролировал свою вспыльчивость» (39–40).

Те, кто видел его, говорят так:

«Он был грубым, как житель польдеров, пьяница без меры, скотина, который чувствует себя комфортно между головорезами на наших ярмарках, и все же от него исходит что-то, что делает невозможным не питать к нему определенную симпатию» (41–42).

Очевидец объясняет свою симпатию:

«Хотя он не делает ни малейшего различия между дворянами и людьми низкого происхождения, между богатыми и бедными, он предпочитает компанию последних, потому что он с ними может вести себя без цере-

моний и по-человечески. Он выше ценит мастерство, усердие и добродетель, чем самый красивый герб или самый толстый кошелек, и говорят, что в своей стране он поднял бывших крепостных на самые высокие посты и сделал их своими близкими друзьями» (42).

Удивленному всеми историями, Ауке часто приходилось «думать о стране, где император был моряком и где хороший моряк все еще мог сделаться адмиралом» (43). По легкомыслию Ауке завербовывается в Ост-Индскую компанию. На кораблях он изучает хитрости ремесла, но это отдаляет его еще больше от отца, потому что все знали, что насилие было обычным делом для ост-индских моряков (66). Параллельно с приключениями Ауке Вибеса автор романа рассказывает о ситуации в России под руководством регентши Софии и ее советника-любовника Василия Голицына, которые описаны как жаждущие власти циники, желающие свергнуть Петра. Ни Софья, ни бояре, ни простой народ не поддерживают реформы Петра:

«Но все они без исключения чувствовали себя избранным народом, со своими вшами и клопами, намного выше иностранцев, они объединены в своей ненависти ко всем, кто хотел разбудить их ото сна» (69–70).

Решающим в жизни Вибеса является знакомство с Николасом Витсеном² в Навигацкой школе. Витсен был не только мэром Амстердама, но и одним из самых богатых купцов города, автором справочника по кораблестроению и другом царя Петра. Витсен питает симпатию к простому мальчику из Хинделопена и обещает ему место на одном из своих балтийских кораблей. Тем временем отец Ромке решает отправить свою дочь в Амстердам на год, чтобы «завершить воспитание» (105). Вибес работает на Витсена на «De Vergulde Kieviet», старом корабле, который плавает у побережья Швеции и импортирует глиняную посуду, вино и голландскую одежду, возвращаясь с древесиной в Голландию. В шведских портах он слышит рассказы о шведском короле Карле XII, который после позорного поражения русских в Нарве публично издевается над ними. Мэр Витсен так характеризует Петра и Карла XII: «Различие между Петром и королем

Карлом состоит в том, что один борется за будущее, другой борется за проигранное дело» (139). Он спрашивает Вибеса, слышал ли тот, что царь обещает большую награду за первое судно, которое зайдет в его новый порт в Санкт-Петербурге. «До сих пор ему пришлось ждать напрасно. Швеция и англичане блокируют Финский залив, а на суще шведы находятся в Сестре. Это остается ненадежным предприятием» (140). Витсен просит Вибеса отправить его в Санкт-Петербург в качестве командира корабля «Де Вергульде Кивит». Автор рисует позитивный образ царя:

«Как гигант в рукавах, царь стоит посреди своей России и рубит вдоволь, щепки летят во все стороны, и каждый, кто встает на его пути, получает удар. <...> Он не знает ни традиций, ни почтения, ни жалости. Он новый Адам, голый, но вооруженный топором, чтобы создать новый образ своей России из твердого дерева, в котором она спит. Он буйный, здоровый, сильный и безмерный, как и первый мужчина, безжалостный любитель мужчин и женщин, друг Гаргантюа, Пантагрюэля и пьяница» (146).

«Де Вергульде Кивит» покидает рейд Тексела в последнюю неделю сентября 1703 года, чтобы дойти до устья Невы. Корабль посещает «гигантский парень», который «как Нептун сам поднялся из моря»:

«...этот Голиаф был одет довольно потрепанно, в рубашке с пятнами, без парика или шпаги. Он представился Ауке на ломаном нидерландском языке как торговец из Архангельска, который вел много дел с голландцами и теперь также хотел купить часть груза Ауке» (152–153).

Торговец ведет его в свой маленький дом, «голый и бедный снаружи, полностью украшенный изнутри, как дом в Заандаме». Там его угожает жена торговца свежеиспеченными блинами и водкой. Торговец немедленно хочет договориться о покупке голландского груза и готов заплатить любую цену, которую запросит Вибес. Только когда Меншиков входит и называет хозяина «Ваше величество», Вибес понимает, что это царь, и он уже не может не ответить на его предложение. Петр говорит:

«Хорошо, летающие голландцы! Поблагодарите звезды, что вы вовремя изменили свое мнение, а теперь опустошите кружку за первый корабль на Неве, за расцвет Петербурга, за будущее России!» (156).

Он платит Вибесу четыре раза стоимость его груза и дает ему право плавать бесплатно во все российские порты. Вибес получил большую награду от царя³, который позволил ему погасить долги своего будущего тестя, мэра Хинделопена, и получить разрешение жениться на его дочери. Молодая невеста принимает веру баптистов, так что все препятствия

для брака устраниены. Последнее не остается незамеченным в деревне. Мальчишки кричат мэру: «Торговец душ! Выходи, трус, который разбазарил веру дочери, чтобы оплатить свои долги!» (162). Но Ромке сделала этот шаг добровольно, будучи пропитана «глубокой теплотой» баптистского сообщества (161). Через некоторое время у Ауке родился сын:

«Вопреки любой традиции, он решил, что мальчика будут звать Петер. Он думал об этом в тихие ночи на борту, частично из-за благодарности, потому что великолюбие царя Петра сделало возможным его брак, частично из-за восхищения и, возможно, сам в этом не признаваясь, из-за врожденного голландского коммерческого духа, из-за такого крестного отца, от которого ожидаема милость для крестника» (168).

Соседи Ауке были недовольны выбором имени ребенка: «Ни одного ребенка не звали как иностранного язычника!» (168).

Вибес дважды посещал Санкт-Петербург со временем своей первой поездки в Россию:

«Оба раза царь, как только видел голландский флаг на стеблях “Петра и Павла”, греб на борт. <...> Когда он высаживался, то заранее приглашал шкипера и рулевого явиться в его резиденцию и посетить все торжества в качестве гостей. Когда они приходили, он замечал их за столом, пил за их здоровье и за благополучие республики и, между прочим, проявлял себя с самой любезной и простой стороны. Ауке хотел, чтобы его сын, будучи богатым и, как он надеялся, командиром корабля своего отца, демонстрировал ту же простоту, открытость и любовь к знаниям и науке, что и его крестный отец» (169).

В своих беседах с царем Вибес мог убедиться, что Петр «нес меч во имя служения идеи, что ему не нравилось кровопролитие, пожары и разрушение, что он хотел прежде всего строить» (170). Вопрос о ведении войны был фундаментальным для Вибеса, потому что его баптистская вера запрещала ему носить оружие. Даже драки были запрещены. Во время своих визитов в молодую Россию Ауке

«видел достаточно людей, чтобы понять, в каком зачаточном состоянии они еще находятся. Все, что делали россияне, они делали спешно, иногда с обманом, почти никогда не работали, глядя в будущее, и, независимо от того, делали они хорошую работу или плохую, оставались равнодушными. Между ними Петр был как гигант, который один идет на высокую гору, в то время как десять миллионов маленьких людей пытаются тащить его обратно. И великан, который был всего лишь человеком, каждый раз падал с ними в грязь... Он всегда вставал снова и, не теряя уверенности, продолжал свое восхождение на гору, поэтому Ауке восхищался им. То, что он так мало заботился о крови и грязи, которые прилипали к его рукам после каждого падения, вот что заставило Ауке содрогнуться, чтобы назвать своего собственного сына его именем. Царь Петр был жестоким

человеком, но и молодой Петер, который кричал в утробе своей матери, уже показал себя жестоким» (171).

Его сомнения вскоре исчезают:

«Тогда пусть Петер возьмет на себя безудержное стремление к действию и не голландскую страсть к великому, подумал он; с самим материнским молоком мой мальчик впитает ту любовь и терпение, которые являются лучшими качествами нашего народа» (172).

Каждый раз, когда Ауке возвращался из путешествия в Россию, он рассказывал своему сыну о городе на Неве, который постоянно растет, о продолжающейся войне, которую приходится вести царю. В деревне его сын был теперь «главарем в каждом смелом приключении», его прозвали «царем», и «были моменты, когда он действительно чувствовал себя царем Петром» (177). Вдохновленный рассказами своего отца, он однажды отправился в соседнюю деревню играть в Полтавскую битву и стал персоной нон-грата в обществе баптистов, которым не разрешали драться. Чтобы утихомирить сына, отец решает отвезти его на своем корабле в Петербург. Мальчик видит все, что происходит в граде Петровом, занятом строительством, но он понастоящему радуется, когда его замечает царь, который одобряет его поведение: «Крепкий ты человек, работаешь со шваброй, это я люблю, братец, начинать внизу – вот мой лозунг, а потом видеть, что ты вдруг наверху» (190). Царь доверяет ему:

«Ты должен все проверить сам, понимаешь, ты ничего не можешь оставить без контроля. Все мои русские – воры, глупцы, которые даже за границей лентяйничают вместо того, чтобы чему-то научиться. Они напиваются и играют в кости, и я посылаю кого-то присматривать за ними, но он становится еще хуже, чем ученики. Даже если кажется, что они приобрели некую цивилизацию, как только они возвращаются в Россию, у них появляются старые привычки. И воровать у них в крови. Ты знаешь, что сказал председатель верховного совета, когда я хотел наказать за коррупцию смертью? Он сказал: “Ваше величество, вы действительно хотите оставаться один в своей стране?” И он был прав и знал, что я пожалею его, потому что, по крайней мере, у него хорошая голова. Большинство из них идиоты, и, если они хотят что-то вспомнить, вы должны сначала написать это кнутом у них на спине. Но я многое прощаю за то, что они могут сделать что-нибудь своими головами или руками, даже если они негодяи!» (191–192).

И по дороге к «матушке Кате», которая печет блины, он говорит: «Хотелось бы, чтобы у меня был мальчик, похожий на тебя» (192). Сообщения о враждебности между царем Петром и его сыном Алексеем также доходят до Вибеса. «Он все еще лелеял эту странную смесь восхищения и ужаса перед царем» (213). Его жена на-

учила, что лучше страдать от любой несправедливости, чем сопротивляться насилию, это было основой ее и его веры и это затрудняло безоговорочно одобрить Петра:

«То, чего он достиг только благодаря личным усилиям за эти несколько лет, было восхитительно, никто не может судить об этом лучше, чем Ауке; но в то же время никто не знал лучше, чем он, на каких шатких основаниях было возведено это впечатляющее здание» (214).

Его жена повторяет:

«Сердца людей подчиняются не насилию, а добродетели. Судьба царя заключается в том, что он хочет обучать весь народ, не начиная свое собственное воспитание. Вот почему он всегда должен прибегать к насилию в конечном счете. Насилие, однако, может изменить только внешние формы вещей, но не их суть» (214).

Ауке беспокоится о своем сыне, который очень восхищается царем Петром. Во время следующей совместной поездки в Россию отец и сын Вибес узнают о побеге царевича в Австрию. Сын утверждает, что «дезертиры заслуживают пули!», на что отец задает ему вопрос: «Хочешь ли ты, чтобы отец покушался на собственного сына?» Петер отвечает: «Не хвалят ли справедливость Брута, который убил собственных сыновей, потому что они предали Рим?» Ауке сердито отвечает: «Брут был язычником, который не знал милости креста. Петер, ты с ума сошел, когда ставишь язычника выше Христа, который учил нас прощать семьдесят семь раз» (226–227). Отец и сын приезжают в Санкт-Петербург во время белых ночей, когда отмечают победу в Полтавской битве. После праздника сын Вибес узнает о смерти царевича. Царь оправдывается:

«Говорят, что я убил своего ребенка, но кто мой ребенок, я спрашиваю вас, кто мой ребенок: Россия или Алексей? Если вы говорите о сыновьях, ребята, то вы мои сыновья, которые противостояли пороху и пулям, голоду и холоду и которыми я пожертвовал, когда это было необходимо для исполнения воли Бога, который хочет видеть Россию великой. Вы сердитесь по этому поводу? Вы ненавидите меня так, как ядовитая нечисть ненавидит меня и мою работу? Ребята, я родил вас в поту труда. Без вас империя жила бы так же мало, как тело без души. Вы доказали свою любовь к Богу, ко мне и к отечеству. Вы не пожалели свою жизнь, как и я не пожалел свою <...>

Кто из вас мог подумать десять лет назад, что я построю столицу здесь, на шведском Балтийском море? Кто мог вообразить расцвет искусств, науки и торговли, который я хочу сравнить с кровообращением в организме человека? У кого из вас нет чувства, что прожил век за десять лет? Тогда молитесь и работайте, тогда при вашей жизни мы сумеем посрамить другие, более цивилизованные народы, тогда каждый из вас может гордиться тем, что змея хотела уничтожить, чью голову я вчера раздавил, во имя России» (233–234)⁴.

Когда отец Вибес узнает своего пьяного сына в компании царя, он призывает его немедленно вернуться на корабль, но сын отказывается и продолжает пьянствовать с царем. На следующее утро корабль отца отходит без сына. Когда сын просыпается утром в Монплезире, царь предлагает ему поступить на русскую службу и, возможно, стать таким же хорошим адмиралом, как Корнелий Крюс. Но когда первый груз, который он должен везти, состоит из «длинных мужиков» (*lange Kerls*) для короля Пруссии⁵, Вибес пасует. Царь понимает его отказ, прощает и разрешает ему вернуться в Голландию. Прибыв в Нидерланды, Вибес понимает, что не может вернуться в родной Хинделопен, потому что отец не простит его поведение в Петербурге, и отправляется в соседнюю деревню Каудум, где перед отъездом он встретил девушку Тялте Адему, сироту из бедной семьи батраков (219). Она восхитила его «крепким жизненным интересом, независимостью характера и сильным и здоровым телом» (220). Он женится на ней и просит у матери прощения. Вскоре у них рождается ребенок. Деревня, в которой они жили, находится под угрозой затопления, отец Вибес вынужден помочь сыну и невестке, заключив мир и предложив им жить в родительском доме.

Во время своей следующей поездки в Петербург, после заключения Ништадтского мира, Петер Вибес снова встречает царя, который спрашивает, нет ли у него амбиций. Петер отвечает:

«Есть, Ваше Величество. Амбиция быть хорошим шкипером и хорошим голландцем. Ваше Величество должен взглянуть завтра на карты и инструменты, которые я привез из Голландии. Разве не достаточно быть честным торговцем, чтобы привозить лучшее из России в Голландию и лучшее из Голландии в Россию?»

Царь спросил его: «Как ты думаешь, что лучшее в России, Петер?» Петер ответил: «Ваша смелость, ваша сила и ваша уверенность в завтрашнем дне». «А лучшее в Нидерландах?» «Наша терпимость, наше почтение к человечеству и наша любовь к миру!» Мгновение царь подумал, затем сказал:

«Иди с Богом, Петер, я думаю, что ты прав. Наша задача различна так же, как наши народы. Но я всегда буду рад тому, что это был голландский корабль, корабль Ауке Вибеса, который первым поплыл на Неве» (270–271).

Жеф Ласт (1898–1972) – известный левый голландский писатель, который в 1930-е годы находился под сильным впечатлением от общественного эксперимента в Советском Союзе.

Страну Советов он впервые посетил в 1931 году [9], [11]⁶. В 1932 году он начал работать в качестве голландского советника в Международной ассоциации революционных писателей в Москве и совершил большое путешествие по Уралу. Лишь в следующем году появилась его книга «Стальной фундамент» (1933) – единственная книга, которой автор позже стыдился. После этой поездки он стал членом Коммунистической партии Нидерландов. На него произвели впечатление французские интеллектуалы, такие как Луи Арагон и Андре Мальро. Для него, как для писателя, самой важной встречей стала встреча с Андре Жидом⁷, который выступил на Европейском конгрессе антифашистских писателей. Порвав с буржуазной литературой («Товарищи, время пришло, буржуазная литература умирает от своей собственной гнилости»), Ж. Ласт обращал больше внимания на художественную красоту, чем на революционное содержание. Вместе с Жидом они совершили поездку в Советский Союз, результатом которой в 1936 году было написание критической для советского режима книги «Возвращение из СССР» (*«Retour de l'URSS»*) А. Жида. Ж. Ласт принимал участие в гражданской войне в Испании, но все более критически относился к проводимой там коммунистической политике. Когда военный совет, в котором коммунисты задавали тон, приговорил его к смертной казни в конце 1937 года, Ласту удалось бежать в Скандинавию. В 1938 году он отказался от членства в партии. В 1939 году вернулся в Нидерланды. Во время Второй мировой войны он находился на нелегальном положении как участник движения Сопротивления и должен был скрываться до 1942 года. Его роман – «Первый корабль на Неве» – был опубликован в 1945 году. Затем зарабатывал на жизнь как журналист и писатель. В 1966 году вышла его книга «Мой друг Андре Жид». Будучи социалистическим анархистом, Ласт участвовал в муниципальных выборах в Амстердаме от группы «Прово» (анархисты).

О том, что первым шкипером, пришедшим в порт Петербург, был Ауке Вибес, впервые написал известный голландский историк Якобус Схельтема⁸. В своей «Истории отношений между Нидерландами и Россией» он говорит о 500 дураках, которые шкипер получил за свой смелый прорыв через шведскую блокаду Петербурга, и 100 гульденах за матросов корабля. Мы также находим эту версию почти во всех российских исследованиях. А. В. Предтеченский и В. В. Мавродин повторяют эту историю [3: 66], [4: 25]⁹. А. М. Шарымов в книге по истории Санкт-

Петербурга подверг ее критическому анализу [2], [8: 715–725]. Он обратился к архивариусу городка Хинделопен во Фрисландии, откуда и приехал Вибес. Тот в письме к А. М. Шарымову подтвердил, что в городских архивах нет никаких документов об Ауке Вибесе. Несмотря на это, городской совет решил установить статую своему знаменитому земляку. Первым голландцем, который подверг сомнению историю фризского шкипера, был Фрите Спитс [10: 66–67]. Ф. Спитс заявил, что историк Якобус Схельтема, выходец из Фрисландии, придумал эту историю из «местного патриотизма». Настоящим первым голландским шкипером, посетившим Петербург, был не Вибес, а Ян Хиллебрантс (Jan Hillebrants). Существует множество российских источников, подтверждающих эту версию, например, в известном сочинении И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» упоминается не Ауке Вибес,

а некий Гильбранд¹⁰. На самом деле это был Ян Хиллебрантс, шкипер с острова Терсхеллинг. Известно, что царь Петр упоминает его в письме к Меншикову от 1712 года¹¹. Имя появляется в русской газете «Ведомости» от 23 декабря 1703 года¹².

Роман Жефа Ласта, который основан на устоявшейся историографии, конечно, не об исторической достоверности реконструированной истории, а о моральной дилемме, которая лежит в основе сомнений Ауке и Петера Вибесов: можно ли служить царю, не боящемуся насилия над гражданами, которые должны соответствовать его планам и прихотям. Эта важная моральная проблема также лежит в основе других голландских литературных произведений, которые фокусируются на фигуре Петра I. Я подробно остановился на этом в своих книгах о Петре Великом в Бельгии [1], [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Last J. Het eerste schip op de Newa. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1945. 278 р. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

² Витсен Николас (Nicolae Witsen) (1641–1717) – голландский политик и предприниматель, бургомистр Амстердама в 1682–1696 годах. В 1666–1667 годах посетил Россию в составе голландского посольства; сохранился его дневник и записка об этом путешествии. В 1692 году издал составленное им первое в Западной Европе описание Сибири «Северная и Восточная Тартария» (2-е дополненное издание вышло в 1705 году), с 1693 года начал торговлю с Россией.

³ Эпизод с прибытием первого голландского корабля в Петербург вошел в фильм «Петр Первый» (2 серии, киностудия «Ленфильм», 1937–1938).

⁴ Данное рассуждение царя перекликается с его речью при спуске корабля «Шлиссельбург» 28 сентября (11 октября) 1714 года, приведенной Ф.-Х. Вебером (см.: Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия: новые заметки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011. С. 20–21).

⁵ У прусского короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740) в армии был полк солдат высокого роста (не менее 2 метров), известных как «потсдамские великаны», «длинные парни» («Lange Kerle») или «великанская гвардия» (Riesengarde). Чтобы заручиться поддержкой Пруссии, Петр I дарил своих рослых солдат прусскому королю, всего в 1714–1724 годах им было передано «в подарок» 248 солдат, еще 152 были отданы «в услугение».

⁶ Нас не удивляет, что просоветский писатель Ж. Ласт был достаточно хорошо представлен в русских переводах (см. [6: 208–209]). Его роман «Первый корабль на Неве», по понятным причинам, не мог быть опубликован в Советском Союзе.

⁷ Жид Андре (André Gide) (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1947), в первой половине 1930-х годов придерживался левых взглядов, симпатизировал СССР. Летом 1936 года посетил СССР. Вернувшись во Францию, издал книгу «Возвращение из СССР», в которой отметил отсутствие свободы мысли и жесткий контроль за литературой и общественной жизнью, после чего его имя попало в СССР под запрет.

⁸ Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Deel III. Amsterdam, 1818. Р. 154–155. Части этого большого труда переведены на русский язык, см. [5].

⁹ Известный историк Якоб Штелин рассказывает в своем сборнике «анекдотов» об угощении голландцев блиноми, но не называет имя шкипера (Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1988. S. 49–50; см. также новейшее издание на русском языке: Штелин Я. Подлинные истории из жизни императора Петра Великого. М., 2018. 256 с.).

¹⁰ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1837. С. 443–444.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. I. М., 1975. С. 89.

¹² Сообщение из Амстердама от 19 ноября / «Ведомости» № 38 от 23 декабря 1703 года // Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. С. 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб.: Европейский Дом, 2013. 257 с.
2. Кричев Ю. Первый корабль в Петербурге // Звезда. 2018. № 6. С. 153–158.

3. Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л.: Лениздат, 1983. 208 с.
4. Предтеченский А. В. Основание Петербурга // Петербург петровского времени. Л.: Газетно-журнальное изд-во, 1948. С. 5–48.
5. Русская библиография о Голландии и русско-голландских отношениях, 1700–2000 / Под ред. Э. Вагеманса, Х. ван Конингсбрюгге. СПб.: Алетейя, 2003. 288 с.
6. Схельтенс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб.: Алетейя, 2003. 302 с.
7. Ханс А., Вагеманс Э., Гузевич Д. Царь-плотник во Фландрии. История одной легенды. СПб.: Европейский Дом, 2014. 100 с.
8. Шарыков А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб.: Нева, 2004. 775 с.
9. Biografisch Woordenboek van het Socialisme en de Arbeidersbeweging in Nederland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socialhistory.org/bwsa/biografie/last>; www.jeflast.nl (дата обращения 06.03.2020).
10. Spits F. Wie was “De eerste schipper op de Newa”? Twijfel over het verhaal van de Hindelooper schipper Auke Wybesz // Het Behouden Huys. 1984. № 3. Р. 66–67.
11. Stutje J. W. Tussen hoop en angst. De communistische jaren van Jef Last // Maatstaf, 42, октябрь 1996.

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 26.07.2021

Emmanuel Waegemans, Doctor of Philosophy (Slavic Studies), Professor Emeritus, Catholic University of Leuven (Leuven, Belgium)
 emmanuel.waegemans@telenet.be

TSAR VS TSAREVICH OR *THE FIRST SHIP UP THE NEVA*

A b s t r a c t. The article analyzes a forgotten novel by a leftist Dutch writer Jef Last *The First Ship Up the Neva* (1945) about a Dutch skipper Auke Wibes, who was the first to bring his ship to the port of St. Petersburg and received a great reward from the Russian Tsar Peter the Great for doing this. Over time, the skipper becomes disillusioned with the Tzar and his reforms, because they were based on violence. The author exposes the myth that Auke Wibes was the first to arrive at the port of St. Petersburg. The significance of the novel lies in the development of a moral dilemma faced by a western person in contact with the imperious Tsar who will stop at nothing.

Key words: Jef Last, Peter the Great, Dutch merchant fleet, Saint Petersburg, Auke Wibes, Jan Hillebrands, Tsarevitch Aleksey Petrovich

For citation: Waegemans, E. Tsar vs Tsarevich or *The First Ship Up the Neva*. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2021;43(6):115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.664

REFERENCES

1. Waegemans, E. The Tsar in the Republic. The second travel of Peter the Great to the Netherlands (1716–1717). St. Petersburg, 2013. 257 p. (In Russ.)
2. Kirpichev, Yu. The first ship in Saint Petersburg. *Zvezda*. 2018;6:153–158. (In Russ.)
3. Mavrodin, V. V. The founding of Saint Petersburg. Leningrad, 1983. 208 p. (In Russ.)
4. Predtechenksy, A. V. The founding of Saint Petersburg. *St. Petersburg of the Petrine times*. Leningrad, 1948. P. 5–48. (In Russ.)
5. Russian bibliography of Holland and Russian-Dutch relations, 1700–2000. (E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, Eds.). St. Petersburg, 2003. 288 p. (In Russ.)
6. Scheltjens, W. Bibliography of Dutch literature in Russian translation. St. Petersburg, 2003. 302 p. (In Russ.)
7. Hans, A., Waegemans, E., Guzevich, D. The carpenter Tzar in Flanders. The story of one legend. St. Petersburg, 2014. 100 p. (In Russ.)
8. Sharikov, A. M. The prehistory of Saint Petersburg. 1703. The book of research. St. Petersburg, 2004. 775 p. (In Russ.)
9. Biografisch Woordenboek van het Socialisme en de Arbeidersbeweging in Nederland. Available at: <https://socialhistory.org/bwsa/biografie/last>; www.jeflast.nl (accessed 6.03.2020).
10. Spits, F. Wie was “De eerste schipper op de Newa”? Twijfel over het verhaal van de Hindelooper schipper Auke Wybesz. *Het Behouden Huys*. 1984;3:66–67.
11. Stutje, J. W. Tussen hoop en angst. De communistische jaren van Jef Last. *Maatstaf*, 42, октябрь 1996.

Received: 8 February, 2021; accepted: 26 July, 2021

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЛАНЬКОВА

ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ms.lankova@mail.ru

Рец. на кн.: У Хэ. Реформы Петра Великого. – Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2018. – 333 с.

В 2018 году в издательстве Пекинского педагогического университета вышла книга «Реформы Петра Великого»¹, авторство которой принадлежит современному китайскому историку У Хэ. Будучи выпускницей факультета русского языка и литературы Нанькайского университета (г. Тяньцзинь) – одного из ведущих центров русистики в Китае, У Хэ защитила докторскую диссертацию по исторической специальности, с 2008 по 2012 год проходила постдокторантuruу на кафедре всемирной истории того же университета. На данный момент У Хэ является доцентом кафедры всемирной истории исторического факультета Нанькайского университета, основные направления сферы ее научных интересов – история России и русско-китайских культурных контактов.

Рецензируемая монография У Хэ посвящена актуальной в китайской историографии теме – реформаторской деятельности Петра Великого. Следует отметить, что ранние упоминания российского императора и его преобразований можно встретить уже в сочинениях китайских публицистов первой половины XIX века. Однако долгое время они были немногочисленны и весьма лаконичны. Во второй половине XX века в Китае количество публикаций о Петре Великом возросло – появилась целая группа китайских ученых, детально изучавших разные стороны многогранной деятельности Петра Великого, и прежде всего его реформы. Среди них можно выделить работы Е Тунфэна², Ли Сянъжунна³, Ли Пэна и Се Цзинфана⁴, Ли Цзюньхина⁵, Сунь Сянсю и Сун Вэнъжуна⁶, Сюй Юнься⁷, Тао Хуэйфэна⁸, Чжан Гуйжуна⁹, Чэн Лицзиня¹⁰, Чэн Чжэнгуана¹¹, Цзя Вэнъхуа¹². Интерес к личности российского императора возник закономерным образом – в 1980-х годах, в ходе реализации курса «Политики реформ и открытости», Китай пошел по ранее неизвестному ему пути развития и оказался, по сути, в той же ситуации, что и царская Россия в эпоху Петра Великого. Поэтому неудивительно, что китайские историки и исследователи обратились к изучению реформаторской деятельности Петра I, благодаря которой Россия из отсталой во многих сферах страны превра-

тилась в сильное и процветающее государство. В дальнейшем модель социально-экономического развития КНР претерпевала определенные изменения, на стыке XX и XXI веков в Китае ставится цель построения гармоничного общества, и научная программа развития Китая начинает отрицать путь развития по западному образцу, а также позицию тех западных теорий, которые ставят экономику во главу угла. На этом фоне интерес к исследованию деятельности Петра Великого, равно как и самой его личности, не угасает и связан с тем, что Петр I является бессменным символом реформ.

Выбор предмета своего исследования У Хэ объясняет тем, что время правления Петра I стало для царской России совершенно новой эпохой: политика царя, направленная на быстрое военное, политическое и экономическое усиление страны, в итоге увенчалась грандиозным успехом и привела Россию к обретению статуса мировой державы и империи. У Хэ добавляет, что

«во многом для России Петр Великий был первым. В истории России он стал первым царем, который уехал в Европу «просить совета у учителей» и охотно согласился «быть в учениках»; первым царем, который самолично вникал во все дела правления, подавал собой пример и постепенно продвигался по военной службе, получая соответствующее жалование; первым царем, который добился высокого авторитета для своего государства; первым царем, который всеми силами старался создать общегосударственную систему образования» (2).

В монографии представлен комплексный анализ реформаторской деятельности Петра I, автор изучает рассматриваемую проблему в нескольких аспектах: 1) проводит исторический обзор допетровской России; 2) исследует жизнеописание Петра Великого; 3) определяет предпосылки петровских преобразований; 4) выявляет содержание самих реформ (выделяются реформы в военной, финансовой, экономической, политической, церковной, культурной и образовательной сферах); 5) представляет оценку петровских преобразований, их последствий для России.

Источниковую базу монографии составили документы XVII–XVIII веков, среди которых

имеются личные письма и бумаги Петра Великого, полное собрание законов Российской империи (в 46 томах) и описания записных книг и бумаг дворцовых приказов. В основном же китайский историк опирается на советскую литературу, изданную в 1970–1990-х годах: несколько работ Н. И. Павленко, специалиста по отечественной истории петровских времен, С. М. Соловьева, выдающегося российского мыслителя, и его ученика В. О. Ключевского. Для более глубокого анализа деятельности Петра Великого У Хэ использовала не только работы, посвященные изучению конкретных преобразований российского императора, но и подробно излагающие события, происходящие в царской России; в меньшей степени ссыпалась на труды китайских историков, среди которых можно выделить выдающихся исследователей рассматриваемой темы – Тао Хуэйфэня и Сунь Сянсю.

Рассуждая в первой главе об отправной точке реформаторского движения в России, У Хэ много внимания уделяет характеристике личности самого Петра Великого. Отмечается его небывалая работоспособность и постоянное стремление учиться. Особенно подчеркивается склонность русского государя к самостоятельности в освоении различных навыков и ремесел:

«...он научился строить корабли, всесторонне освоил боевое мастерство рядовых солдат и матросов, служил в армии и изучал способы обращения с оружием» (28).

Положительно оценивается и путешествие Петра Великого в западные страны с целью обрести для России новые пути модернизации и превратить ее в сильное, процветающее государство. Однако самой выдающейся особенностью характера Петра I, повлиявшей на успешность всей реформаторской деятельности, У Хэ считает его железную волю, которая помогала разрешать самые непростые проблемы и даже после неудач двигаться вперед. Выделение определенных черт незаурядной личности Петра Великого, его образ как государя, самоотверженно делающего все на благо своего народа, – все это происходит из давно сложившегося в китайской парадигме мышления представления об идеальном правителе. Согласно конфуцианству, древнему этико-политическому учению Китая, идеальный правитель является средоточием всех положительных качеств *цзюньцы*, благородного мужа, который обязан обладать такими добродетелями, как ум, человеколюбие и чувство долга. Один из заветов конфуцианства гласит, что человек, и прежде всего тот, кто имеет власть, обязан постоянно совершенствоваться: «...цзюньцы должен безмолвно поглощать и накапливать знания, без устали учиться и неустанно учить других, передавая им накопленное»¹³. В своей монографии

У Хэ неустанно подчеркивает, что Петр I был прекрасным примером для подражания своим современникам и потомкам.

В ХХ веке к традиционной религиозно-философской основе концепции личности государственного деятеля прибавляется социалистическая идеология с китайской спецификой. Наиболее ярко современную китайскую социалистическую установку развития личности выражает формула, созданная Дэн Сяопином, первые три пункта которой звучат следующим образом: «любить страну», «любить народ», «любить труд». Безусловно, китайская политico-правовая теория, дополненная социалистическими доктринаами, повлияла и на оценку образа Петра Великого, возведенного практически к идеалу правителя, который в качестве главного приоритета государства ставит заботу о благосостоянии народа.

Во второй и третьей главах, описывая начало реформаторской деятельности русского царя, У Хэ делает выводы о том, что первостепенная задача, стоявшая перед Петром I, заключалась в необходимости укрепить военную мощь страны, получить выход к морю и расширить территорию государства. Однако достичь второй цели было непросто, считает китайский историк, поскольку в то время у России существовало два основных соперника в борьбе за морские порты – Османская Турция и Швеция. В связи с поставленными целями по усилению государства преобразования важно было начать именно с военной сферы, и прежде всего создания морской эскадры. Военным реформам Петра Великого уделяется наибольшее внимание во всей монографии, что, безусловно, связано с традиционным китайским геополитическим стремлением к увеличению территории своей страны. Максимального геополитического могущества Китайская империя добилась в эпоху правления императора Канси (1661–1722), когда были покорены народы Центральной Азии, и Срединное государство упрочило свои позиции посредством многочисленных военных экспансий с целью расширения территории. Именно поэтому Петр I в контексте военных походов и экспедиций воспринимался китайцами как знаковая фигура для укрепления границ, расширения территории и создания мощного государства, имеющего сильное геополитическое влияние в своем регионе.

Не менее значимыми в связи с вышеуказанными внешнеполитическими событиями являются преобразования в финансовой и торгово-экономической сферах, о чем повествуется в четвертой главе монографии:

«Что же касается сравнения сил двух противоборствующих сторон, то в большой степени это сравнение их финансовых сторон...», – пишет У Хэ (127).

Китайский историк поощряет реформирование налоговой и денежной системы и вместе с тем отмечает, что тяжелое налоговое бремя легло огромным грузом на простых крестьян и привело к еще большему их закабалению. Однако политика Петра I в отношении крестьян не осуждается и воспринимается как необходимая мера по модернизации государства:

«Петр I, конечно же, предельно ясно понимал, что “интересы государства” являются причиной того, что у крестьян появится еще больше налогов и повинностей» (156).

В пятой главе У Хэ акцентирует внимание на реформах в политической и церковной сферах. Органы власти царской России выделяются в качестве главного управленческого инструмента знати, которая влияла на решение важнейших государственных вопросов, соответственно, построение нового, тоталитарного государственного аппарата управления было в приоритете. Преобразования в политической сфере У Хэ разделяет на два аспекта – реформа центральных органов власти и реформа местных органов власти. Что касается центральных органов власти, то автор называет три этапа реформирования: первый этап (1699–1710) ознаменован частичной реорганизацией прежних центральных органов власти и созданием новых; второй этап (1711–1717) – учреждением Сената и следующей вехой в развитии системы центральных органов власти; третий этап (1718–1725) – преобразованием исполнительных органов власти и появлением 13 коллегий. У Хэ отмечает, что различные проблемы, в частности коррумпированность органов власти и восстания горожан и крестьян, стали стимулом к неоднократному изменению административного деления на районы и созданию местных органов управления.

Отдельным разделом в главе, посвященной политической реформе, выделена реформа усиления централизованной власти. У Хэ пишет о том, что судебная и правовая системы царской России всеми силами стремились упрочить личную власть царя, а также защитить интересы дворянства как господствующего класса.

Исходя из рассмотренных с точки зрения китайского историка аспектов политической реформы, необходимо отметить, что политическая культура всегда играла важную роль в деятельности институтов власти и социально-экономической жизни китайцев. В национальном самосознании китайского народа на глубинном уровне закрепилось отношение к власти, сформированное под влиянием конфуцианства, даосизма и легизма. Так, характерной особенностью политической культуры Китая являлось почитание императора в качестве единоличного правителя государства, в связи с чем регулярно предпринимались меры по укреплению центральной власти в стране. А дисбаланс в развитии регионов, планомерно увеличивающийся с каждым годом, всегда стимулировал китайцев к попыткам оптимизировать работу органов местного управления, поскольку важнейшей стратегической задачей Срединного государства являлось выравнивание диспропорций между регионами.

В пятой главе также рассмотрена (в меньшей степени, чем политическая) церковная реформа. У Хэ полагает, что огромное влияние Русской православной церкви на все сферы жизнедеятельности жителей царской России создало «свообразную дуалистическую систему правления» (218), при которой в государстве фактически оказалось два лидера – светский и духовный. Церковная реформа представляется китайскому историку тесно связанной с политической реформой, а именно с упрочением личной власти царя. К тому же церковь владела огромными землями и обладала внушительными финансовыми запасами, что делало ее практически независимой от государства, считает У Хэ. Земельные угодья, принадлежащие церкви, особенно волнуют китайского ученого, что объясняется похожими прецедентами в истории императорского Китая, к примеру, сильно возросшим влиянием буддийской церковной общины во времена правления династии Тан (618–907), вследствие чего властям пришлось секуляризировать часть монастырской земли. Подводя итоги, У Хэ пишет о том, что благодаря серии реформ Петру Великому удалось

«полностью положить конец эпохе, когда глава государства и глава церкви находились на одном уровне, а могущественная православная церковь теперь должна была подчиняться государственной воле» (225).

Шестая глава монографии посвящена реформе в области образования и культуры. Результат, полученный вследствие проведения данной реформы, У Хэ считает для истории России самым продолжительным. Положительно оцениваются стремления Петра Великого по созданию ряда высших учебных заведений, среди которых военно-морские и дипломатические школы. Сказано и о развитии в культурной и научной сферах, а также новых веяниях в изобразительном искусстве и архитектуре. У Хэ полагает, что Петр Великий особенно ценил талантливых, одаренных людей, что и послужило одним из стимулов к реформе в области образования и культуры. Китайский историк данные преобразования связывает с воспитанием молодых людей и подготовкой чиновничих кадров. Такая установка основывается на чрезвычайном почитании китайцами образования, культе знаний, высочайшем почете перед древней письменной культурой, а также связи между получением классического

образования и высоким социальным статусом, который давал возможность стать частью образованной элиты Китая.

В завершающей главе дана высокая оценка Петровским реформам. Именно благодаря им, по мнению У Хэ, Россия встала на путь модернизации и обрела статус мировой державы, а успех реформаторской деятельности Петра Великого оказал большое влияние на многие поколения. Китайский историк также полагает, что среднее и мелкое дворянство извлекло наибольшую выгоду из проведенных преобразований:

«...военная и политическая реформы позволили им выйти на авансцену, они горячо поддерживали реформы и быстро стали опорой самодержавия» (298).

У Хэ обращает внимание на негативную реакцию по отношению к церковной реформе Петра Великого и на сопротивление знати, защищающей старые порядки.

Подводя итоги, следует отметить несколько особенностей монографии. Во-первых, У Хэ при написании работы в основном опиралась на советскую (в большинстве) и китайскую литературу, соответственно, западная точка зрения относительно реформаторской деятельности Петра Великого не была рассмотрена в должной степени. Кроме того, У Хэ не использовала труды К. Маркса и Ф. Энгельса в отличие от названных

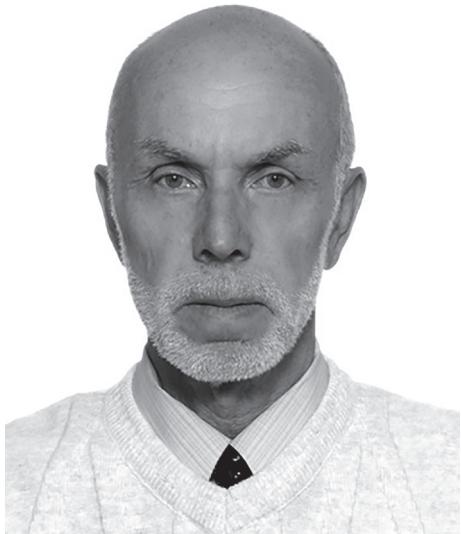
выше китайских исследователей 1980–1990-х годов, работы которых изобилуют цитатами классиков марксизма. Во-вторых, она обращает внимание на те аспекты реформаторской деятельности Петра Великого, которые выделяет традиционная китайская историография, смещая акценты так, чтобы китайский читатель произвел оценку деятельности русского государя именно с китайской точки зрения (к примеру, подробно рассматриваются реформы в военной и политической сферах, гораздо менее значимое место отводится церковной реформе). В-третьих, образ Петра Великого несколько идеализирован и накладывается на представление китайцев об идеальном правителе, которое до сих пор является одним из важных аспектов политической культуры Китая.

Рецензируемая монография не исчерпывает всей полноты проблематики столь разносторонней реформаторской деятельности Петра Великого и вместе с тем стимулирует интерес к личности российского государя китайской научно-педагогической общественности и студенческой аудитории.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 吴贺。彼得一世改革。北京: 北京师范大学出版集团, 2018年, 333页。(У Хэ. Реформы Петра Великого. Пекин: Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2018. 333 с.). В тексте цитируется в круглых скобках.
- ² 叶同丰. 试论彼得一世改革的性质 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版), 1987年, 第8期, 41–47页。(Е Тунфэн. О характере реформ Петра I // Вестник Фуцзяньского педагогического университета (Общественные науки и философия). 1987. № 8. С. 41–47).
- ³ 李显荣. 论彼得改革及其评价 // 史学月刊, 1985年, 第1期. 109–115页。(Ли Сяньжун. О петровских реформах и их оценке // Исторический ежемесячник. 1985. № 1. С. 109–115).
- ⁴ 李朋, 谢景芳. 彼得一世改革特质与俄国现代化方向 // 求是学刊, 1996年, 第6期, 108–111页。(Ли Пэн, Се Чзинфан. Особенности реформ Петра I и курс на модернизацию России // Журнал «Цюши». 1996. № 6. С. 108–111).
- ⁵ 李俊英. 试析彼得一世改革成功的原因 // 河北师范大学学报, 1989年, 第4期, 94–97页。(Ли Чзюньин. Анализ причин успеха реформ Петра I // Вестник Хэбэйского педагогического университета. 1989. № 4. С. 94–97).
- ⁶ 孙祥秀, 宋文荣. 略论彼得一世的改革 // 《思想战线》, 1981年, 第1期, 13–19页。(Сунь Сянсю, Сун Вэньжун. Коротко о реформах Петра I // Идеологический фронт. 1981. № 1. С. 13–19).
- ⁷ 徐云霞. 彼得一世的改革思想 // 辽宁大学学报, 1991年, 第1期(总107期), 110–112页。(Сюй Юнься. Реформаторские идеи Петра I // Вестник Ляонинского университета. 1991. № 1 (107). С. 110–112).
- ⁸ 陶惠芬. 论彼得一世在改革中的作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1981年, 第3期, 53–58页。(Тао Хуэйфэн. О роли Петра I в проведении реформ // Институт мировой истории Китайской академии общественных наук. 1981. № 3. С. 53–58); 陶惠芬. 彼得一世的文化教育改革及其作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1992年, 第5期, 76–85页。(Тао Хуэйфэн. Реформы Петра I в области культуры и образования и их роль // Институт мировой истории Китайской академии общественных наук. 1992. № 5. С. 76–85).
- ⁹ 张桂荣. “彼得一世改革”给世人的启示 // 潍坊教育学院学报, 1997年, 第3期(总第25期), 14–16页。(Чжан Гуйжун. Открывая современникам «петровские реформы» // Журнал Вэйфансского института образования. 1997. № 3 (25). С. 14–16).
- ¹⁰ 陈利今. 彼得一世的改革及其局限性 // 湖南师院学报(哲学社会科学版), 1982年, 第2期. 78–84页。(Чэн Лицинь. Реформы Петра I и их ограниченность // Вестник Хунаньского педагогического института (Общественные науки и философия). 1982. № 2. С. 78–84).
- ¹¹ 陈正光. 试论彼得一世思想的形成 // 江西师范大学学报(哲学社会科学版), 1993年, 第26卷, 第3期, 22–27页。(Чэн Чжэнгуан. Формирование идей Петра I // Вестник Цзянсийского педагогического университета (Общественные науки и философия). 1993. Т. 26. № 3. С. 22–27).
- ¹² 贾文华. 彼得一世改革与俄国近代化 // 商丘师专学报(社会科学版), 1987年, 第4版, 44–48页。(Цзя Вэньхуа. Реформы Петра I и модернизация России // Вестник педагогического колледжа Шанцю (Общественные науки). 1988. № 4. С. 44–48).
- ¹³ 杨伯峻译注. 论语译注. 北京: 中华书局. 1980年, 第179页。(Ян Боцзюнь. Перевод и комментарий «Лунь Юя». Пекин: Чжунхуа, 1980. С. 179).

17 августа 2021 года исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору, члену редколлегии журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» Владиславу Ивановичу Голдину.

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ГОЛДИН

К 70-летию со дня рождения

В. И. Голдин родился в г. Архангельске. В 1973 году окончил историко-филологический факультет Архангельского государственного педагогического института. Отработав по распределению, поступил в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института. Окончив ее в 1979 году и защитив в 1980 году кандидатскую диссертацию, В. И. Голдин 10 лет проработал в Архангельском педагогическом институте на кафедре истории СССР и 8 лет был деканом историко-филологического, а потом исторического факультета. С тех пор его связывает тесное сотрудничество с историками ПетрГУ. В 1989–1992 годах учился в докторантуре МГУ и в 1993 году защитил в Москве докторскую диссертацию на тему «Интервенция и антибольшевистское движение на Севере России. 1918–1920».

Вернувшись в Архангельск, в 1992–1994 годах был деканом исторического факультета, а с 1994 по 2011 год – проректором по научной работе Поморского университета. С 2011 года работает профессором на кафедре регионоведения, международных отношений и политологии САФУ. Последние годы активно занимается проблемами geopolитики и международных отношений в Арктике, изучением исторического прошлого, современности и перспектив развития Северного морского пути, по которому прошел в составе международной научной экспедиции в 2013 году. Результатом активной научной деятельности В. И. Голдина стала публикация более 600 научных работ в 8 европейских странах и США, в том числе 31 книги. Он является соавтором двух учебных пособий, а также трех монографий, изданных за рубежом. Под его руководством и при научном консультировании подготовлены и защищены 7 докторских и 13 кандидатских диссертаций. Работа в различных отраслях научных знаний не ослабила интерес ученого к проблемам исторической науки. Напротив, став ведущим историографом и одним из видных разработчиков истории Гражданской войны в России, он основал в 2012 году Ассоциацию исследователей Гражданской войны в России (АИГВР), став ее президентом и главным редактором Альманаха АИГВР.

За большой вклад в развитие науки и высшего образования В. И. Голдину присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного работника высшей школы РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ. Награжден почетной серебряной медалью В. И. Вернадского и почетным знаком «Орден орла с короной» РАЕН.

Желаем юбиляру крепкого здоровья и творческих успехов!

С. Г. Веригин, директор ИИПСН ПетрГУ

Международная конференция

«ГРАНИЦА НИШТАДТСКОГО МИРА – ЛИНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

6–9 октября 2021 года, Выборгский объединенный музей-заповедник (Выборгский замок).

Ленинградская область, г. Выборг, Замковый остров, д. 1

Выборгский объединенный музей-заповедник совместно с Комитетом по сохранению культурного наследия Ленинградской области, Музейным агентством Ленинградской области, Петрозаводским государственным университетом, Фондом имени Д. С. Лихачева и Институтом Петра Великого (далее – Организаторы) проводит научную конференцию, посвященную 300-летию окончания Великой Северной войны и заключению Ништадтского мирного договора в формате Малого Петровского конгресса.

Цель конференции – всестороннее изучение наследия русско-шведской границы, установленной по результатам Ништадтского мира 1721 года, привлечение внимания к проблемам сохранения памятников петровского времени, расширение сотрудничества российских и европейских учреждений науки, образования и культуры в изучении Петровской эпохи.

К участию в конференции приглашаются российские и зарубежные ученые, преподаватели и аспиранты ведущих университетов, научные сотрудники исследовательских институтов, архивов и музеев.

На конференции предполагается обсуждение следующих тем:

- Европейская дипломатия на путях в Ништадтскому миру;
- Ништадтский мир и провозглашение Российской империи;
- Демаркация русско-шведской границы в 1722 году;
- Трансграничные контакты: местное население в условиях войны и мира;
- Возвращение домой: русские пленные в Швеции и шведские пленные в России;
- Историческая память о Петровской эпохе на северо-западе России и в Финляндии;
- Материальное и нематериальное наследие границы Ништадтского мира;
- Артефакты Петровской эпохи в собраниях музеев северо-запада России и стран Северной Европы, посвященные Ништадтскому миру 1721 года.

Программа конференции предусматривает пленарное заседание и работу в секциях. По итогам планируется выпуск тематического сборника статей с включением в систему РИНЦ. В дни работы конференции запланирована культурная программа – экскурсия по Выборгу и окрестным достопримечательностям, связанным с Петром Великим, его сподвижниками и русско-шведской границей 1722 года.

В случае сохранения коронавирусных ограничений Организаторами будет обеспечена возможность выступлений в формате онлайн.

Оргкомитет конференции:

188800, Ленинградская область, г. Выборг, Замковый остров, д. 1.

ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник»,

тел.: 8 (812) 980 12 93; +7 952 377 59 85,

e-mail: vyborgcastle@yandex.ru, сайт: <http://vyborgmuseum.org>

Контактные лица:

Мельнов Алексей Витальевич

(Выборгский объединенный музей-заповедник), alexmelnov@yandex.ru;

Пашков Александр Михайлович

(Петрозаводский государственный университет), pashkov@petrsu.ru

CONTENTS

Celebrating the 350th birth anniversary of Peter the Great

<p>Editorial note 7</p> <p>LITERARY STUDIES</p> <p><i>Ivanova T. G.</i> HISTORICAL SPACE IN THE SONG ABOUT THE RUSSO-SWEDISH WAR OF 1788–1790 8</p> <p><i>Guryeva A. A.</i> THE FIRST PUBLICATIONS ABOUT PETER THE GREAT IN KOREA IN THE CONTEXT OF KOREAN LITERARY TRADITION 16</p> <p><i>Maiatskii D. I.</i> SPECIFIC PERCEPTION OF PETER THE GREAT IN CHINA: TRANSLATION AND STUDY OF ALEKSEY TOLSTOY'S NOVEL <i>PETER THE FIRST</i> 21</p> <p><i>Petrov A. M.</i> DIVERSE PETROZAVODSK OF VIKTOR PUL'KIN: THE ISSUE OF LOCAL TEXT IN RUSSIAN LITERATURE 29</p> <p><i>Urvantseva N. G.</i> LEGENDS ABOUT PETER THE GREAT IN <i>THE OLONETS PROVINCE GAZETTE</i> 41</p> <p><i>Pelgonen I. V.</i> TALES OF HISTORICAL PERSONALITIES RECORDED IN FINLAND 53</p> <p>LINGUISTICS</p> <p><i>Pushkareva N. V.</i> SPECIFIC FEATURES OF IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1720 NAVAL CHARTER 57</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Samoylov N. A.</i> PETER THE GREAT'S CONTRIBUTION TO THE SOCIO-CULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND EAST ASIAN COUNTRIES 65</p>	<p><i>Shchepkin V. V.</i> RUSSIA AND PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL CONCEPTION OF JAPANESE WRITER SHIBA RYOTARO 77</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Kozhevnikova Yu. N.</i> EXAMINATION OF THE TOMBS OF LOCAL-LY VENERATED SAINTS IN THE OLONETS UYEZD DURING THE PETRINE ERA 84</p> <p><i>Melnov A. V.</i> INSTALLATION OF MONUMENT TO PETER THE GREAT IN VYBORG: PERIODICAL PRESS COVERAGE 93</p> <p><i>Pchelov E. V.</i> NORTHEASTERN LANDS OF THE RUSSIAN TSARDOM IN TERRITORIAL TITULAR HERALDRY OF THE XVI–XVII CENTURIES 101</p> <p><i>Teterevleva T. P., Shurupova E. E.</i> MONUMENTAL COMMEMORATION OF PETER THE GREAT IN ARKHANGELSK 107</p> <p>Discussions</p> <p><i>Waegemans E.</i> TSAR VS TSAREVICH OR <i>THE FIRST SHIP UP THE NEVA</i> 115</p> <p>Reviews</p> <p><i>Lan'kova E. V.</i> The book review: Woo He. Reforms of Peter the Great 122</p> <p>Anniversary</p> <p>Celebrating the 70th birthday anniversary of V. I. Goldin 126</p> <p>Scientific information 127</p>
--	--

В. П. Мегорский

ПЕТРОЗАВОДСК ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ И ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ

В издании представлены исследования петербургского историка, уроженца Олонецкой губернии В. П. Мегорского (1871–1940), посвященные истории Олонецкого края в период Петровских реформ. Работы «Петрозаводск при Петре Великом» и «Кончезерский завод» ранее не публиковались. Ценность трудам придает тот факт, что они написаны, с одной стороны, как научные работы – с использованием архивных и опубликованных источников и с учетом достижений историографии, а с другой – как краеведческие сочинения – со знанием местности, устной истории, исторических преданий и т. д.

Книга представляет интерес для историков Петровской эпохи, краеведов, студентов, школьников, всех, интересующихся историей Карелии.

Мегорский, Василий Петрович. «Петрозаводск при Петре Великом» и другие сочинения / под ред. А. М. Пашкова ; [сост.: Б. В. Мегорский, А. М. Пашков]. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 218 с.

УХЭ

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Интерес к исследованию деятельности Петра Великого, как и к самой его личности, не угасает в Китае. Это связано с тем, что Петр I является бессменным символом реформ. Этот интерес возник закономерно: в 1980-х годах, в ходе реализации курса «Политики реформ и открытости», Китай пошел по ранее неизвестному ему пути развития и оказался, по сути, в той же ситуации, что и царская Россия в эпоху Петра Великого. Соответственно, китайские историки и исследователи обратились к изучению реформаторской деятельности Петра I, благодаря которой Россия из отсталой во многих сферах страны превратилась в сильное и процветающее государство.

УХЭ. Реформы Петра Великого. – Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2018. – 333 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

Эммануэль Вагеманс

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА I ПО ЮЖНЫМ НИДЕРЛАНДАМ В 1717 ГОДУ. ОБРАЗ РУССКОГО ЦАРЯ В БЕЛЬГИИ

Эммануэль Вагеманс – бельгийский славист, профессор-эмерит Люменского католического университета, специалист по истории и культуре XVIII века. В книге воссоздана история пребывания Петра Великого в Австрийских Нидерландах. Побывав в Антверпене, Брюсселе, Брюгге и Остенде, царь отправился во Францию. Посетив французского короля, он вновь проехал через земли, входящие в нынешнюю Бельгию. Цель книги – заполнить пробел в историографии и полнее осветить столь поразительную личность, как великий преобразователь России. Впервые книга была опубликована в Бельгии (1998). Настоящее издание существенно расширено, полностью изменило свою структуру, дополнено новыми иллюстрациями.

Книга рассчитана на специалистов по истории и источниковедению Русского Севера, а также на широкий круг читателей.

Вагеманс, Э. Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году. Образ русского царя в Бельгии / пер. с нидерланд. В. К. Ронин. Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2020. 272 с.

В рубрике «Дискуссии» представлена статья Э. Вагеманса о книге Ж. Ласта «Первый корабль на Неве»

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Биографический словарь, включающий более 700 статей, рассказывает о выходцах из франкоязычных стран Европы в России при Петре Великом – их деятельности, быте, религиозной жизни, семьях. Эти люди оставили глубокий и оригинальный отпечаток на развитии страны, их вклад в русскую культуру огромен. Архитекторы, кораблестроители, военные, инженеры, повара, парикмахеры, представители многих других профессий, они принимали участие в строительстве новой русской столицы, в создании дворцов и парков, стояли у начала русского флота, под их присмотром делали первые шаги русское светское искусство. И, может быть, самое важное – при их участии был переустроен весь русский быт.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В. С. Ржецкого и Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. – М.: Ломоносовъ, 2019. – 800 с.

